

ISSN 0132-1366

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

1

1984

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД
ЯНВАРЬ — ФЕВРАЛЬ

СОДЕРЖАНИЕ

1

1984

<i>Мурашко Г. П.</i> О позиции КПЧ по вопросу национализации основных средств производства в условиях перерастания национально-демократической революции в социалистическую . . .	3
<i>Вяземская Е. К.</i> Российская дипломатия и вопрос об автономии Боснии и Герцеговины в 1876 году	17
<i>Ронин В. К.</i> О «власти» Карла Великого над славянами	33
<i>Мусяенко С. Ф.</i> Гродненский период творчества Зофи Налковской	46
<i>Мурьянов М. Ф.</i> Фрагмент культурной истории древних славян	57
<i>Гаврюшина Л. К.</i> Русская рукописная традиция Жития Саввы Сербского	68
<i>Седакова И. А.</i> К описанию лексики и символики новогодней обрядности болгар (Рождественские обрядовые хлебы)	83

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Наумов Е. П.</i> Национальные движения в Габсбургской монархии после революций 1848—1849 годов	94
<i>Иванов Ю. Ф.</i> Вопросы истории славян	97
<i>Онучин А. И. J. Novák. Rodové erby na Slovensku. 1. Kubinyiho zbierka peatí</i>	99
<i>Никольский С. Hoření Z. Jaroslav Hasek novinář .</i>	100
<i>Грибовская А. И., Моторный В. А. З. Урбан. Чехи и болгары. Культурни взаимоотношения</i>	103
<i>Л. К.</i> Новые библиографические издания «Славянской библиотеки»	104

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

Заборовский Л. В., Иванова О. В. О работе сектора древней истории и истории средних веков Института славяноведения и балканистики АН СССР	107
Терновская О. А. Конференция «Полесье и этногенез славян»	109

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор),
 В. А. ДЬЯКОВ, В. В. ЗЕЛЕНИН (зам. главного редактора), В. И. ЗЛЫДНЕВ,
 В. Г. КАРАСЕВ, Д. Ф. МАРКОВ, А. И. НЕДОРЕЗОВ, С. В. НИКОЛЬСКИЙ,
 Ю. А. ПИСАРЕВ, Л. Н. СМИРНОВ, Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора),
 Я. В. ШМЕРАЛЬ

Адрес редакции: 121069, Москва, Г-69, Трубниковский пер., д. 30а.
 Телефон 290-27-40

Зав. редакцией *Е. В. Пономарёва*

МУРАШКО Г. П.

О ПОЗИЦИИ КПЧ ПО ВОПРОСУ НАЦИОНАЛИЗАЦИИ ОСНОВНЫХ СРЕДСТВ ПРОИЗВОДСТВА В УСЛОВИЯХ ПЕРЕРАСТАНИЯ НАЦИОНАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКУЮ

Во второй половине 60-х годов среди части историков Чехословакии получила распространение концепция о том, что с 1944 г. вплоть до февраля 1948 г. определяющим в стратегии КПЧ якобы был курс на установление так называемого демократического социализма, опирающегося на принципы плюрализма в экономической и политической сферах, в чем находили представления КПЧ об особом, чехословацком пути к социализму.

Для «обоснования» этой точки зрения чаще всего использовалось утверждение, что между КПЧ, социал-демократической и национально-социалистической партиями как ведущими партиями Национального фронта, входившими в социалистический блок¹, не существовало в рассматриваемый период сколько-нибудь серьезных и принципиальных расхождений по вопросам будущего развития страны и тех социально-экономических преобразований, которые предстояло осуществить на основе Кошицкой программы. Из этого постулата и делался важнейший вывод о том, что столкновение сил, деливших после освобождения страны власть в государстве, в феврале 1948 г. было обусловлено не внутренними причинами, а явилось порождением, в первую очередь, таких внешних факторов, как распад антигитлеровской коалиции и раздел мира на два лагеря.

В данной статье рассматриваются аспекты стратегической линии КПЧ, которые обеспечивали переход в руки рабочего класса основных отраслей экономики в условиях, сложившихся после освобождения страны летом 1945 г., когда развитие революции вело к размежеванию политических и классовых сил в стране. Изучение этой проблемы дает, с одной стороны, ключ к пониманию сути революционной стратегии чехословацких коммунистов, базировавшейся на объединении большинства нации вокруг рабочего класса и постепенном превращении этого большинства в антикапиталистическую силу, а, с другой стороны, позволяет раскрыть несостоятельность утверждений ревизионистов о всеобщем согласии по важнейшему для будущих судеб страны вопросу — о собственности на средства производства.

¹ Соглашение о создании социалистического блока, ставившего своей целью совместную борьбу против фашистских оккупантов, было заключено в 1943 г. между представителями коммунистической, социал-демократической и национально-социалистической партий. Совместный манифест подписали 16 представителей этих партий, находившихся в эмиграции в Москве и Лондоне.

В весенне-летние месяцы 1945 г., после окончательного освобождения страны от фашистской оккупации, в чешском и словацком обществе началась сложная перегруппировка политических сил. Национально-патриотический фактор, способствовавший объединению на заключительном этапе второй мировой войны в едином потоке антифашистской борьбы социально и политически разнородных сил чешского и словацкого общества (от рабочего класса до антифашистских группировок буржуазии), после восстановления национальной самостоятельности и государственной независимости стал утрачивать свое цементирующее влияние. На первый план общественной жизни возрожденного чехословацкого государства выдвинулись новые проблемы, и среди них ведущее место приобрели задачи будущих экономических преобразований. Магистральной линией развития революционного процесса в Чехословакии стала борьба за классовое содержание и масштабы национализации промышленности, которая развернулась между рабочим классом и буржуазией — двумя основными силами, делившими политическую власть в государстве после освобождения.

Как известно, Кошицкая программа, являвшаяся платформой объединенных в Национальном фронте антифашистских сил, не определяла в своих экономических разделах формы и масштабы вмешательства этих сил в сферу капиталистической собственности. Здесь четко были сформулированы лишь положения о необходимости наказания «предателей из рядов банковских, промышленных и сельскохозяйственных магнатов, которые в банковских, промышленных, торговых, сельскохозяйственных предприятиях и экономических организациях в период господства немцев помогали им грабить (страну. — *Г. М.*) и вести войну» [1, с. 40], а также о передаче под общее государственное руководство финансово-кредитной системы, ключевых промышленных предприятий, природных ресурсов и энергетических источников, с тем, «чтобы использовать их для восстановления национальной экономики и оживления производства и торговли» [1, с. 44].

Каждая из политических сил, вступивших на арену послевоенной общественной жизни страны, по-своему понимала подписанные в Кошице программные положения и стремилась добиться реализации своей концепции социально-экономических преобразований.

Уже в летние месяцы 1945 г. стали отчетливо обрисовываться два диаметрально противоположных подхода к реализации экономических разделов Кошицкой программы. Буржуазные группировки, получившие доступ к власти, стремились не допустить ослабления экономических позиций своего класса в послевоенном государстве. Представители Национально-социалистической, народной и демократической партий активно сопротивлялись попыткам революционных сил осуществить наказание коллаборационистов из промышленно-финансовых кругов², стремясь ограничить введение национальных управлений³, а также вернуть некоторые промышленные предприятия, взятые ранее под национальное управление, прежним собственникам, аргументируя это якобы не обоснованными обвинениями последних в сотрудничестве с оккупантами.

Но одновременно с такими негативными для реализации революционных преобразований явлениями в чехословацком обществе набирали силу

² Подписанный 19 июня 1945 г. президентом республики декрет о наказании военных преступников, предателей и их пособников и о создании чрезвычайных народных судов из-за сопротивления представителей буржуазии не содержал формулировок, определявших суть и содержание экономической коллаборации. Не было в него включено и положение IX главы Кошицкой программы о наказании промышленных, банковских и сельскохозяйственных магнатов, сотрудничавших с оккупантами. Это открывало возможности не допустить конфискации собственности у коллаборационистских кругов чешской и словацкой буржуазии.

³ В соответствии с Кошицкой программой национальное управление предполагалось установить над всеми видами имущества, находившегося в собственности, аренде и управлении граждан враждебных ЧСР государствам, прежде всего Германии и Венгрии, а также лиц, сотрудничавших с оккупантами [1, с. 41]. Представителям словацкой демократической партии удалось в июне 1945 г. не допустить введения национальных управлений в банках. Только под непосредственным нажимом рабочего класса в августе 1945 г. они дали согласие на эту акцию.

иные тенденции, которые в конечном счете и стали ведущими, обусловив поступательное развитие революционного процесса. Опираясь на завоеванные в ходе освобождения страны позиции, рабочий класс стремился не допустить возвращения старых домюнхенских порядков и добиться кардинальных перемен в отношениях собственности на средства производства. Национальные управления, установленные при активном участии рабочего класса и его органов на местах — заводских советов в Чешских землях и заводских комитетов в Словакии — на большинстве промышленных предприятий, рабочие рассматривали только как временную меру, необходимую для обеспечения порядка на первые недели после освобождения. Далее должно последовать урегулирование отношений собственности. И здесь главную задачу рабочие видели, как сообщалось на заседании словацкого Национального Совета в июне 1945 г., в том, чтобы «промышленные предприятия, независимо от того были ли они собственностью немцев, венгров, предателей, коллаборационистов или нет, вообще не принадлежали частным лицам, банкам, концернам и чтобы этим господам и корпорациям не текли доходы» [2, s. 25]. Настроения добиться передачи государству крупных предприятий и целых отраслей промышленности охватили в тот период основную массу рабочего класса Чехословакии. С конца июня — начала июля 1945 г. в правительство, в Центральный совет профсоюзов стали поступать первые петиции рабочих коллективов, подписанные заводскими советами, с требованием проведения национализации [3, s. 51]. Было совершенно очевидно, что рабочий класс страны положение XII главы Кошицкой программы — поставить всю финансово-кредитную систему, ключевые промышленные предприятия, страхование, природные и энергетические источники под общее государственное руководство — трактовал весьма однозначно, вкладывая в него свое социальное понимание и идентифицируя это положение с изъятием указанных звеньев экономики из рук частного капитала и передачей их в собственность государства.

В этих условиях, когда вопросы о масштабах и глубине социально-экономических реформ, их основной классовой направленности стали фактически центральными в общественной жизни, каждая из политических сил, боровшаяся за гегемонию в послевоенном обществе, неизбежно оказывалась перед необходимостью раскрыть публично свое конкретное понимание соответствующих разделов Кошицкой программы. Без ответа на этот кардинальный вопрос ни одно политическое течение в стране не могло рассчитывать на укрепление своих позиций в обществе, большая часть которого стояла на антифашистских, патриотических позициях. Вместе с тем все политические группировки должны были принимать во внимание стремление рабочего класса не допустить реставрации домюнхенских отношений в сфере экономики, которое нашло свое конкретное воплощение в установлении рабочего контроля в сфере промышленного производства и введении национальных управлений на подавляющей части фабрик, заводов и финансовых учреждений страны. Эти реальности оказывали влияние на содержание и форму предлагаемых обществу концепций послевоенного экономического развития.

Анализ программных заявлений буржуазных политических партий — народной и национально-социалистической в Чешских землях и демократической в Словакии, с которыми они выступили в мае—июне 1945 г., показывает, что ни одна из них не решилась выдвинуть требование реставрации довоенных отношений в системе промышленного производства. Даже народная партия, открыто стоявшая на позициях защиты буржуазного строя, вынуждена была в своем программном документе заявить о том, что «основные принципы социального и экономического строя должны быть подвергнуты ревизии» [4, 10 VI]. Ясно отдавая себе отчет в том, что в сложившейся ситуации прямое восстановление домюнхенских порядков в сфере экономики невозможно, лидеры этой партии суть социально-экономических преобразований сводили лишь к подрыву позиций германского капитала в стране. Однако, учитывая нарастание революционных настроений рабочего класса, они не решались прямо ставить

вопрос о возвращении всего конфискованного имущества, принадлежавшего германским монополиям, в частные руки: «Важные отрасли производства, в первую очередь ключевая промышленность и определенные финансовые институты будут изъяты из рук частных предпринимателей и переданы под управление общественных органов для удовлетворения нужд всей национальной экономики», — подчеркивалось в программном заявлении народной партии [4, 10 VI]. Какие-либо изменения в экономике страны не должны касаться мелкого и среднего предпринимательства, которому обеспечивается поддержка со стороны государства. Что же касается крупного производства, то здесь лидеры народной партии допускали возможность изъятия из рук частных собственников отдельных отраслей промышленности и финансовых институтов и передачи их под управление «общественных органов». Однако понятие «общественные органы» в рассматриваемом документе никак не определялось. Но один аспект безусловно ясен. Поскольку в заявлении четко различаются «обобществление» и «передача государству», то совершенно очевидно, что, выдвигая подобное предложение, руководители народной партии предполагали противопоставить его все более получавшему распространение в среде рабочего класса требованию передачи в собственность государства ключевых отраслей промышленности, финансовых институтов, страхования, шахт и энергетических источников.

Основная идея, пронизывающая все программное заявление народной партии, заключалась в том, чтобы не допустить глубокого вторжения революционных сил в сферу собственности «своей» чешской буржуазии. Но формулировалась она отнюдь не прямо, учитывая специфику складывающейся ситуации, а в виде формально неуклонных требований передачи крупного производства «обществу».

С иных позиций вела борьбу, охраняя классовые интересы буржуазии, партия национальных социалистов, которая в короткий срок, по сути дела, захватила лидерство в буржуазном лагере. Не провозглашая себя открыто защитницей старого строя, а широко рекламируя свою приверженность идеям социализма, эта партия ориентировалась на реализацию своей, в сущности, буржуазной концепции социально-экономических преобразований под прикрытием доктрины особого, прогрессивного чешского социализма. Поэтому неудивительно, что опубликованная в конце мая 1945 г. «Программа действий» партии была насыщена рассуждениями о «социалистической демократии», о «политических свободах в духе гуманизма Масарика», об обеспечении «прав человека» [5, с. 67]. Однако конкретное содержание экономических аспектов программы было довольно скромным. В ней провозглашалось лишь требование установления контроля государства над всеми крупными промышленными предприятиями, природными ресурсами и всеми средствами производства.

В целом указанное предложение совпадало с текстом XII главы Кошицкой программы, если учесть трактовку положения об общем государственном руководстве в момент составления этого документа. Правда, обращает на себя внимание тот факт, что в перечне объектов контроля в программе национальных социалистов отсутствует финансово-кредитная система, стоявшая в Кошицкой программе на первом месте.

Принципиально новым в документе национальных социалистов было утверждение о государственном контроле как о временной мере, пока избранным Национальным собранием не будет принято решение «об окончательном урегулировании вопросов, с этим связанных». Таким образом допускалась возможность осуществления Национальным собранием каких-то дополнительных преобразований, но характер их не раскрывался.

Однако по мере того, как политические реальности в освобожденной стране стали приобретать все более классово очерченные контуры, лидеры национальных социалистов вынуждены были более конкретно высказаться о масштабе будущих реформ в сфере промышленного производства. В программном заявлении партии, оглашенном 19 июня 1945 г., «экономической и социальной необходимостью» признавалась передача

тяжелой и ключевых отраслей промышленности, а также добычи угля «из частных рук в руки общественные» [6, 20 VI]. Кроме того, предлагалось установить «общественный контроль» «через реализацию экономических планов» над теми отраслями, от которых прямо зависит «социальное благо народа». Платформой развития экономики, по мнению лидеров национальных социалистов, должна была стать «плюралистическая система». «Это значит, — говорилось в заявлении, — что мы соглашаемся, чтобы наряду с государственными и общественными промышленными, торговыми, финансовыми предприятиями и институтами существовали и смешанные предприятия, в которых государство или общественные инстанции будут делить собственность с частными предпринимателями, и, наконец, чтобы в промышленности, торговле, предпринимательстве был сектор, который останется в частных руках» [6, 20 VI]. Содержание заявления со всей очевидностью показывает, что под воздействием складывавшейся в стране революционной ситуации национально-социалистическая партия оказалась вынужденной пойти значительно дальше, чем предусматривалось в майской «Программе действий». «Принцип плюрализма» в экономике и положение об «общественном контроле над важными отраслями производства» провозглашались не случайно. Это, безусловно, была попытка воспрепятствовать осуществлению революционных требований рабочего класса, добивавшегося передачи основных отраслей промышленного производства в руки государства, попытка во многом аналогичная тому, чего хотела добиться народная партия.

Различие заключалось лишь в том, что национальные социалисты готовы были согласиться, в духе государственно-монополистических тенденций XX в., на определенное усиление регулирующей роли государства и его участия в управлении производством.

Возможные негативные последствия этого для буржуазии должны были нейтрализоваться созданием «смешанной экономики», что позволяло замаскировать продолжающееся участие капиталистов в управлении производством и в форме «смешанного участия» проникнуть в отрасли промышленности, захваченные германским капиталом и подлежавшие конфискации. Создание «смешанной экономики» оставляло буржуазии возможности для полной реставрации капиталистических отношений в удобный для нее политический момент.

Несколько иных взглядов по вопросам масштабов и направленности будущих реформ в промышленном производстве придерживалась демократическая партия Словакии. Ее усилия были направлены прежде всего на то, чтобы ограничить вмешательство революционных сил в сферу частнокапиталистической собственности лишь теми отраслями, где словацкий капитал не располагал серьезными позициями. Не случайно Й. Леттрих — один из ведущих лидеров демократической партии — допускал возможность передачи государству предприятий немцев, венгров, предателей; а также шахт, металлургических заводов, энергетических источников, военной и ключевых отраслей промышленности. Но вместе с тем он решительно возражал против каких-либо посягательств на среднюю и мелкую промышленность, находившуюся в руках словацкой буржуазии. «Ни в коем случае не передавать государству мелкие и средние предприятия, сохранить частные предприятия и дать возможность открывать новые» [7, 24, IX]. Одновременно Леттрих предлагал в ряде случаев и по отношению к крупным предприятиям «допустить обобществление в форме создания кооперативов, возможно с обеспечением преимущественного участия государства» [7, 24 IX]. Демократы также рассчитывали, таким образом, обеспечить скрытое участие капиталистов в управлении производством, используя для этой цели кооперативные организации, которые в буржуазной Чехословакии, а затем и в так называемом «независимом» словацком государстве находились под руководством и контролем крупного капитала. При этом очень важно отметить, что кооперативы как вид собственности не воспринимались трудовыми слоями общества, и особенно мелкой буржуазией, как капиталистическая собственность.

Итак, рассмотрение программы социальных преобразований, выдви-

нутых к концу июня 1945 г. буржуазными партиями, позволяет констатировать, что эти партии под воздействием революционной ситуации в стране вынуждены были дать согласие на проведение социальных реформ, выходящих за рамки Кошицкой программы. Но при этом главные усилия буржуазных политиков направлялись на то, чтобы не допустить национализации ключевых отраслей промышленности в форме передачи их народно-демократическому государству. Они противопоставляли требованию рабочего класса предложения о разных формах «обобществления экономики». По представлениям буржуазных лидеров, такая политическая линия должна была обеспечить сохранность основных позиций капиталистов в управлении производством либо через создание «смешанных предприятий», либо через «общественные органы управления», либо через систему кооперации, а также гарантировать поддержку со стороны мелкобуржуазных слоев, чьи иллюзии относительно «третьего пути» буржуазные политики намеревались использовать для противопоставления этих слоев рабочему классу.

Посмотрим теперь, какую альтернативу развития, опираясь на положения Кошицкой программы, предлагали политические представители революционного направления в рабочем движении — коммунисты. При неизменности основной цели, сформулированной еще в подполье и эмиграции, политика Компартии за май—июнь 1945 г. прошла определенную эволюцию, связанную с осмыслением изменений, которые происходили в этот период в жизни страны. Первые усилия Компартии были направлены на установление национального управления над имуществом немцев, венгров и коллаборационистов. К началу июня 1945 г. эта задача была в основном решена. Как представляло себе руководство Компартии в этот момент перспективы дальнейшего развития, позволяет судить речь К. Готвальда, произнесенная им 10 июня 1945 г. на районной конференции национальных комитетов в Злине — крупнейшем центре обувной промышленности, являвшемся в буржуазной Чехословакии вотчиной концерна Бати.

Выразив удовлетворение тем, что бывшие собственники и связанная с ними администрация отстранены от управления предприятиями концерна, К. Готвальд предостерег собравшихся, указав, что прежняя администрация рассчитывает на то, что новое руководство не сможет справиться с управлением предприятиями и введение национального управления окажется лишь временной мерой. «Мероприятия, — подчеркнул К. Готвальд, — которые проводит сейчас правительство с помощью национальных комитетов и заводских советов на отдельных предприятиях, являются в определенной степени временными, но временными не в том смысле, что по прошествии определенного срока власть над этими предприятиями может возвратиться к прежним собственникам, а в том, что по мере стабилизации отношений и по мере того, как национальные управления будут всё прочно держать в своих руках и докажут, что умеют все делать лучше, после такого переходного периода предприятия, подобные концерну Бати, возвратятся, и это я подчеркиваю, возвратятся тем, кому они действительно принадлежали, то есть народу, нации, государству» [8, с. 41].

Таким образом, в речи К. Готвальда было четко сформулировано, что коммунисты добиваются и будут добиваться национализации всей крупной промышленности, находившейся ранее в руках немцев и коллаборационистов. Вместе с тем, из данных высказываний ясно, что в тот момент руководство Компартии не считало это делом ближайшего будущего. Действительно, успех национализации К. Готвальд связывал с тем, что национальные управления сумеют на практике показать свою способность лучше управлять экономикой, чем частные владельцы. Для этого, разумеется, требовалось время.

Следует отметить еще одно обстоятельство, о котором у К. Готвальда прямо не сказано, но которое логически вытекает из текста его речи. Курс Компартии на то, что экономика вплоть до окончательного решения вопроса о судьбах промышленных предприятий законодательным органом

будет длительное время находиться под национальным управлением, основываясь на предположении, что бывшие собственники, осужденные за коллаборацию, будут лишены своего имущества.

Существенная часть планов Компартии этого времени может быть восстановлена на основе анализа разработки ею проекта общей экономической платформы совместных действий партий так называемого социалистического блока, объединившего в эмиграции коммунистов, социал-демократов и национальных социалистов. Он возобновил свою деятельность в освобожденной республике под названием «Национальный блок трудящихся города и деревни»⁴. В этом документе⁵ коммунисты весьма недвусмысленно определяли свой взгляд на перспективу грядущих социально-экономических преобразований. «От системы национальных управлений мы не должны возвращаться к старым капиталистическим формам, а должны идти вперед к национализации ключевой и крупной промышленности как целого» [10, с. 95]. Однако при разработке народнохозяйственной комиссией ЦК КПЧ первого проекта экономической программы Национального блока задача национализации действительно не рассматривалась еще в практической плоскости. Главное внимание концентрировалось прежде всего на вопросе реализации положения XII главы Кошицкой программы об установлении государственного руководства финансово-кредитной системой, тяжелой, горнодобывающей промышленностью, энергетикой и страхованием. Для этого коммунисты предлагали создать социальные органы — центральные управления, которые должны были решать две задачи: непосредственно руководить теми звеньями экономики, где установлено национальное управление, и осуществлять надзор и контроль над промышленными предприятиями, остающимися в частных руках [10, с. 95].

Создание центральных органов по руководству введенными национальными управлениями должно было затруднить попытки возвращения имущества прежним владельцам и, вместе с тем, способствовать тому, чтобы система национальных управлений на практике могла показать свои преимущества над частным хозяйством. Постановка вопроса о наделении центральных управлений функциями наблюдения и контроля за деятельностью частных предприятий, показывает, что уже на том этапе Компартия ставила своей задачей создать такую систему управления экономикой, которая в дальнейшем позволила бы подчинить государственному руководству все хозяйство страны. Но это, однако, имелось в виду как более отдаленная перспектива. Формально предлагаемые меры представляли собой попытку конкретизации XII главы Кошицкой программы в соответствии с реальными политическими условиями весенне-летних месяцев 1945 г.

В целом курс Компартии в это время можно определить как линию на постепенное создание условий для фактической национализации ведущих отраслей промышленности и банков, т. е. превращения их в государственные.

Но уже в начале июля 1945 г. в народнохозяйственной комиссии ЦК КПЧ стали выдвигаться предложения прямой передачи государству отдельных отраслей промышленности⁶. Такие настроения имели широкое распространение среди коммунистов. Особенно сильны они были в Словакии, где социальные аспекты происходивших преобразований в значи-

⁴ 17 июня 1945 г. в газетах коммунистической, социал-демократической и национально-социалистической партий было опубликовано соглашение о совместных действиях этих партий, заключенное 8 июня 1945 г. Главной целью «национального блока трудящихся города и деревни» было, как фиксировалось в соглашении, «последовательное проведение правительственной программы» [9, 17 VI].

⁵ Материал, приводимый О. Мразеком [10, с. 94—96] и К. Ружичкой [3, с. 48—50] в их работах по вопросам борьбы за национализацию в 1945 г., свидетельствует, что в течение июня—июля 1945 г. народнохозяйственной комиссией ЦК КПЧ было разработано несколько вариантов этого документа.

⁶ В частности, на заседании народнохозяйственной комиссии ЦК КПЧ 2 июля 1945 г. было внесено предложение передать военную промышленность в собственность государства.]

тельно меньшей степени были окрашены в национальные тона, и борьба против «своих» реакционных группировок буржуазии определяла основную линию политического развития. В Словакии вопрос о необходимости подготовки проекта закона о передаче промышленных предприятий государству обсуждался в руководящих органах КПС уже с середины апреля 1945 г. Одной из причин, побуждавших словацких коммунистов рассматривать уже на этом этапе данную проблему, было то, что «ведущие силы промышленности, — как указывалось на заседании народнохозяйственной комиссии ЦК КПС, — используют период неопределенности для восстановления старых позиций» [11, с. 2—3]. Аналогичные факты достаточно четко стали к концу июня 1945 г. проявляться и в Чешских землях, что, как уже отмечалось, находило свое выражение в стремлении буржуазных партнеров по Национальному фронту не допустить изъятия капиталистической собственности как кары за экономический коллаборационизм.

Одновременно все более решительной становилась и позиция рабочего класса. В такой обстановке в процессе уточнений разрабатываемого коммунистами проекта экономической программы Национального блока, еще до вынесения его на обсуждение всех партий, в текст было внесено предложение о национализации «важных отраслей промышленности». О том, что именно такой вариант был вынесен в качестве основы проекта программы на конференцию народно-хозяйственной комиссии партий блока 3 июля 1945 г. в Иглаве, свидетельствует К. Ружичка. Он пишет: «Проект, который на конференции предложили коммунисты, был собственно подробно разработанным планом экономической политики правительства Национального фронта для первого этапа развития национальной экономики после войны. Одной из его основных идей было требование национализации» [3, с. 49]. Он отмечает, что именно идея национализации и, в частности, вопрос о том, что конкретно включает в себя понятие «важные отрасли промышленности» [3, с. 49], оказались главным стержнем дискуссии, где стала выявляться принципиальная разница в понимании национализации представителями рабочего класса — коммунистами и социал-демократами, опиравшимися на поддержку революционного профсоюзного движения, с одной стороны, и представителями национально-социалистической партии — с другой.

Если первые считали, что национализация должна охватывать все крупные предприятия независимо от того, собственностью «своей» или «чужой» буржуазии они являются, то вторые суть национализации сводили к передаче в «общественное управление» промышленных предприятий определенного размера, принадлежавших немцам, венграм и коллаборационистам [12, 31 VIII]. Не было единства и по вопросу требования национализации в качестве практического лозунга дня. Часть участников дискуссии считала такую постановку вопроса преждевременной [3, с. 49]. По-видимому, разногласия имели столь острый характер, что было принято решение о согласовании указанного вопроса коммунистами и, в частности, Л. Фрейкой как главой народнохозяйственной комиссии ЦК КПЧ с руководством своей партии.

Позиция, сформулированная К. Готвальдом в начале июля 1945 г., свидетельствовала об определенном изменении стратегической линии КПЧ. «Ситуация изменилась до такой степени, — отмечал он, — что мы можем требовать в программе экономической политики блока немедленной передачи государству ключевой и крупной промышленности» [3, с. 49—50].

Чем диктовался такой поворот? Какие факторы побудили руководство КПЧ отказаться от курса на постепенное создание условий для национализации и добиваться немедленного осуществления национализации ключевых отраслей, а также крупной промышленности и банков? Некоторые историки, особенно в работах, выпедших во второй половине 60-х годов, пытались связать появление этого весьма существенного нового момента в экономической политике коммунистов с позицией президента Э. Бенеша, предложившего коммунистам в начале июля 1945 г. подписать ряд декретов о национализации еще до созыва Временного национального

собрания [13, s. 22; 15, s. 147]. Подобная трактовка ⁷ позиции коммунистов как некоего производного от позиции Э. Бенеша по одному из важнейших вопросов развития страны с научной точки зрения представляется мало состоятельной, ибо она не учитывает сложившейся в стране ситуации, с одной стороны, и базируется на упрощенной оценке взглядов Э. Бенеша по вопросам послевоенных социально-экономических преобразований — с другой ⁸.

Анализ ситуации с учётом расстановки политических сил на данном этапе позволяет выявить ряд факторов, определявших поворот в тактической линии коммунистов. К июлю 1945 г. для коммунистов все более очевидным становится тот факт, что из-за сопротивления представителей буржуазии в правительстве будет весьма трудно осуществить осуждение экономической коллаборации. А без этого практически невозможной становилась конфискация собственности у «своей» буржуазии под национально-патриотическими лозунгами. В таких условиях оказывалось невозможным и нецелесообразным длительное сохранение национальных управлений.

Одновременно отчетливо выявляется другой, и притом весьма существенный для перспектив революционных преобразований, фактор: события конца июня — начала июля 1945 г. наглядно показывали, что подавляющую часть чешского и словацкого общества не нужно уже на практике убеждать в преимуществах государственной собственности перед частно-капиталистической, что мощные общественные силы в стране выступают именно за такое решение вопроса. Главной из них был рабочий класс, добывающийся революционных преобразований. В начале июля, как раз в дни работы конференции народно-хозяйственной комиссии партий «Национального блока трудящихся города и деревни» в Иглаве, состоялись под руководством Центрального совета профсоюзов особенно мощные выступления рабочего класса в поддержку национализации основных отраслей промышленности. 3 июля 1945 г. делегация рабочих, представлявшая коллективы 15 крупнейших машиностроительных заводов Праги, посетила министра промышленности Б. Лаушмана и передала ему петицию с требованием немедленной национализации ключевых отраслей промышленности [3, s. 50]. Через несколько дней аналогичную петицию министру промышленности представила делегация шахтеров Северо-чешского бассейна. В ней ставился вопрос о необходимости передачи шахт в собственность государства и прямо указывалось, что «без национализации сотрудничество шахтеров с правительством будет невозможно» [3, s. 51]. 8 июля 1945 г. за национализацию высказалась конференция пражских металлистов. Волна петиций и резолюций в поддержку национализации нарастала.

⁷ Обычно в пользу этой точки зрения в качестве основного аргумента используется следующий фрагмент из протокола заседания президиума ЦК КПЧ: «...согласны с тем, чтобы перед созывом Временного собрания поставить на обсуждение в правительстве декреты о национализации ряда важных отраслей так, как это предлагает президент, но ни в коем случае не ценой компромиссов в принципиальных вопросах» [13, s. 22].

⁸ К. Каплан в своей работе [13] для подтверждения положительного отношения президента к идее национализации использует его высказывание, относящееся к июлю — октябрю 1945 г., когда широко развернулось движение рабочего класса и трудящихся масс за передачу государству ведущих звеньев промышленности и финансов. Однако, если обратиться к анализу более ранних позиций Э. Бенеша по рассматриваемому вопросу, то не трудно увидеть, что их суть, как свидетельствовало выступление президента в мае 1945 г. [6, 17 V], сводилась к дегерманизации всех областей экономической, политической и культурной жизни страны.

Если же рассмотреть предложения Э. Бенеша о национализации некоторых отраслей промышленности, сделанные им коммунистам в июле 1945 г., на фоне происходивших в стране в тот момент политических и социальных сдвигов и соотнести их с ранее сформулированными позициями о дегерманизации, то нельзя не увидеть вынужденность предпринятого Э. Бенешем шага. Делая его, он, по-видимому, рассчитывал в обмен на свое согласие подписать декреты навязать коммунистам и их союзникам собственные условия национализации, отвечавшие интересам представляемых им группировок буржуазии. Об этом ясно говорит реакция руководителей КПЧ («согласны..., но не ценой компромиссов по принципиальным вопросам»).

В такой обстановке ЦК КПЧ и предложил партиям, входившим в «Национальный блок трудящихся города и деревни», новый проект совместной программы экономической политики, составленный с учетом как проявившихся со всей очевидностью антикапиталистических настроений рабочего класса, так и общего соотношения сил в стране, определившегося к началу июля 1945 г.

Коммунисты понимали, что в условиях, когда экономическое сотрудничество чешской буржуазии с оккупантами, по существу, не получило официального осуждения и фактически не подлежало юридическому наказанию, источником укрепления позиций буржуазии в экономике страны могли стать предприятия, взятые в ходе освобождения под временное национальное управление. Такая перспектива могла стать реальной, поскольку немалую часть национальных управляющих составляли не только сторонники буржуазных партий, но иногда и прямые ставленники бывших собственников предприятий. Это, естественно, не вызывало доверия ни со стороны рабочего класса, ни со стороны его представителей в органах власти.

Именно поэтому в предложенном коммунистами новом проекте экономической политики партий Национального блока большое внимание уделялось организации контроля за деятельностью национальных управлений и национальных управляющих, а также будущему предприятий, взятых под национальное управление.

Коммунисты предлагали организовать через заводские советы и профсоюзные организации на местах постоянный контроль за тем, чтобы национальные управления на предприятиях и национальные управляющие руководствовались в первую очередь общественными интересами. В противном случае заводским советам предлагалось ставить вопрос об отзыве как отдельных членов национальных управлений и национальных управляющих, так и технических и коммерческих руководителей предприятий. Важнейшей обязанностью указанных органов рабочего класса на местах должен был стать контроль за тем, чтобы руководящие посты в экономике не попали в руки предателей народа и их пособников.

Таким образом, реставраторским устремлениям буржуазии на местах предполагалось противопоставить силу и организованность рабочего класса, стремившегося не допустить восстановления экономических позиций капиталистов в промышленности.

Рассматривая вопрос о будущем предприятий, находившихся под национальным управлением, коммунисты, опираясь на положения X главы Кошицкой программы, выдвигали следующее предложение: «Из-под национального управления могут быть изъяты и переданы в частную собственность только те мелкие объекты, где новые собственники будут работать со своей семьей» [14, s. 17]. Крупные же экономические объекты могут быть взяты из-под национального управления только в том случае, если их предполагается передать в руки государства или самоуправляющихся органов, союзов и кооперативов.

Такой классово сориентированный подход к решению вопроса о судьбах собственности, находившейся под национальным управлением, давал понять буржуазным партнерам по Национальному фронту, что их намерения частично компенсировать позиции, утраченные чешским капиталом в годы оккупации, за счет возвращения в частную собственность предприятий, захваченных немецкими и венгерскими монополиями, не найдут поддержки рабочего класса.

Вместе с тем такой подход имел принципиально важное значение для диалога (особенно в чешском обществе) с многочисленными мелкобуржуазными слоями города. Эти слои, в большинстве своем ущемленные оккупационным режимом экономически и утратившие своих прежних политических лидеров, стремились не только укрепиться в складывавшейся новой системе хозяйства, но и найти собственное политическое лицо в послевоенном государстве и обществе.

Предлагаемое коммунистами решение вопроса о мелкой собственности в Чешских землях в обстановке борьбы, разворачивавшейся между пар-

тиями за мелкобуржуазные массы, позволяло не допустить их превращения в политический резерв и орудие буржуазии против рабочего класса и обеспечить поддержку со стороны непролетарских слоев трудящихся тех планов социально-экономических реформ, которые выдвигались представителями пролетариата.

В новом проекте экономической политики «Национального блока трудящихся города и деревни», разработанном народнохозяйственной комиссией ЦК КПЧ после дискуссии в Иглаве и консультаций с К. Готвальдом, определяющим стало положение о том, что «в условиях национальной революции... непосредственной задачей является проведение национализации и демократизации прежде всего в области экономики» [14, s. 14]. При этом весьма настойчиво и аргументированно в проекте проводилась мысль о том, что осуществление указанных мероприятий вызывается необходимостью решения важнейшей общенациональной задачи восстановления экономики и что они вытекают из положений Кошицкой программы, в частности ее XII главы, где говорилось о передаче важнейших звеньев экономики под общее государственное руководство. «Если мы хотим, — отмечалось в проекте, — как можно быстрее и с наименьшими экономическими издержками добиться восстановления хозяйственной мощи, необходимо, чтобы руководство нашей экономикой осуществлялось, исходя из общегосударственных, народных и национальных интересов. Наиболее четко обоснованным должно быть руководство финансово-кредитной системой, ключевыми промышленными предприятиями, системой страхования, разработкой природных и энергетических источников — теми отраслями, о которых в правительственной программе говорится, что они должны быть поставлены под общее государственное руководство» [14, s. 17]. Раскрывая сущность своего понимания предложенных Кошицкой программой преобразований, коммунисты предлагали, чтобы «общее государственное руководство» в названных отраслях экономики было установлено «путем их национализации в форме передачи государству» [14, s. 18]. И сделать это следовало немедленно, «сейчас, в период создания новой республики» [14, s. 17].

Для руководства будущим государственным сектором и введения плановых начал в экономике страны КПЧ предлагала организовать Центральные национальные управления для каждой национализированной отрасли. На первое место при этом выдвигались банки и страхование. Центральные управления предполагалось создать также для горнорудной, металлообрабатывающей, металлургической, военной и тяжелой химической промышленности, машиностроения и энергетики. Коммунисты точно следовали положениям XII главы Кошицкой программы. Но в представленном ими проекте был один пункт, который отражал их намерения, используя антикапиталистические настроения рабочего класса, добиться углубления революционных преобразований в сфере промышленного производства и обеспечить передачу государству всех крупных предприятий в тех отраслях промышленности, вопрос о которых не ставился в Кошицкой программе. Именно поэтому коммунисты и предлагали ввести Центральное национальное управление и «для всех остальных переданных государству крупных предприятий ключевого значения» [14, s. 18].

Определяя такие рамки национализации на данном этапе развития революционного процесса, коммунисты отчетливо понимали, что в случае ее успешной реализации будет ликвидирована лишь собственность крупной финансово-монополистической буржуазии. Позиции средней буржуазии окажутся не затронутыми. И для того, чтобы сохранившийся частный сектор поставить под контроль народно-демократического государства и заставить его руководствоваться «общегосударственными, народными и национальными интересами», коммунисты предлагали преобразовать существовавшие до сих пор отраслевые экономические группы Союза промышленности в «национальные союзы», членство в которых должно было стать обязательным, как для государственных, так и для частных предприятий. «Национальные союзы, — отмечалось в „Проекте экономической политики“, — будут принципиально отличаться от прежде существовавших союзов

промышленников, экономических групп или картелей тем, что ключевые предприятия будут государственными и что для другой части предприятий (имеются в виду частные предприятия. — Г. М.)... в этих союзах общественные интересы будут преобладающими» [14, с. 19]. Предполагалось реорганизовать Центральный союз промышленности в Национальный центр промышленности, который должен был координировать деятельность отдельных национальных союзов. Тем самым сохранявшийся частный сектор должен был оказаться под контролем государственного сектора и находиться в постоянной зависимости от него.

Таким образом, частнокапиталистические предприятия оказались бы вовлечены в общегосударственную систему экономической организации, что создавало бы условия для их последующего обобществления.

Оценивая данный документ, предложенный руководством КПЧ в качестве общей платформы партий Национального блока, следует сказать, что в своей основной социальной направленности он был сориентирован в первую очередь на то, чтобы нанести удар по финансово-монополистическим группировкам «своей» и иностранной буржуазии. Предусматриваемые в нем меры должны были неизбежно привести к ликвидации позиций финансово-монополистического капитала и созданию сильного государственного сектора, в котором в качестве собственности народно-демократического государства будут сконцентрированы ведущие звенья финансовой системы и основных отраслей промышленности. Вместе с тем анализ текста документа позволяет констатировать, что в нем предусматривалась организация такой системы управления экономикой, которая не только позволяла бы государству контролировать деятельность сохранявшегося частного сектора, но и ставила его в зависимость от государственного, ограничивая возможности частного предпринимательства.

Предлагаемое коммунистами решение вопроса о судьбах собственности, находившейся под национальным управлением, хоронило надежды буржуазии на возможности ее возвращения в частные руки. Можно с полным основанием сказать, что рассмотренный документ представлял собой программу таких мер, которые будучи последовательно и в совокупности реализованными, неизбежно привели бы к существенному сокращению сферы деятельности капиталистического сектора в экономике страны и к превращению его в один из укладов многосекторной экономики. Ведущая роль отводилась обобществленному государственному сектору. Вместе с тем эти меры должны были обеспечить народно-демократическому государству прочный контроль за сохранившимся средним и мелким частным предпринимательством. Эти качественные изменения в структуре экономики страны должны были стать важнейшим шагом от капитализма к социализму в процессе углубления и перерастания революции.

Анализ этого документа показывает, таким образом, что уже летом 1945 г., т. е. еще задолго до распада антигитлеровской коалиции и раздела мира на два лагеря, Компартия Чехословакии разработала обширный план реформ, осуществление которых должно было обеспечить необходимые условия для перехода к социалистическим преобразованиям, и поставила вопрос о его реализации. Сопоставление этого плана с рассмотренными выше программными заявлениями буржуазных партий показывает, что предложение коммунистов о национализации ведущих звеньев экономики в форме передачи их государству, было именно той гранью, которая отделяла экономическую программу, разработанную коммунистами, от всех программных заявлений национальных социалистов, лидовцев и демократов, стремившихся не допустить «огосударствливания» ведущих отраслей промышленности и выдвигавших в качестве альтернативы установление «общественного руководства» и создание смешанных государственно-частных предприятий. Всем этим предложениям, сформулированным в весьма общей форме, коммунисты противопоставили не только совершенно конкретный план передачи государству тех звеньев промышленности и финансов, которые определялись в Кошицкой программе как объекты государственного руководства, но и четкую систему управления будущей многосекторной экономикой.

В этих условиях вопрос о характере социально-экономических преобразований должен был неизбежно стать предметом острой политической борьбы.

9 июля 1945 г. рассмотренный документ был коммунистами предложен на обсуждение народно-хозяйственной комиссии Национального блока, в которой Компартию представлял Л. Фрейка, социал-демократов — В. Эрбан, национальных социалистов — Новак, Центральный совет профсоюзов — О. Мразек. Как доложил 11 июля 1945 г. Л. Фрейка на заседании народно-хозяйственной комиссии ЦК КПЧ, «проведено обсуждение совместной экономической программы, которая была принята с небольшими изменениями в формулировках» [11, s. 114].

Руководство КПЧ уделяло большое внимание судьбе этого документа. Чтобы обеспечить его принятие в качестве общей платформы партиями Национального блока, предполагалось организовать массовые выступления рабочего класса в ряде промышленных центров: Брно, Мосте и др. [11, s. 117]. Однако дело не дошло до одобрения и принятия проекта программы высшими органами партий блока [15, s. 148]. Впоследствии О. Мразек будет объяснять причину сложившейся ситуации чрезмерной загруженностью этих органов, не имевших якобы времени для рассмотрения данного вопроса [15, s. 148]. В свете сказанного выше очевидна полная наивность такого объяснения.

Причина, вероятнее всего, заключалась в том, что практически невозможным оказалось получить согласие на официальное одобрение предложенного документа со стороны руководства партии национальных социалистов, где тон задавали такие известные буржуазные политики, как П. Зенкл, Г. Рипка, Я. Странский, которые ясно представляли последствия реализации предлагаемых коммунистами реформ. Имеются и прямые свидетельства о возникших серьезных расхождениях в понимании объема и темпов проведения социально-экономических преобразований. Как отмечал на заседании народно-хозяйственной комиссии ЦК КПЧ ее глава Л. Фрейка, национальные социалисты добивались сохранения банков в частных руках. При этом их представители, в частности Я. Странский, открыто не выступали против передачи банков государству, но они настаивали на том, чтобы сначала осуществить передачу государству соответствующих отраслей промышленности, а уже потом рассматривать вопрос о банках [11, s. 14].

Косвенно о разногласиях, возникших в Национальном блоке между коммунистами и поддерживавшими их в этот период социал-демократами, с одной стороны, и национальными социалистами, с другой, по вопросам экономической политики, свидетельствовало и заявление министра промышленности Б. Лаушмана 18 июля 1945 г., в котором он, указывая на необходимость одновременной национализации финансовых институтов и основных отраслей промышленности, отмечал, что «было бы иллюзорно национализировать тяжелую и ключевые отрасли промышленности и дальнейшие звенья производства, а банки оставлять в частных руках, предоставлять свободу финансовому капиталу и финансовой олигархии» [16, 19 VII].

Итак, приведенный материал со всей очевидностью показывает, что в «Национальном блоке трудящихся города и деревни», по сути дела, уже летом 1945 г. намечалось при определении масштабов и социального содержания будущих преобразований в сфере экономики четкое классовое размежевание сил. В такой ситуации, чтобы предотвратить возможный раскол и не допустить тем самым изоляции рабочего класса и его представителей от широких непролетарских слоев трудящихся, руководство КПЧ, исходившее из того, что «вся экономическая политика должна проводиться в рамках Национального фронта и Блока» [11, s. 182], сочло более целесообразным не настаивать на официальном принятии экономической программы Национального блока. Но документ, подготовленный народно-хозяйственной комиссией КПЧ, одобренный Революционным профсоюзным движением, поддержанный социал-демократической партией и левыми элементами в партии национальных социалистов, в котором учитывались,

как показал анализ его содержания, важнейшие для решения поставленных задач факторы внутривластического развития страны, был положен в основу стратегической линии КПЧ.

О том, что это был курс на постепенное полное овладение рабочим классом ведущими экономическими позициями в государстве, свидетельствовала ожесточенная политическая борьба вокруг разработки и принятия декретов о национализации некоторых отраслей промышленности, банков и страхования, развернувшаяся в августе — октябре 1945 г. в чехословацком обществе. В ходе этой борьбы за содержание и социальную направленность декретов четко выявились два классово противоположных подхода. Коммунисты и социал-демократы боролись за реализацию основных положений, сформулированных в проекте экономического политики «Национального блока трудящихся города и деревни», национальные социалисты и выступавшие вместе с ними демократическая и народная партии добивались максимально возможного ограничения масштабов обобщественного сектора экономики.

Содержание декретов, подписанных президентом Э. Бенешем 24 октября 1945 г., показывает, что революционным силам чехословацкого общества на этом этапе борьбы удалось реализовать существенную часть предусматриваемых задач: было ликвидировано засилье иностранного капитала в экономике страны, резко сокращена сфера экономической деятельности буржуазии вообще, ибо она лишилась главной своей опоры — финансового капитала. Решающими позициями теперь должен был располагать государственный сектор [17, с. 200—201].

Однако на этом этапе из-за сопротивления буржуазии и ее представителей в правительстве оказалось невозможно законодательно закрепить создание такой системы управления экономикой, которая поставила бы сохраняющийся частнокапиталистический сектор под полный контроль народно-демократического государства и общественного сектора экономики. Организация такой системы явилась бы важнейшим звеном в общей цепи и мероприятий, направленных на ликвидацию частнокапиталистической собственности на средства производства. Острая политическая борьба вокруг указанного круга проблем продолжалась на протяжении 1946 и 1947 гг. Лишь после победы рабочего класса в февральские дни 1948 г. был полностью осуществлен план преобразований, разработанный Коммунистической партией Чехословакии в 1945 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Cestou května. Dokumenty k počátkům naší národní a demokratické revoluce. Duben 1945 — květen 1946. Praha, 1975.
2. Statny Slovensky Ustredny Archiv, f. UP — SNR, inv. č. 2, 1945. Zapisnice zo zasadnutia SNR, 5 juna 1945.
3. Ružička K. ROH v boji o rozšíření moci dělnické třídy (1945—1948). Praha, 1963.
4. Lidová demokracie, 1945.
5. Studijní materiály k dějinám CSR a KSC (1945—1948), č. II. Praha, 1967.
6. Svobodné slovo, 1945.
7. Cas, 1945.
8. Gottwald K. Spisy, sv. XII. Praha, 1955.
9. Rudé právo, 1945.
10. Mrázek O. Course and result of the nationalisation of industry.— In: The czechoslovak economy 1945—1948. Prague, 1968.
11. AÚML ÚV KSS, f. 21, sig. 1.
12. Svobodný směr, 1945.
13. Kaplan K. Znárodnění a socialism. Praha, 1968.
14. AÚML ÚV KSC, f. 23. c. 26.
15. Vrábec V. ROH a znárodnění 1945.— In: Odbory a naše revoluce. Praha, 1968.
16. Právo lidu, 1945.
17. Мурашко Г. П. Борьба рабочего класса за национализацию промышленности. Из опыта революций 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1979.

ВЯЗЕМСКАЯ Е. К.

РОССИЙСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ И ВОПРОС ОБ АВТОНОМИИ БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЫ В 1876 ГОДУ

Проблема Восточного кризиса 70-х годов XIX в. привлекала и продолжает привлекать внимание ученых. За прошедшие 100 лет создано значительное количество работ, посвященных международным отношениям на Балканах в этот период [1—5]. Усилению интереса и интенсификации исследований в этом направлении в последние годы во многом способствовал столетний юбилей освобождения балканских народов [6—8]. В научный оборот введено немало архивных материалов, раскрывающих политику европейских держав, так или иначе заинтересованных в балканском вопросе. Но вместе с тем следует отметить, что практически все фундаментальные труды буржуазных ученых по истории дипломатии 70-х годов XIX в. основываются на документах из английских, французских и главным образом из австрийских архивов. На недостаточное изучение русских документальных источников еще в 1941 г. указывал американский историк Дж. Рапп, который писал, что «окончательное решение всех спорных вопросов», касающихся Восточного кризиса, следует искать в московских архивах [5, р. VIII]. В послевоенный период советские историки значительно продвинулись вперед в изучении архивов по внешней политике России, и в частности по истории Восточного кризиса. Наряду с классическими исследованиями С. Д. Сказкина, С. А. Никитина в последние годы появились интересные работы К. Б. Виноградова, В. Н. Виноградова, О. Б. Шпаро, Н. С. Княпиной, В. Д. Конобеева и др. В 1978 г. вышла обобщающая коллективная монография «Восточный вопрос во внешней политике России». Серьезной базой для изучения проблемы стали сборники документов и в первую очередь трехтомная публикация «Освобождение Болгарии от турецкого ига» [9]. Большой интерес представляет также публикация материалов периодической печати и архивов «Россия и национально-освободительная борьба балканских народов 1875—1878» [10]. Вместе с тем богатые материалы советских архивов изучены далеко не полностью и позволяют вести дальнейшую разработку многих аспектов сложной многоплановой проблемы восточного вопроса¹. Речь, в частности, идет о политике России на Балканах в 70-е годы XIX в., ее позиции в решении боснийско-герцеговинского вопроса, поставленного на повестку дня с самого начала одного из крупнейших международных конфликтов XIX в.

В данной статье предпринята попытка на основе новых и малоизвестных архивных материалов проследить эволюцию взглядов российской дип-

¹ Под восточным вопросом советские историки понимают сложный комплекс проблем: разложение системы османского владычества в Европе, подъем освободительных движений балканских народов, столкновение интересов великих держав на Балканском полуострове.

ломатии и проанализировать ее деятельность весной — летом 1876 г., т. е. на одном из этапов в период мирного развития кризиса².

Известно, что начало Восточному кризису 70-х годов XIX в. положило восстание в Герцеговине, а затем в Боснии, вспыхнувшие летом 1875 г. Кризис, постепенно расширяясь, вовлек в свою орбиту ряд крупнейших европейских государств. Сложное международное положение России после Крымской войны не позволяло ей действовать самостоятельно и заставляло считаться с позициями, занятыми европейскими державами и в первую очередь Австро-Венгрией и Германией. Развитие балканской политики России проходило в условиях острого противоборства со своим «союзником» (по «Союзу трех императоров» с 1873 г.) — габсбургской монархией, и поэтому эволюция русско-австрийских отношений, оказавшая значительное влияние на ход событий, являлась одним из центральных аспектов всей дипломатической истории Восточного кризиса.

В конце июля 1875 г. российскому канцлеру А. М. Горчакову удалось договориться с Веней о выступлении *a trois*, «не коллективном, но однообразном» [11, с. 174] перед Портой и повстанцами. Попытка не увенчалась успехом, хотя и свидетельствовала о некотором достижении российской дипломатии. Тогда же петербургский и венский кабинеты условились придерживаться принципа невмешательства, что по требованию австро-венгерского министра иностранных дел Д. Андраши должно было сохраняться в тайне. Важно отметить, что с самого начала боснийско-герцеговинских событий в политике России на Балканах наметилась тенденция на решение вопроса путем удовлетворения требований восставших³ и предоставления автономии Боснии и Герцеговине.

Печальные последствия Крымской кампании заставляли Россию опасаться единоличных выступлений, стремиться к согласованности, единству действий «европейского концерта». В августе 1875 г. в Вене был создан «центр соглашения» трех дворов, в задачи которого входила выработка мер для умиротворения на Балканском полуострове. По его инициативе в Герцеговину была направлена международная консульская комиссия с инструкциями венского «центра». Однако деятельность консулов там не дала ощутимых результатов. Размах повстанческого движения заставил Андраши признать необходимость оказания давления на Порту. Боязнь потерять инициативу и уступить лидерство Горчакову побудила его выступить в декабре 1875 г. с программой реформ для Боснии и Герцеговины, которая по сути представляла собой сильно урезанные предложения Горчакова. 30 декабря появилась так называемая нота Андраши, представленная Порте от имени России, Австро-Венгрии и Германии. Державы предлагали: ввести полную свободу вероисповедания для христиан, ликвидировать откупную систему взимания податей, улучшить положение крестьянства, расходовать взимаемые с населения Боснии и Герцеговины прямые налоги только на нужды этих областей, создать для наблюдения за ходом реформ [12, с. 138] специальную комиссию, состоящую равно из христиан и мусульман. Новый европейский демарш успеха не имел. Его провал предопределила ограниченность предложений Андраши, которые не могли удовлетворить восставших. В феврале 1876 г. Порта издала ирада, провозглашавшее ряд реформ в духе ноты от 30 декабря, и затем сообщила европейским кабинетам, что принимает четыре ее пункта. Пятый — об использовании взимаемых налогов — турецкое правительство отвергло, как не соответствующий всей системе финансовой политики в Османской империи. Попытки Порты урегулировать положение в Боснии и Герцеговине провозглашением реформ оказались бесплодными. Опыт, накопленный восставшими в ходе их борьбы за свободу, подсказывал им, что обещанные султаном реформы останутся скорее всего только на бумаге. Русский консул в Скутари И. С. Ястребов сообщал, что известие

² О деятельности российской дипломатии и русско-австрийских отношениях на первом этапе Восточного кризиса см. статью К. Б. Виноградова «Русско-австрийские отношения в связи с восстанием в Боснии и Герцеговине» [6, т. 1, с. 113—126].

³ Эта линия отчетливо проявилась в официальном заявлении правительства России, опубликованном в «Правительственном вестнике» 17 октября 1875 г.

о реформах крестьянство встретило «с изумительным равнодушием» и что христиане «с недоверием ожидают, когда и как турки приступят к введению обещанных ныне реформ», а «местные беги, аги и чиновники высказывают полную уверенность в том, что все должно остаться и останется по-прежнему» [13, д. 749, л. 51]. Практика показывала, что на протяжении всего XIX в. в Османской империи не была последовательно проведена ни одна из провозглашенных реформ [14, с. 152]. Восставшие выдвигали главным условием прекращения борьбы обеспечение гарантий проведения в жизнь реформ. Этот вопрос серьезно обсуждался и в МИД России.

Весна 1876 г. ознаменовалась активизацией военных действий повстанцев. В марте как в Константинополе, так и в Вене были предприняты попытки договориться с черногорским князем Николаем и с его помощью нормализовать положение в Герцеговине. Следствием черногоро-турецких и черногоро-австрийских переговоров было решение провести встречу руководителей герцеговинского восстания с наместником Далмации генералом Г. Родичем, на которой последний должен был огласить предложения Андраши об условиях прекращения восстания. Встреча состоялась 6—7 апреля (по новому стилю) в Суторине. В ответ на зачитанный проект реформ, практически повторявший пункты ноты Андраши ⁴, герцеговинские вожди передали Родичу меморандум с изложением своих требований. Примеру герцеговинцев последовали и представители боснийских повстанцев ⁵. Ограниченность австро-венгерской программы, отсутствие в ней гарантий осуществления предполагаемых реформ обусловили отказ восставших принять условия прекращения восстания. Требования герцеговинских и боснийских руководителей восстания по своему содержанию намного превосходили условия австро-венгерской программы. Характерно, что в обоих меморандумах отсутствовало слово «автономия». Это во многом объяснялось тактическими соображениями восставших, хотя, по существу, в них речь шла именно о введении автономного управления в Боснии и Герцеговине. Встреча в Суторине повлекла за собой усиление дипломатической борьбы, новый виток которой характеризовался в первую очередь обострением русско-австрийских отношений.

Весной 1876 г. в Петербурге ясно осознали, что в русско-австрийском альянсе много уязвимых мест. У Горчакова начинали возникать сомнения в искренности венского партнера. Он подозревал, что Андраши ведет двойную игру. Но тем не менее отклоняться от взятого курса на совместные действия с Австро-Венгрией Горчаков не хотел, и более того, не видел иного способа решения боснийско-герцеговинского вопроса. В определении позиции главы российского внешнеполитического ведомства в отношении Австро-Венгрии играли роль, с одной стороны, уже выработанный с момента создания «Союза трех императоров» стереотип решения внешнеполитических балканских проблем и, с другой, вполне обоснованное опасение, что изолированные действия российской дипломатии чреватy серьезными последствиями. 1 апреля Горчаков писал в Берлин П. П. Убри, одному из наиболее близких ему по духу русских дипломатов: «Я не желаю прорыва в наших дружеских сношениях с графом Андраши; слишком многие ищут пробить в них брешь. Они в особенности выгодны Австрии и их звеном служит Андраши, что не безызвестно самому императору Франц-Иосифу» [17, с. 289].

Осложнившаяся ситуация на Балканах весной 1876 г., малоэффективность ноты Андраши от 30 декабря 1875 г. заставляли Горчакова подумать о новых, более действенных мерах с целью предотвратить расширение кризиса и военную конфронтацию, угроза которой становилась все очевиднее. Одним из наиболее реальных шагов в этом направлении Горчакову представлялась встреча министров иностранных дел России, Австро-Венгрии и Германии.

⁴ Исключение составляли ряд дополнительных пунктов: амнистия для всех восставших, обеспечение безопасности народа от произвола и мести, представление Портой средств для восстановления домов и церквей, освобождение от десятины на 1 год и на 2 года от других налогов. Подробнее см. [15, с. 181—182].

⁵ Требования, выдвинутые герцеговинскими и боснийскими руководителями восстания, см. [16 с. 44—49].

4 апреля Александр II направил телеграмму Вильгельму, предлагая встречу министров иностранных дел в Берлине [18, S. 321]. В тот же день Горчаков проинформировал об этом посла в Вене Е. П. Новикова [19, S. 276]. Российский канцлер считал, что необходима беседа на более высоком уровне — императоров Александра и Франца-Иосифа, так как, по его мнению, «простой встречи (министров иностранных дел. — *Е. В.*) может быть недостаточно, чтобы исчерпать и зрело обсудить все вопросы, в которых могут быть заинтересованы некоторые дворы» [20, д. 37, л. 66]. Царь считал свидание императоров возможным, но в данный момент преждевременным. Планируя встретиться с Францем-Иосифом позднее, он настоятельно просил Горчакова сообщить Новикову в Вену, «что я хотел бы, чтобы Андраши приехал в Берлин для обсуждения втроем ожидающих решения вопросов, которым я придаю самое большое значение» [20, д. 37, л. 66]. Возлагая надежды на личную беседу с Андраши, Александр II считал, что можно поставить вопрос об автономии Боснии и Герцеговины по образцу Сербии. И на высказанные военным министром Д. А. Милютиним сомнения царь ответил, что «надеется уладить это дело с Андраши лично, во время своего проезда через Берлин» [21, с. 40].

В предверии встречи серьезное опасение вызывала в Петербурге позиция Бисмарка. Горчакову не хотелось, чтобы он разыграл «любимую им роль посредника и примирителя, вершителя судеб Европы» [21, с. 41]. Накануне решительного разговора с Андраши он попытался выяснить точку зрения германского канцлера. Инструкции в этом плане были направлены Убри. В донесении из Берлина содержалось следующее: в случае русско-австрийских расхождений по восточному вопросу, заявил Бисмарк, Германия встанет на сторону России. «Пруссия должница России за оказанную ей поддержку в 1866 и 1870 годах; в уплате этого долга она связана честью!» [17, с. 289]. Насколько неискренни были заявления Бисмарка и оправданы опасения Горчакова, стало очевидным позже.

13 апреля в Петербург поступило сообщение от Андраши, что он принимает приглашение Александра II встретиться в Берлине [21, с. 40]. Весной в Петербурге вновь после некоторого перерыва, связанного с представлением Порте ноты Андраши, возобладала точка зрения, что единственно возможным и наиболее эффективным средством решения вопроса было предоставление широких автономных прав восставшим провинциям Османской империи. Эта мысль была сформулирована в дипломатической переписке А. М. Горчаковым в конце марта 1876 г. [2, р. 163]. Позиция российского канцлера вызвала отрицательную реакцию в правящих кругах Австро-Венгрии, и в первую очередь у Андраши. Яблоком раздора между Россией и Австро-Венгрией явились требования, выдвинутые повстанцами в Суторине. Андраши заявил Порте, «что венский кабинет считает требования восставших недопустимыми» [20, д. 28, л. 183—184]. Такое заявление без предварительного согласования с Петербургом вызвало серьезную озабоченность в правящих кругах России [23, с. 159]. Скрытые противоречия в «Союзе трех императоров» всплывали на поверхность. Андраши попытался сделать маневр и *post factum* убедить Горчакова в том, что требования восставших нереальны [4, р. 58].

Разногласия с Россией, постановка на повестку дня вопроса об автономии Боснии и Герцеговины, активным противником которой был Андраши, ставили последнего в трудное положение. Разрыв с Россией на данном этапе не укладывался во внешнеполитическую концепцию Андраши. Он предпринял еще одну попытку исправить впечатление, которое произвело в Петербурге его заявление Порте, уточнив, что оно «ничего не значит», и выразил готовность поддержать некоторые требования восставших [4, р. 59]. Бисмарк усматривал угрозу для себя в разногласиях между союзниками. Поэтому он высказал Андраши мнение, что благожелательное отношение к боснийско-герцеговинским условиям «может быть более приемлемо для нас, чем создание автономных государств» [4, р. 59].

Следует отметить, что при всей эфемерности «Союза трех императоров», глубоких внутренних противоречиях, члены «Союза» стремились каждый в силу своих собственных причин к согласованности в действиях. На пред-

стоящей встрече в Берлине русской дипломатии предстояло решить сложную задачу — сохранить, хотя бы внешне, «согласие» империй и в то же время попытаться осуществить идею автономии для Боснии и Герцеговины.

Возобновление повстанцами боевых действий, демонстративные приготовления Порты для вторжения в Черногорию заставляли русскую дипломатию серьезно готовиться к встрече в Берлине, рассматривать возможные варианты решения боснийско-герцеговинского вопроса с учетом сложившейся на Балканах обстановки, а также расстановки сил на международной арене. Итогом явилась обширная записка МИД, в которой был поставлен ряд важных вопросов, связанных с определением русского курса в балканских делах [20, д. 86, л. 18—26]. В ней четко улавливается тенденция развития взглядов русской дипломатии на боснийско-герцеговинский вопрос. Характерно, что непреложным продолжал оставаться внешнеполитический принцип, выработанный Горчаковым и последовательно проводимый на предшествовавшем этапе — решение всех вопросов в рамках союза трех императоров. Как и ранее, русские дипломаты полагали, что программа умиротворения, «которая примирила бы точки зрения обеих сторон и в которой, следовательно, кабинеты нашли бы необходимый залог европейского согласия», должна быть согласована прежде всего между Россией и Австрией. Прежним оставался также и принцип сохранения Османской империи («как европейской необходимости»). Вместе с тем в МИД рассматривались два возможных варианта развития событий: умиротворение и средства его достижения и позиция России в случае осложнения кризиса. В первом варианте представлялось бесспорным, что умиротворение невозможно без серьезных гарантий осуществления преобразований в Боснии и Герцеговине — «без этих гарантий придется либо увидеть, как восставшие откажутся сложить оружие, либо отправить их на бойню с уверенностью в новых взрывах» [20, д. 86, л. 18—26]. Кроме того, к этому моменту в Петербурге сложилось твердое убеждение, что «единственной, существующей основой этих гарантий являются условия, сформулированные инсургентами» [20, д. 86, л. 18—26].

Накануне встречи в Берлине рассматривались три возможные комбинации в отношении административно-правового положения Боснии и Герцеговины: автономия восставших провинций с вассальной связью; присоединение Боснии к Сербии и Герцеговины к Черногории, проведение реформ административного управления и формирование автономных нахий или общин, аналогичных созданным Омер-пашой в 1868 г. Каждая из трех предлагаемых комбинаций имела с точки зрения МИД России слабые стороны, поэтому на данном этапе кризиса сделать окончательный выбор было трудно. Очевидным было одно — для достижения желаемого результата и претворения в жизнь принятых решений необходимо согласованное выступление европейских держав.

В Петербурге не исключали возможности развития событий в направлении противоположном желаемому умиротворению, что нашло отражение в рассматриваемой записке. В этой ситуации возникали два варианта: либо борьба останется ограниченной пределами восставших провинций, либо Сербия и Черногория вступят в борьбу по своей инициативе или в результате нападения турок. В первом случае Петербург придерживался бы мнения о необходимости сдерживания сербов и черногорцев в целях сохранения всеобщего мира [20, д. 86, л. 18—26], но поставил бы вопрос о закрытии порта Клек, считая «несправедливым и жестоким, если бы восставшие оказались предоставленными сами себе без возможностей вооружиться для своей защиты, в то время как турки могли бы получать оружие через Клек» [20, д. 86, л. 18—26].

В случае вступления Сербии и Черногории в борьбу и создания угрозы расширения кризиса предполагалось предпринять решительные действия, что подразумевало: абсолютное невмешательство или вмешательство, но только коллективное. Принцип невмешательства, как известно, был установлен еще летом 1875 г. Но в этих условиях российские дипломаты ставили задачу определить это невмешательство таким образом, чтобы оно

косвенно не благоприятствовало той или иной из двух сторон. Проблема коллективного вмешательства была не менее актуальной с точки зрения российской дипломатии. Но вопрос о характере такого вмешательства еще не был полностью отработан в МИД. Вместе с тем Горчаков склонялся к тому, чтобы обсудить этот вопрос во время встречи в Берлине.

Особый интерес представляет вывод, содержащийся в заключительной части записки: «Если эти условия неосуществимы, и если Порты должна часть под грузом своих собственных ошибок, — тогда необходимо способствовать и помогать свободному развитию христианских национальностей по пути к политической независимости, — каждая в своих географических пределах и в соответствии со своими естественными свойствами» [20, д. 86, л. 18—26; 24, с. 15]. Таким образом, уже накануне берлинской встречи петербургский кабинет считал возможным предоставление балканским народам не только автономии, но и независимости.

В процессе обсуждения в МИД боснийско-герцеговинского вопроса Горчаков поручил Н. П. Игнатьеву составить записку с исчерпывающим изложением своих взглядов. Игнатьев придавал большое значение официально провозглашению принципа невмешательства. По его мнению, сохранение этого в тайне может дать возможность для австрийской оккупации провинций или английского вторжения в проливы. Вместе с тем, он считал, что невмешательство не исключает энергичных дипломатических шагов. Игнатьев выдвигал идею европейской конференции, которой бы предстояло решить наряду с остальными вопрос о Боснии и Герцеговине [1, р. 294]. Конкретные предложения Игнатьева явились логическим развитием его идей, высказанных еще осенью 1875 г. [26], и в суммарной форме сводились к следующему: 1) существуют только два способа решения вопроса о восставших провинциях. Первый — превращение их в автономные княжества под властью черногорского князя Николая. Второй — передача Черногории горной части Герцеговины и широкие автономные права оставшимся частям Боснии и Герцеговины; 2) признание независимости Черногории и ее территориальное расширение; 3) присоединение к Сербии Малого Зворника; 4) осуществление реформ, провозглашенных в декабрьском фирмане, по всей Османской империи [27, S. 86—87]. Петербург не одобрил эти предложения, посчитав их слишком радикальными. Рассматривая различные варианты развития событий на Балканском полуострове накануне берлинской встречи, Горчаков продолжал отдавать предпочтение линии на умиротворение восставших провинций с проведением там реформ, в основе которых лежали требования повстанцев.

В апреле 1876 г. под руководством Горчакова был разработан проект решения вопроса о восставших провинциях для обсуждения во время встречи министров иностранных дел в Берлине. Копию этого документа американский историк Харрис обнаружил в австрийских архивах и опубликовал в своей книге в качестве приложения [1, р. 447—450]. В Архиве внешней политики России хранится Записка МИД [20, д. 86, л. 157—169 об.], на основе которой был выработан этот проект. В ней более полно и обстоятельно излагался ряд пунктов, например, о требованиях восставших, об отношении к ним Андраши, подчеркивалась различная их оценка Россией и Австро-Венгрией: «Россия сочла, что они могли быть основой для дискуссии», Венский кабинет нашел, «что они переходят рамки программы держав, принятой турецким правительством, а посему он не может поддерживать их перед Портой, и рекомендовал руководителям восставших обратиться непосредственно к последней» [20, д. 86, л. 157—169 об.].

Основные выводы Горчакова были следующие: 1) в любом случае условия руководителей восстания достойны обсуждения; 2) было бы выгодно добиться от Порты перемирия и начала прямых переговоров с представителями Герцеговины; 3) большинство этих условий пригодны для соглашения, которое удовлетворяло бы обе стороны; 4) главное не только провозглашать реформы, но гарантировать их осуществление; 5) сущность вопроса и одновременно главная трудность — в контроле и гарантиях извне, требуемых руководителями восставших и отвергаемых Портой [20, д. 86, л. 157—169 об.; 1, р. 448]. Рассматривая различные

варианты осуществления наблюдения за проведением требуемых реформ, Горчаков считал вполне резонным требование об усилении контроля со стороны консульской или европейской комиссий. Вместе с тем он подчеркивал, что «каким бы ни было принято решение, было бы полезно дополнить его санкцией единства ввиду возможного давления (на Порту. — *Е. В.*)» [20, д. 86, л. 157—169 об.].

11 мая Александр II и Горчаков в сопровождении А. Г. Жomini прибыли в Берлин. В германской столице к ним присоединились русский посол в Вене Е. П. Новиков и консул в Рагузе А. С. Ионин. Тревожная международная обстановка накладывала отпечаток на ход встречи министров иностранных дел. Из Салоник пришло известие об убийстве мусульманами-фанатиками германского и французского консулов. За этим последовал протест держав и отправка военных кораблей в турецкие воды под предлогом защиты подданных европейских государств. Усиливалась внутриполитическая борьба в правящих кругах Османской империи. В конце апреля в Болгарии вспыхнуло восстание, которое стало вершиной болгарской буржуазно-национальной революции [28, с. 31—32].

Андраши приехал в Берлин по просьбе Бисмарка на день раньше русской делегации для предварительной беседы *tête-à-tête*. В ходе их разговора выяснилось, что «железный канцлер» считал целесообразным принять во внимание требования инсургентов. Вместе с тем он поставил перед Андраши вопрос о возможности вмешательства Австро-Венгрии как совместно с Россией, так и самостоятельно. Это предложение, как и выдвинутый Бисмарком вариант итальянской оккупации провинции, не нашли понимания у Андраши. Бисмарк имел в запасе еще одно предложение — возможный раздел европейских владений Османской империи между Австро-Венгрией и Россией. При этом предлагалась следующая комбинация: Австро-Венгрия получает часть Турецкой империи, России возвращается Бессарабия. Андраши, не отвергая полностью этот проект, уклонился от прямого ответа⁶. Венгерский историк Л. Хегедюш писал, что впервые этот вариант начал фигурировать в европейских дипломатических кругах в начале 1876 г., когда в беседе с английским послом О. Расселом Бисмарк в качестве средства для разрешения международных противоречий на Балканах предложил оккупацию Боснии Австро-Венгрией, возвращение России Бессарабии и предоставление Англии свободы рук в Египте [3, р. 629]. 5 января Бисмарк повторил эти предложения П. П. Убри [3, р. 629]. Поставленный в известность об этом Горчаков отверг предложения германского канцлера. Царь заявил, что не даст завлечь себя проектами завоевания Константинополя [29, р. 66; 30, с. 135]. Следует отметить, что в западной историографии довольно часто подчеркивалось, что вопрос о разделе Османской империи был поставлен Горчаковым и что он якобы привез с собой на берлинскую встречу специальный план. Версии, возникшие еще в начале XX в., довольно распространены и в современной западной историографии. Так, буржуазный венгерский историк Е. Вертхаймер в фундаментальной биографической работе, посвященной Д. Андраши-старшему, один из первых упомянул, что Горчаков привез с собой в Берлин проект русско-австрийского договора о разделе территорий Османской империи в случае ее развала [19, S. 297—298]. В целом на взгляды Вертхаймера во многом повлияла современная ему политическая ситуация на Балканах и внешнеполитическая линия А. Эренталя⁷, помощью которого он пользовался при подборе материалов для своей книги. В истории европейской дипломатии он искал аргументы, оправдывающие политику А. Эренталя. Хегедюш, не соглашаясь со многими выводами Вертхаймера, тем не менее также считал, что именно от России на различных этапах Восточного кризиса 70-х годов XIX в. исходили планы раздела Османской империи и подчинения Бал-

⁶ Донесение из Берлина Андраши Францу-Иосифу 12 мая 1876 г. в [1, р. 292].

⁷ А. Лекса Эренталь — министр иностранных дел Австро-Венгрии в 1906—1912 гг., осуществивший дипломатическую подготовку аннексии Боснии и Герцеговины в 1908 г. Подробнее см. [31; 32, с. 262—267].

кан своему влиянию [3, р. 637]. Документы, относящиеся к берлинской встрече, из советских архивов и, главным образом, проект меморандума Горчакова, показывают необоснованность таких утверждений.

11 мая Андраши встретился с Горчаковым, который предложил первоначально обсудить все вопросы втроем, т. е. министрам иностранных дел России, Австро-Венгрии и Германии, а затем вынести выработанный проект на рассмотрение представителей шести европейских государств. Это предложение Горчакова было в конце концов принято, но «не без затруднений» [20, д. 86, л. 45]. Канцлер познакомил Андраши с проектом меморандума, подготовленным в Петербурге⁸. Главной идеей горчаковского проекта являлось обеспечение гарантий осуществления требований восставших в целях умиротворения на Балканском полуострове. Развитие событий показало, что «время для слов прошло» [5, р. 101]. Андраши признал этот документ «абсолютно неприемлемым» [33, р. 294, doc. № 6] и в донесении Францу-Иосифу подчеркнул, что «чувство ответственности не позволит мне ни при каких обстоятельствах согласиться на рассмотрение этого меморандума представителями шести держав» [33, р. 294]. Вечером того же дня состоялась встреча Горчакова, Бисмарка и Андраши. Последний вполне откровенно обрисовал свое трудное положение на посту министра иностранных дел двухцентрового государства, который ответствен перед двумя парламентами. Он заявил, что среди своих коллег в Берлине «будет всегда открыто выражать свои мысли, но когда дело коснется письменных документов, возлагающих обязательства на его правительство, он должен будет взвешивать каждое слово и отбрасывать все, что было бы незащитимо перед делегациями» [20, д. 86, л. 46]. Андраши был трудным партнером в дипломатической игре. Личное обаяние, «голос как музыка, слова как мед» [20, д. 86, л. 46], но за всем этим пряталась стальная неуступчивость его убеждений. По оценке Е. П. Новикова, Андраши был государственным деятелем, наиболее способным возглавлять как союз с Россией, так и оппозицию к ней [20, д. 128, л. 288].

В ходе беседы проявилось, что между Бисмарком и Андраши существовала предварительная договоренность. «Часто, когда он (Бисмарк. — Е. В.) защищал наше дело, взгляд графа давал ему понять, что не следует продолжать», — записал в своем дневнике А. Г. Жюмини [20, д. 86, л. 45 — 52]. Горчаков предложил для обсуждения свой проект. Основные положения этого документа стали предметом упорной дискуссии. Камнем преткновения на этот раз стала идея возможного давления на Порту. Андраши восстал против любого вмешательства или оккупации. «Коллективное вмешательство, по его мнению, неосуществимо, изолированного Австрия не желает, вдвоем — это будет повторением примера Гольштейна. Что касается оккупации третьей державой (Италией), он не сможет этого допустить. Это было бы оскорбительно для Австрии, которая вследствие своего положения и своих интересов единственно обладает необходимыми качествами для оккупации» [20, д. 86, л. 45—52].

Андраши усмотрел в проекте Горчакова то, чего там и не было, т. е. предложение об оккупации. Горчаков был вынужден разъяснить свою мысль о давлении на Порту: речь шла не о территориальной оккупации, а об отправке морской эскадры в Клек для протекции Герцеговины. Это могло бы гарантировать возвращение беженцев, отрезвляюще подействовать на Порту, способствовало бы осуществлению реформ по плану Андраши [20, д. 86, л. 45—52]. Объяснения Горчакова австро-венгерский министр воспринял с недоверием.

Натакчиваясь на непреодолимое сопротивление Андраши, не желая рисковать разрывом с Австро-Венгрией и распадом «Союза трех императоров», Горчаков был вынужден спуститься по лестнице уступок. Андраши телеграфировал в Вену: «Ситуация полностью изменилась. Горчаков тает как масло, отказавшись от всех пунктов, которые нас не удовлетворяют» [33, р. 395, doc. № 7]. Андраши взял на себя инициативу составления нового варианта.

⁸ Текст меморандума см. [1, р. 447—450].

На следующий день Андраши представил свой собственный вариант, суть которого сводилась к двум положениям — 2-х месячное перемирие для проведения реформ и умиротворения восставших провинций и посылка военных кораблей к турецким берегам. Обсуждение вопроса о Черногории было отложено до прибытия посланника князя Николая. Сообщая в Вену об итогах первых переговоров с Горчаковым и Бисмарком, а также о выдвинутых австро-венгерской стороной предложениях, Андраши особо подчеркнул, что в разговоре с Горчаковым о будущих планах он заставил его заявить, что тот не будет возражать против аннексии Австро-Венгрии Турецкой Хорватии (Боснийской Краины). Горчаков придерживался мнения, что пока существует Османская империя, ни одна из держав не должна стремиться к территориальному увеличению за ее счет. Андраши не отвергал это положение, но вместе с тем заявил, что в противном случае Австрия будет заинтересована в аннексии в свою пользу части территории, которая составляет Турецкую Хорватию и население которой исповедует католичество. Одновременно Андраши заявил, что Австрия «не усмотрит ничего неуместного в том, что Россия вернет себе владение частью Бессарабии» [20, д. 86, л. 41—42]. Таким образом, слова, произнесенные Бисмарком в начале 1876 г., были повторены в ходе встречи в Берлине австро-венгерским министром иностранных дел. Характерна последняя фраза в донесении Андраши, отражающая позицию австро-венгерского министра, «вполне достаточно для начала» (выделено нами. — *Е. В.*) [33, р. 395—396, doc. № 7].

Попытки русских дипломатов переубедить каким-либо образом Андраши, даже при поддержке Бисмарка, оказались бесплодными. Под давлением Андраши Горчаков был вынужден отказаться от своих предложений. «Он сделал это с сожалением» и «не скрыл, что приносит эту жертву союзу трех дворов» [20, д. 86, л. 45—52].

Хотя в целом результат переговоров был незначительным, русские дипломаты считали, как это следует из дневниковой записи встречи, что не стоило недооценивать его значения. «Уже в нашем присоединении к ноте от 30 декабря основной побудительной причиной было желание посредством нашего согласия с Австрией создать зачаток европейского союза, столь редкого на Востоке. Наше нынешнее присоединение заставит быть может, сделать еще один шаг к этому союзу, в более активном смысле. Мы можем придти к нему лишь посредством умеренности. Но эта умеренность имеет свою цену. Мы вернули издалека графа Андраши. Он был вынужден, со своей стороны более, чем он того хотел бы, акцентировать свою речь по отношению к Порте» [20, д. 86, л. 45—52].

13 мая текст меморандума, фактически заново написанный Андраши, был зачитан представителям шести держав. В окончательном варианте меморандум России, Германии и Австро-Венгрии по балканским делам, известный в истории как Берлинский меморандум⁹, предусматривал установление двухмесячного перемирия и начало прямых переговоров между Портой и боснийскими и герцеговинскими делегатами на основе 5 пунктов: предоставление возвращающимся беженцам материалов для восстановления домов и церквей, а также пропитания; создание смешанной комиссии для контроля за проведением реформ; сосредоточение турецких войск в определенных пунктах; сохранение за христианами права ношения оружия наравне с мусульманами; контроль со стороны консулов или представителей держав за проведением реформ. По сути своей Берлинский меморандум представлял модификацию ноты Андраши от 30 декабря 1875 г. и внесенные изменения и дополнения не имели принципиального характера.

Непримиримость позиции Андраши по отношению к требованиям восставших обусловила включение в меморандум лишь части из выдвинутых в Суторине условий. Важнейшие из них — передача христианам третьей части земли для владения на правах собственности и создание европейской комиссии для наблюдения за правильностью проведения реформ были

⁹ Берлинский меморандум опубликован в [34, с. 140—143].

обойдены молчанием. Попытки российской дипломатии провести в жизнь идею национальной автономии для Боснии и Герцеговины оказались безрезультатными. Вместе с тем позиция Горчакова наложила отпечаток на окончательный вариант этого дипломатического документа. В его предварающей части, хотя и в расплывчатой формулировке, проводится мысль о необходимости гарантий исполнения Портой своих обещаний, а также о целесообразности давления на правительство султана «чтобы побудить его серьезно приступить к выполнению принятых на себя по отношению к Европе обязательств» [34, с. 142]. Идея отправки военных судов держав на Адриатику также нашла отражение в окончательном варианте меморандума, но, как этого и добивался Андраши, в общей форме и без излишней конкретизации.

Выработанный текст не мог удовлетворить Горчакова. Вызывал недовольство он и у Андраши, который был вынужден несколько расширить границы ранее сделанных им предложений. Французский посол в Берлине Гонто-Бирон писал в то время: «Я полагаю, что Россия не достигла того, что желала. Дело в конце концов сделано, но проявились первые разногласия между Россией и Австрией, и свидетельницей того стала Германия. Россия чувствует здесь очевидное противодействие и одновременно согласие двух держав у себя за спиной» [35, р. 102]. Таким образом, встреча в Берлине министров иностранных дел России, Австро-Венгрии и Германии с еще большей отчетливостью выявила русско-австрийские противоречия по балканскому вопросу. Однако принятие в результате встречи меморандума, написанного под диктовку Андраши, на некоторое время сгладило их остроту. Берлинский документ не вызвал воодушевления и у восставших.

На собрании представителей шести европейских держав 13 мая французский и итальянский представители одобрили текст меморандума. Английский же представитель О. Расел заявил, что не имеет полномочий подписать этот документ. Дизраэли был оскорблен, что все вопросы в Берлине решались без участия Великобритании. Официально об отказе присоединиться к берлинскому меморандуму Англия заявила 19 мая. Более того, как это следует из ноты Дерби от 19 мая 1876 г., Англия направила в Бизикскую бухту свой флот под командованием Друммонда для наблюдения за тем, чтобы «морские силы иностранных держав не были употребляемы на дело, противное правам, предоставленным Порте трактатами, и не умаляли бы тем власти султана» [12, с. 149]. Английский премьер опасался, что лондонский кабинет будет втянут в круговорот событий, итогом которых станет распад Османской империи¹⁰. Отказ Англии присоединиться к предложениям «Союза трех императоров» свел на нет значение и без того ограниченного документа.

Тем не менее державы приняли решение вручить выработанный меморандум Порте. Был намечен срок — 30 мая. Но в ночь с 29 на 30 мая в результате дворцового переворота был низложен турецкий султан Абдул-Азис и на престол возведен Мурад, что в какой-то мере было на руку британской дипломатии. Организаторами заговора выступили «новые османы» главой которых являлся решительный реформатор и энергичный политик Мидхат-паша [37, 38, с. 70—101]. Политическим кредо этого государственного деятеля было проведение реформ, которые должны были предотвратить развал Османской империи. Мидхат и его сторонники настаивали на решительном подавлении выступлений балканских народов.

Правительственный переворот в Константинополе спутал карты в руках европейских дипломатов. Горчаков предпринял ряд шагов, чтобы убедить Андраши и Бисмарка в необходимости вручения меморандума Порте. Но последние заняли выжидательную позицию.

В начале лета усилились приготовления Сербии и Черногории к войне против Турции. Россия продолжала занимать позицию, сдерживавшую военные устремления княжеств. В этот период по инициативе российских дипломатов вновь поднимался вопрос о принципе невмешательства европейских государств в балканские дела. Этот вопрос обсуждался Горча-

¹⁰ Подробнее о позиции Англии см. [36, с. 116—119].

ковым в переписке прежде всего с Андраши. Русский канцлер по-прежнему выступал за обнародование принципа невмешательства. Андраши же твердо продолжал стоять на позициях сохранения его в тайне [11, с. 176], возможно, предполагая отказаться при определенных обстоятельствах от соблюдения этого принципа.

Поднимая этот вопрос в дипломатической переписке с руководителем австро-венгерского внешнеполитического ведомства, Горчаков преследовал триединую цель: с одной стороны, поддержать европейское согласие, избежать изоляции и сохранить мир. К войне Россия не была готова ни с военной, ни с экономической точек зрения. С другой, провозглашением принципа невмешательства Россия могла оказать реальную помощь Сербии и Черногории, удержать которых от вступления в войну против Османской империи, как это пытался делать Петербург на протяжении длительного времени, уже не представлялось возможным. И с третьей, принцип невмешательства, получивший общественное звучание, должен был быть шагом вперед в решении боснийско-герцеговинского вопроса после малоудачной попытки сделать это в Берлине в мае 1876 г.

В июньской записке МИД решительно ставился вопрос о принципе невмешательства, в который российская дипломатия стремилась вложить новый смысл. Подчеркивалось, что «невмешательство не может более замалчиваться, необходимо провозгласить его во всеуслышание, как обязательство, взятое кабинетами» [20, д. 86, л. 130—133 об.]. Невмешательство с точки зрения руководителей МИД «должно быть реальным и беспристрастным», т. е. льготам в пользу одной из сторон, какие имели место в отношении транспорта для перевозки и снабжения турецких войск, не могло быть более оправдания. В ней говорилось о том, что «невмешательство не может быть доведено державами до полной индифферентности». Они не должны забывать «ни о чувствах гуманности и христианской вере, ни о своем основном интересе, чтобы Балканский полуостров не был подвергнут разрушению, которое уничтожило бы там зачатки будущей цивилизации» [20, д. 86, л. 130—133 об.].

В июне 1876 г. Горчаков продолжал упорно акцентировать внимание на необходимости «трибутарной» автономии для Боснии и Герцеговины. Он вновь выдвинул свое старое предложение — «автономия вассальная и трибутарная» по образцу Сербии и Румынии для Боснии и Герцеговины, территориальное увеличение и выход к морю для Черногории. Он полагал, что «восставшие едва ли удовлетворятся меньшим», и отказ в этом «приведет к возобновлению войны, разрушительной и угрожающей финансам и целостности Оттоманской империи» [20, д. 129, л. 139—140 об.].

«Мы всегда рассматривали, — писал Горчаков Е. П. Новикову в Вену 12 июня, — декабрьские и берлинские предложения как минимум уступок, которые предстоит сделать Боснии и Герцеговине. Мы согласились с этими основами, предложенными Андраши, с тем, чтобы констатировать в глазах трех остальных держав наше полное согласие в малейших нюансах. Мы не сомневаемся в том, что они будут отвергнуты Портой и восставшими, последними ввиду перспективы скорого вступления в борьбу Сербии и Черногории; Портой — вследствие позиции Англии и поощрений Эллиота... Достоинство пяти великих держав не позволяет им в случае отказа (Порты. — *Е. В.*) хранить молчание и сидеть сложа руки» [20, д. 128, л. 129]. Горчаков считал, что «автономия останется мертвой буквой, если она не будет полной» [20, д. 76, т. 1, л. 229—232]. Тогда же Горчаков вновь поднял вопрос о закрытии порта Клек для турецких войск [20, д. 129, л. 132 и об.].

Андраши по-прежнему решительно противился предоставлению автономии Боснии и Герцеговине. Он рассматривал даже административную автономию для этих провинций как неосуществимую. Аргументом против, по его мнению, была «недостаточная зрелость (политическая. — *Е. В.*) населения и религиозная рознь [20, д. 78, л. 92; д. 76, т. 1, л. 249—253]. Не изменилась позиция австро-венгерского министра и в отношении сугубо русских требований восставших. Он настоятельно советовал Порте не принимать их в качестве основы для прямых переговоров [23, с. 170].

В это время наметился определенный поворот в политике лондонского кабинета в отношении Османской империи и балканских народов. Продолжая отказываться от присоединения к берлинскому меморандуму, Лондон дал понять, что он не будет против автономии для Боснии и Герцеговины, аналогичной критской. «И если Россия хочет сделать какие-либо предложения по этому поводу, — заявил Дерби, — Англия охотно рассмотрит их» [20, д. 76, т. 1, л. 188—195 об.]. Лондонский кабинет подразумевал административную автономию при назначении султаном чиновника, возглавлявшего администрацию провинции [20, д. 76, т. 1, л. 229—232].

Англия поддерживала в тот момент идею автономии лишь в принципе. Окончательное решение по этому вопросу она относила на более поздний срок. Шувалов сообщал из Лондона, «что в ответ на мою (Шувалова. — *Е. В.*) горячую защитительную речь в пользу автономии как единственно практического выхода Дерби сказал, что поддерживает мнение, что автономия не может предупредить борьбу ныне, но что потом английский кабинет не станет противиться этой комбинации, если она не посягнет на суверенитет султана» [20, д. 78, л. 110 об.]. Насколько Англия была заинтересована в автономии, покажет Константинопольская конференция в декабре 1876 г. и затем Берлинский конгресс 1878 г.

Такая тенденция в английской внешней политике не могла не вызвать серьезного беспокойства в Вене. Австро-венгерскому послу в Лондоне Ф. Бейсту было открыто заявлено о том, что Англия не имеет ничего против автономии Боснии и Герцеговины, но не может допустить одного: аннексии провинций какой-либо державой. Попытки Андраши убедить Дерби отказаться от своей позиции не увенчались успехом. Бейст советовал Андраши начать прямые переговоры с Лондоном. Австро-венгерский посол был сторонником англо-австрийского сотрудничества и активным противником австро-русского союза. Он считал, что все балканские противоречия сможет разрешить альянс Австро-Венгрии и Великобритании [20, д. 128, л. 193—198 об.]. Андраши, по сообщениям Новикова, весьма осторожно относился к предложениям Бейста, так как создание англо-австрийского блока означало реальную угрозу войны с Россией, вся тяжесть которой вследствие географического положения ложилась бы на плечи габсбургской монархии, и заверял российского посла в искренности своего желания договориться с Россией [20, д. 128, л. 193—198 об.]. Но вместе с тем полностью сбрасывать со счетов возможные тенденции в австро-венгерской внешней политике с точки зрения Петербурга было опрометчивым.

Вступление Сербии, а затем Черногории в войну против Турции способствовало дальнейшему углублению международного кризиса на Балканах. С этого момента европейская дипломатия была вынуждена рассматривать боснийско-герцеговинской вопрос уже наряду с другими балканскими проблемами, т. е. как составную часть всего комплекса восточного вопроса.

Начало военных действий серьезно обеспокоило правящие круги Австро-Венгрии и России. Намечавшаяся весной 1876 г. явная тенденция к ухудшению русско-австрийских отношений в начале лета 1876 г. давала о себе знать с еще большей силой. Отказ Андраши от выдвинутых вновь Горчаковым предложений об автономии Боснии и Герцеговины привел к очередному спаду в отношениях Вены и Петербурга. Вместе с тем и Андраши и Горчаков отчетливо представляли опасные последствия развития этой линии. В России понимали, что дальнейшее углубление противоречий с Веной могло грозить памятным со времени Крымской кампании 1853—1856 гг. англо-австрийско-турецким блокированием. Придавая по-прежнему большое значение согласованности в действиях российского и австрийского дворов, Горчаков считал, что встреча в чешском замке Рейхштадт была бы реальной возможностью внести ясность в отношения России и Австро-Венгрии. Идея о встрече императоров нашла положительный отклик и в Вене.

В исторической литературе, посвященной Восточному кризису 70-х годов XIX в., уделялось и уделяется значительное внимание рейхштадтской встрече. Это один из самых спорных и запутанных вопросов в истории международных отношений того периода, что во многом объясняется использованием в старой и новой западноевропейской и американской историографии как правило материалов только из венских и частично из лондонских архивов, широким распространением и использованием версий, основанных на тенденциозно подобранных документах. Встреча, на которой присутствовали Франц-Иосиф, Андраши, с австрийской стороны, и Александр II, А. М. Горчаков и Г. П. Новиков, с русской, состоялась 8 июля 1876 г.

Р. Ситон-Уотсон высказал мнение, что переговоры в Рейхштадте были попыткой возродить традиции времен Екатерины II и Иосифа II, т. е. путем австро-русского сотрудничества решить восточный вопрос и разделить Балканы на русскую и австрийскую сферы влияния [39, р. 46]. Но в этом выводе автора явно не учтено то обстоятельство, что политическая и международная обстановка конца XVIII в. и 70-х годов XIX в. была совершенно различная и в период Восточного кризиса вследствие многочисленных противоречий между Россией и Австро-Венгрией, обусловленных как внутренними, так и внешнеполитическими причинами, не было реальной основы для обновления традиций Екатерины и Иосифа.

Переговоры в Рейхштадте были секретными. Горчаков поставил условием сохранение их в тайне от третьего члена «Союза трех императоров», вполне обоснованно опасаясь Бисмарка. По его мнению, «Берлин не должен был знать больше Лондона» [5, р. 134]. Одним из основных на переговорах в Рейхштадте был вопрос о провозглашении принципа невмешательства. «Было сочтено необходимым не провозглашать (официально. — *Е. В.*) принципа полного невмешательства», вместе с тем стороны договорились, что «державы будут в настоящий момент притерпываться принципа невмешательства, сохраняя за собой право сговориться впоследствии, если того потребуют обстоятельства» [34, с. 144]. Несмотря на секретность переговоров это постановление рейхштадтских переговоров немедленно стало предметом дипломатической переписки между европейскими кабинетами. Об этом стало известно также в Константинополе, в Белграде и Цетинье. Дерби высказал свое удовлетворение принципом невмешательства, так как он «отодвигает угрозу всеобщей войны» [20, д. 78, л. 110 и об.]. Вторая часть рейхштадтских постановлений, касавшаяся территориальных и политико-правовых вопросов будущего балканских народов, оставалась в тайне [40, с. 35].

Известно, что переговоры в Рейхштадте не завершились подписанием соглашения. Была достигнута лишь устная договоренность. Но позднее каждая из сторон зафиксировала собственный вариант результатов встречи¹¹. В этой связи следует подчеркнуть справедливость замечания С. А. Никитина [11, с. 176] о том, что целесообразно отказаться от названия рейхштадтское соглашение и говорить только о рейхштадтских переговорах, «что точнее отображало бы суть дела»¹².

Австро-венгерская и русская стороны договорились о закрытии портов Клек и Каттаро (Котор), на чем постоянно настаивали Горчаков и российские дипломатические представители на Балканах. В Рейхштадте Андраши руководствовался незыблемым принципом австро-венгерской внешней политики — не допустить образования большого славянского государства по соседству с дуалистической монархией Габсбургов, которое могло бы стать центром притяжения для славян империи. В записях результатов переговоров отмечено, что договаривавшиеся державы не должны в случае победы христиан способствовать образованию большой государственной единицы славян. Обе записи зафиксировали возможные

¹¹ Полный текст австрийского варианта был впервые опубликован в [41, 42], русский вариант — в [43, с. 315—316]. Полный текст русской записи был впервые воспроизведен в [44].

¹² На это обстоятельство обращал внимание также В. Д. Конобеев, отмечая, что в отчете МИД за 1876 г. рейхштадтское «соглашение» именуется гипотезой [24, с. 16].

территориальные изменения на Балканах в случае поражения турок. Россия могла возвратить отторгнутую в 1856 г. часть Бессарабии, а Черногория получала возможность присоединить Герцеговину (по австрийской версии — часть прилегающих к Черногории герцеговинских земель), а также порт на Адриатическом побережье. Сербия — некоторые части Старой Сербии и Боснии. В случае поражения Османской империи, по русской записи, предполагалось, что Болгария и Румелия могли бы образовать независимые княжества в «их естественных границах». (По австрийскому варианту Болгария, Румелия, Албания получали только автономию.) Эпир и Фессалия (в австрийском варианте Фессалия и о. Крит) должны были отойти к Греции. Константинополь провозглашался вольным городом. В этой же ситуации, по русской записи, Австро-Венгрия получала право на аннексию Турецкой Хорватии (Боснийская Крайна) и части Боснии, а по австрийской — частей Боснии и Герцеговины.

В случае же победы османов договаривавшиеся стороны могли бы потребовать от Порты введения такого устройства для Боснии и Герцеговины, которое предполагалось нотой Андраши от 30 декабря 1875 г. и берлинским меморандумом. Каждый из вариантов оставался известен соответственно только русской или австрийской стороне вплоть до осени 1876 г., когда встал вопрос о заключении Будапештской конвенции. Анализируя оба варианта записи итогов рейхштадтской встречи, следует отметить их существенное отличие друг от друга как по форме, так и по содержанию. Историки, исследовавшие проблему Восточного кризиса 70-х годов XIX в., как правило, обращали внимание только на различие в пункте о Боснии и Герцеговине в связи с предполагаемой оккупацией их Австро-Венгрией. Следует отметить, что к моменту встречи общие принципы, связанные с политико-правовыми преобразованиями в положении балканских народов, в основе своей были отработаны руководителями как российского, так и австро-венгерского внешнеполитических ведомств. Андраши по-прежнему упорно выступал против: образования крупного славянского государства, предоставления автономии Боснии и Герцеговине и присоединения последних соответственно к Сербии и Черногории. Горчаков же вновь предпринял, хотя и безуспешно, попытку убедить австро-венгерского министра в необходимости введения автономного устройства для восставших провинций Османской империи [23, с. 226]. В то же время накануне рейхштадтских переговоров в отношении возможных территориальных изменений на Балканском полуострове ни у русской, ни у австрийской сторон еще не было достаточно четких представлений, что не могло не отразиться на результатах встречи. Но характерно, что именно Андраши во второй раз официально поставил вопрос о желательных для Австро-Венгрии территориальных приобретениях на Балканах. Ответить однозначно, получил ли Андраши право на аннексию Герцеговины (помимо Боснии), представляется весьма сложным. Но на увеличение территориальных претензий австро-венгерского министра не могло не повлиять развитие событий на Балканском полуострове в конце июня 1876 г.

Известие об объявлении Сербией и Черногорией войны Турции с воодушевлением было воспринято восставшими в Боснии и Герцеговине. Герцеговинцы провозгласили объединение с черногорцами, а князя Николая своим правителем. Герцеговинские повстанцы были организованы по образцу черногорского народного войска, соединены с последним и героически сражались вместе вплоть до 1878 г. 2 июля было обнародовано «Заявление народа боснийского» о присоединении к Сербии. В качестве главнокомандующего боснийскими военными частями из Сербии был направлен полковник М. Деспотович. Естественно такое волеизъявление боснийских и герцеговинских повстанцев не могло вызвать восторг у Андраши. Он попытался через католическое духовенство в этих провинциях противодействовать этим тенденциям [22, S. 243—251].

В ходе рейхштадтской встречи Андраши пообещал Горчакову позднее представить карту с указанием границ территориальных изменений [1, р. 437]. Но об этом «скромно» умалчивал вплоть до заключения

австро-русской конвенции. Думается, что к моменту встречи в Рейхштадте у Андраши уже созрела мысль о присоединении и Боснии и Герцеговины к Австро-Венгрии, и в конечном счете ему удалось этого добиться при заключении будапештской конвенции.

Горчаков, реально оценивая сложную международную обстановку, предвидя дальнейшее обострение балканского кризиса, возможность русско-турецкой войны (а в этой связи для России была небезразличной позиция Австро-Венгрии), а также угрозу создания антирусской коалиции европейских держав, был вынужден согласиться с притязаниями Австро-Венгрии, как он считал, на Боснию. К этому его побуждало также желание сохранить «Союз трех императоров».

В памятной записке МИД, представленной на рассмотрение царю, российские дипломаты уточняли пункты об автономии восставших провинций. Подчеркивалось, что в случае победы турок судьба христиан должна определяться условиями берлинской программы или существующим положением на о. Крит. Но, если позволят условия, может быть введена административная автономия на более широкой основе [44, с. 42—43]. В случае поражения турок следовало в силу установленного принципа невмешательства «предоставить различным национальностям развиваться и организовываться согласно их жизнеспособности и в их естественных границах». Таким образом, находил дальнейшее развитие вопрос о возможности создания в перспективе национальных независимых государств на Балканах. Кроме того, намечался новый вариант будущего развития балканской государственности — федерация балканских государств. Поскольку исключалась возможность создания крупного славянского государства, «самым рациональным исходом было бы создание мелких независимых государств в территориальных пределах, отведенных каждому из них историей и объединенных на федеративных началах» [44, с. 42—43].

Таким образом, в течение весны — лета 1876 г. российская дипломатия продолжала упорно добиваться претворения в жизнь идеи национальной автономии для Боснии и Герцеговины. Вполне естественно, что царское правительство не могло не иметь своих собственных целей и интересов в решении Восточного вопроса. Но формирование балканской линии во внешней политике России шло при объективном совпадении ее интересов с освободительными устремлениями народов Балканского полуострова, и в том числе Боснии и Герцеговины. Однако, на окончательное решение всех вопросов о Боснии и Герцеговине в ходе берлинской и рейхштадтской встреч влияла позиция Австро-Венгрии, принципиально отвергавшая автономию для восставших провинций.

И после малоудачных попыток в мае и июле 1876 г. российская дипломатия не отказалась от мысли добиться преобразований на Балканах в духе требований повстанцев. В последующие месяцы основой для дипломатических обсуждений вопроса о Боснии и Герцеговине стал английский проект, предполагавший для этих провинций административную автономию. Российские дипломаты прикладывали немало усилий, чтобы расширить ограниченные английские предложения. Своего апогея борьба России за автономию Боснии и Герцеговины в период мирного развития кризиса достигла на Константинопольской конференции в декабре 1876 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Harris D.* Diplomatic History of the Balkan Crisis of 1875—1878. The First Year. Stanford — London, 1936.
2. *Sumner B. H.* Russia and the Balkans 1870—1880. Oxford, 1937.
3. *Hegedüs R.* The Foreign Policy of Count Julius Andrassy. — The Hungarian Quarterly, 1937, v. 3, № 3—4.
4. *Stojanović M.* The Great Powers and the Balkans 1875—1878. Cambridge, 1939.
5. *Rupp G. H.* Wavering Friendship. Russia and Austria 1876—1878. Cambridge, London, 1941.
6. Međunarodni naučni skup povodom 100-godišnjice ustanka u Bosni i Hercegovini, drugim balkanskim zemljama i istocnoj krizi 1875—1878 godine, t. 1—3. Sarajevo, 1977.
7. 100 лет освобождения балканских народов от османского ига. М., 1979.

8. Россия и Восточный кризис 70-х годов XIX в. 1875—1878. М., 1981.
9. Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы в трех томах. М., 1961—1967.
10. Россия и национально-освободительная борьба балканских народов 1875—1878. М., 1980.
11. *Никитин С. А.* Русская дипломатия и национальное движение южных славян в 50—70-е годы XIX в. — В кн.: Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50—70-е годы XIX в. М., 1970.
12. *Жигарев С.* Русская политика в Восточном вопросе. Т. II. М., 1896.
13. Архив внешней политики России (АВПР), ф. ГА, У — А₂, 1876.
14. Буны и устанци у Босни и Херцеговини у XIX веку. Београд, 1952.
15. *Вуковић Г.* Херцеговачки и Васојевићки устанак 1875 и 1876 г. Сарајево, 1925.
16. *Красић Э.* Устанак у Босни од 1875 до 1878. Нови Сад, 1884.
17. *Горяинов С.* Босфор и Дарданеллы. СПб., 1907.
18. *Schweinitz L.* Denkwürdigkeiten. Bd. I. Berlin, 1928.
19. *Wertheimer E.* Graf Julius Andrassy. Bd. 2. Stuttgart, 1911.
20. АВПР, ф. Канцелярия, 1876.
21. *Милютин Д. А.* Дневник. Т. 2. М., 1940.
22. *Екмеџић М.* Ustanak u Bosni 1875—1878. Sarajevo, 1960.
23. *Чубриловић В.* Босански устанак. Београд, 1930.
24. *Копобеев В. Д., Мазаев В. И.* Россия и национально-освободительное движение болгарского народа (от Апрельского восстания 1876 г. до русско-турецкой войны (1877—1878)). — В кн.: 100-летие освобождения Болгарии от османского ига 1878—1978. М., 1978.
25. Magyar Országos Levétár. Mikrofilmtár. Turqui, I, 1875, Varia.
26. Записки графа Н. П. Игнатьева. — Исторический вестник, 1914, № 4.
27. *Hünigen G.* Nikolaj Pavlović Ignat'ev und die russische Balkanpolitik 1875—1878. Göttingen, 1968.
28. *Карасев В. Г.* Буржуазно-национальные революции на Балканах и русско-турецкая война 1877—1878 гг. — В кн.: Россия и Восточный кризис 70-х годов XIX в. М., 1981.
29. *Gorjainow S.* La question d'Orient à la veille du traité de Berlin (1870—1876). Paris, 1948.
30. *Виноградов К. Б.* Накануне русско-турецкой войны 1877 г. — История СССР, 1978, № 1.
31. *Виноградов К. Б.* Боснийский кризис 1908—1909 гг. Л., 1964.
32. *Исламов Т. М.* Политическая борьба в Венгрии накануне первой мировой войны. М., 1972.
33. *Bridge F. R.* From Sadowa to Serajevo. The Foreign Policy of Austria-Hungary 1866—1914. London and Boston, 1972.
34. Сборник договоров России с другими государствами 1856—1917. М., 1952.
35. *Hanotoux G.* Histoire de la France Contemporaine. 1871—1900. V. IV. Paris, 1908.
36. *Виноградов В. Н.* Дизраэли, Гладстон и Шувалов в канун русско-турецкой войны 1877—1878 гг. — Новая и новейшая история, 1978, № 2.
37. *Петросян Ю. А.* «Новые османы» и борьба за конституцию 1876 г. в Турции. М., 1958.
38. *Фадеева И. Е.* Мидхат-паша. Жизнь и деятельность. М., 1977.
39. *Seton-Watson R. W.* Disraeli, Gladstone and Eastern Question. London, 1935.
40. *Карцев Ю. С.* За кулисами дипломатии. Петроград, 1916.
41. *Pribram A.* Die politische Geheimverträge Oesterreichs-Ungarns. 1919.
42. *Pribram A.* The Secret Treaties of Austro-Hungary. Cambridge, 1920—1921.
43. *Татищев С. С.* Император Александр II, его жизнь и царствование. СПб., 1911.
44. Русско-германские отношения. Секретные документы. Красный архив. М., 1922.

«О ВЛАСТИ» КАРЛА ВЕЛИКОГО НАД СЛАВЯНАМИ

Последнее десятилетие VIII в. отмечено ожесточенной борьбой Карла Великого за окончательное подчинение Саксонии. В 794 г., рассказывают Лоршские анналы, саксы «вновь обещали принять христианство и, как часто делали, поклялись [в этом], и король тогда п о в е р и л (разрядка наша.— В. Р.) им». Прошел еще год враждебных действий — и саксы опять обещали покориться, «и государь вторично п о в е р и л им» [1, а. 794, 795]. Разумеется, ни один историк не поспешил, исходя из этих указаний, объявить Карла политиком наивным и легковерным. В поведении короля в эти годы видят скорее вынужденную сдержанность в неблагоприятных обстоятельствах [2]¹. Не верят каролингским анналам и там, где они превращают крупнейшие поражения франков 778 г. в Испании и 782 г. в Саксонии в победы [4, а. 778, 782]. Давно уже не пользуется у историков доверием и рассказ Эйнхарда о покорении Карлом «всех варварских и диких племен» до Вислы и древней Дакии [5, сар. 15]. Возникший еще в раннем средневековье и закрепленный в трудах немецких и славянских буржуазных ученых XIX—XX вв. устоявшийся образ великого «германского» монарха как безудержного завоевателя, стремившегося включить в свою империю весь славянский Восток, целиком принадлежит сегодня историографии прошлого. Однако в оценке характера взаимоотношений Каролингов с их восточными соседями² многие элементы этого мифологического стереотипа весьма живучи до сих пор. Тезис о власти Карла над славянскими княжествами по-прежнему остается общим местом в медиевистике.

Насильственно «покоренными», «подвластными» Франкскому государству считаются обычно те славянские племенные княжества, чьи отношения с западными соседями не могут быть выражены в известных нам регулярных договорно-правовых формах средневековья (союз, «дружба», вассалитет). В отличие от ободритов и южных славян этнополитические объединения вильцев, чехов и отчасти сорбов находились с державой Карла в перманентной конфронтации. Под 766, 782, 789, 805—806, 810—812 и 816 гг. анналы сообщают об открытых вооруженных столкновениях, оставляющих у позднейших историков впечатление непрерывной завоевательной экспансии Каролингов на славянские земли. С другой стороны, и термины, в которых авторы той эпохи выражают результаты походов франков против славян, на первый взгляд, совершенно недвусмысленны: «conquisivit», «sub suo dominio conlocavit», «suae subegit ditioni», «ita perdomuit, ut eas tributarias efficeret», «promiserant se servituri», «promise-

¹ О «задержке (tardatio)» короля в Саксонии в 795 г. прямо говорится, например, в письмах Алкуина [3, № 43, 44, 49, 50; р. 89—94].

² Мы, естественно, не имеем в виду многочисленные славянские анклавные территории в левобережной Саксонии, Тюрингии, а также славян в Верхней Паннонии и Истрии, оказавшихся к 800 г. под властью Карла.

rant se dare partibus imperatoris», «imperata facere... iudicarent» и т. п. Если нападающая сторона — сами славяне (а надо учитывать, что имеющиеся у нас источники исключительно каролингского происхождения всегда заинтересованы в том, чтобы возложить ответственность за нарушение мира на славян), то они названы «rebелles», «desertores» «dicto non audientes».

Понимаемые буквально и однозначно, эти терминологические клише легко создают соблазнительно стройную и ясную картину, к тому же вполне согласующуюся с историографическим мифом. Между тем, многовековая мифологическая традиция о покорении Карлом славянских областей неизбежно ориентировала определенным образом само восприятие исследователями исходных данных. Возникла своего рода инерция сознания, в силу которой сами эти сообщения каролингских памятников часто оказывались поистине «заповедными» для научной критики, так что сложилась даже некая молчаливая презумпция их достоверности. Отсюда — господство в литературе таких слишком общих понятий, как «власть», «завоевание», «покорение», «зависимость», «восстание» и др. (ср., например, [6, S. 710, 712—713, 717; 7, S. 209, 213]).

Мы не можем здесь, разумеется, ни дать развернутую характеристику славянской политики Карла Великого, ни проследить в деталях историю его взаимоотношений с вильцами, сорбами или чехами. Ограничимся лишь некоторыми наблюдениями из области внешнеполитических идей и терминологии каролингского времени. Область эта все еще может считаться малоизученной. Попытки историко-политологического исследования раннекаролингского этапа франкской восточной экспансии встречаются лишь в немногих специальных работах последних лет (см. особенно [8]). Что же касается терминологии, то в отличие от таких технических терминов средневекового международного права, как «рах», «foedus», «amicitia», приведенные нами выше наиболее общие обозначения отношений господства и подчинения до сих пор не подвергались сквозному реально-семантическому анализу.

Не имея здесь возможности раскрыть с должной полнотой причины и предпосылки восточной экспансии франкской державы в VIII—IX вв., обратимся, насколько позволят скудные и лапидарные источники, непосредственно к восточнополитической программе первых Каролингов. Какое место занимали в завоевательных планах новой династии славяне? Были ли они пассивной величиной в стратегических расчетах и практике могущественных франкских государей, простым объектом экспансии? Были ли «завоевание» и «власть» целями с л а в я н с к о й политики Карла и его предшественников? Не столько фразеология памятников, сколько приводимые в них факты помогают до некоторой степени ответить на эти вопросы.

Как свидетельствует интимнейшая летопись династии — Мецские анналы³, восточнополитическая программа Каролингов была с самого начала отнюдь не безграничной, не абстрактно-универсалистской. Логически и генетически она восходит скорее к практике и притязаниям меровингских королей VI—VII вв. Правда, сами эти теоретические притязания были, в свою очередь, вдохновлены и ориентированы римско-христианской традицией «вселенной империи»⁴, однако конкретные территориально-политические претензии потомков Хлодвига не выходили, как явствует из знаменитого «программного» письма Теудеберта I Юстиниану (ок. 545 г.), за пределы собственно Германии в античном смысле этого понятия, достигая на северо-востоке Эльбы — извечного *pes plus ultra* римских легионов, а на юго-востоке — Паннонии [10]. Выраженное в 631 или 632 гг. Сихарием, послом Дагоберта I, требование к «королю винидов» Само «подчиниться» франкам отнесено в хронике Псевдо-Фредегара целиком на счет глупости посла («sicut stultus legatus, verba inproperiae,

³ Об особой близости автора Мецских анналов ко двору см. [9, S. 53—61].

⁴ Подробнее об этом см. [8, S. 70, 86, 112—113].

quas iniunctas non habuerat, ...loquitur»), превысившего свои полномочия [11, lib. IV, cap. 68]. Это не значит, что Меровинги, издавна поддерживавшие торговые и культурные контакты со славянами в верховьях Эльбы и Заале [12], не пытались при случае распространить свое политическое влияние на славянские земли. Так, «племя сорбов», возглавляемое князем Дерваном, «уже давно тяготело к королевству франков» («ad regnum Francorum iam olem aspexerant» [11, lib. IV, cap. 68]. Но ни правобережье Эльбы, ни бассейн Среднего Дуная не составляли объекта меровингской экспансии⁵. Внешнеполитическая же программа Каролингов (с конца VII в.), продиктованная, главным образом, материальной заинтересованностью новой социальной верхушки Франкского государства в расширении королевского фонда бенефициальных пожалований, была также нацелена прежде всего на близлежащие и удобные для освоения германские земли. Молодая династия стремилась, по словам Мецских анналов, навсегда вернуть под свою власть отпавшие от франков во второй половине VII в. — «из-за бездействия королей и внутренних раздоров» — периферийные герцогства «саксов, фризов, аламанных, баваров, аквитанцев, гасконцев и бретонцев» [13, а. 688, 691]. Усилиями трех поколений эта задача была, как известно, к началу IX в. успешно выполнена.

О славянах здесь нет и речи. Вместе с византийцами, римлянами, лангобардами, аварами и арабами они образуют в сознании писателей VIII—IX вв. следующую, третью геополитическую зону, завоеванию не подлежащую⁶. Это — «circumsitae» или «exterae nationes», «внешние народы», с которыми австразийские майордомы (а затем франкские короли) добились «мира и дружбы» [13, а. 692]. Мы знаем, правда, что впоследствии часть «внешних народов» также подпала под власть франков. Однако известно и другое: завоевание лангобардских, аварских или арабо-испанских областей вовсе не было изначально предусмотрено программой Каролингов и явилось результатом сложившихся позднее и более или менее непредвиденных конкретных обстоятельств (вмешательство пап, пограничные осложнения и т. п.).

Между исходным плацдармом каролингской экспансии — terra Francorum — и славянским Востоком лежала к началу VIII в. широкая полоса ставших независимыми племен, некогда подчинившихся франкам [13, а. 691]: саксов, аламанных, баваров⁷. Начаты Карлом Мартеллом и растянувшиеся почти на столетие захват и христианизация Саксонии были главным условием и предпосылкой славянской политики Каролингов. Уже первые походы (718, 720, 724 и особенно 738 гг.) выявили недостаточную стратегическую эффективность натиска лишь с юго-запада, из-за Рейна. Не только завоевание Саксонии (о чем сам Мартелл, вероятно, еще не думал), но и ближайшая цель — предотвращение в дальнейшем саксонских набегов на Тюрингию и Гессен, тогдашнюю миссионерскую епархию св. Бонифация, — требовали окружения саксов с двух сторон, создания «второго фронта» на Эльбе. Оценивая ситуацию, историки признают необходимость союза с полабскими славянами уже для Карла Мартелла.

Но признание необходимости союза и утверждение о его реальном существовании уже в 738 г. — вещи далеко не тождественные. Знаменитые строки из Мецских анналов, где князь вильцев Драговит (по другим источникам, глубокий старик — [15, а. 789]) заявляет Карлу Великому, будто получил свою власть «ab invicto principe Carolo» [13, а. 789], — а именно так Мецские анналы называют каролингских майордомов! — не раз казались исследователям косвенным доказательством попытки франко-славянского сближения еще при Мартелле и заставляли возводить

⁵ «Ожидания» же германских племен, будто Дагоберт покорит «аваров и славян, и прочие народы» до границ Византии (11, lib. IV, cap. 58), следует объяснять скорее панегирической тенденцией хрониста.

⁶ О трех «зонах» см. [14].

⁷ Лишь узкий тюрингский «мост» связывал в начале VIII в. владения франкских королей со славянским ареалом.

«зависимость» вильцев от Каролингов уже к 738 г. [16, s. 91; 6, s. 709, 714; 19; 7, s. 208, 213, 218—220]. Есть и другие способы толкования этого пассажа. Как полагал Ю. Видаевич, слова Драговита — простая уловка «хитрого старца», дабы снискать себе благоволение внука Мартелла — короля Карла [17, s. 142—143, *przyp.* 6]. По мнению же других польских авторов [18, s. 222—224, *przyp.* 49], [20, s. 89] и других, Драговит ссылается на предшествующее соглашение с самим Карлом Великим, которого анналист и называет «непобедимым правителем». Заметим, что ни один из исследователей не ставит под сомнение сам факт подобного заявления славянского князя, а подавляющее большинство считает значительное политическое влияние франков за Эльбой уже в первой половине VIII в. вполне вероятным.

Мы склоняемся к иному толкованию этого очень важного для нас фрагмента. Терминологический узус Мецских анналов отличается в области титулатуры заметной устойчивостью: «*invictus princeps*» применяется для обозначения Каролингов только до узурпации ими в 751 г. королевского сана. Речь, следовательно, несомненно идет о Карле Мартелле. Вместе с тем сквозной анализ творческой манеры и системы мировоззрения анонимного анналиста убеждает нас в том, что мы имеем здесь дело с нередким для такого крайне тенденциозного и весьма искусно составленного памятника приемом антиципации, сознательного анахронизма, перенесения мотивов и ситуаций одной эпохи на другую. Мецские анналы — абсолютный панегирик Каролингам как д и н а с т и и, все представители которой достойны друг друга⁸. Каждый новый правитель из рода Каролингов охарактеризован как верный, преемник своего отца или деда. Дабы эта череда великих мужей выглядела внушительней, анналист не только преувеличивает их достижения и скрывает поражения (это для средневекового писателя обычно), но и выпускает иногда в цепь поколений отдельные звенья. Так, минуя бесцветного майордома Гримоальда, автор под 688 г. «заставляет» удачливого Пипина I, якобы не имевшего мужского потомства, передать власть непосредственно внуку — прославленному Пипину II. Как того требует его своеобразная концепция, анналист стремится «распределить» исторические заслуги франкских правителей VII—VIII вв. по возможности равномерно. Регулярные обмены посольствами с «внешними народами», ставшие реальностью лишь при Карле Великом [22], перенесены здесь на эпоху его прадеда — Пипина II [13, а. 692]. Пипину III Короткому под 753 г. приписано покорение Саксонии и Бретани в такой мере, какой, согласно другим источникам, достиг только Карл Великий (соответственно в 780 и 799 гг.). Не менее важна для Мецских анналов и другая идея: правители всех соседних с франками племен в VIII в. получили власть именно от Мартелла (Гунальд Аквитанский, Одило Баварский и др.) [13, а. 735, 743]. Не исключено поэтому, что и санкция княжеской власти у полабских славян, которую ахенский двор с начала IX в. давал своим вассалам — ободритам, распространена здесь на вильцев и спроецирована на далекое прошлое как достижение еще Карла Мартелла. Заявление Драговита, таким образом, — явный панегирический вымысел анналиста. Главная официальная летопись Каролингов — «Анналы королевства франков» — в обеих ее редакциях относится к вильцам весьма враждебно (*natio... ea Francis semper inimica* [15, а. 789]) и ни намеком не упоминает про их якобы давние связи с Франкской державой.

Мы так подробно разобрали это неясное и изолированное известие Мецских анналов, чтобы, поставив его под сомнение, лишить тезис о власти Каролингов над славянами уже в первой половине VIII в. его единственного основания. Впервые о союзе франкского государя со славянами против саксов достоверно сообщается лишь под 748 г.; очевидно, речь идет о сорбах [13, а. 748]. Не останавливаясь на детальной характеристи-

⁸ О «гентильной» концепции династии Каролингов как носителей особой «родовой святости», а потому — «божественного права» на власть см. [21, s. 10, 161—162, 184—185].

ке союза как института международного права раннего средневековья⁹, заметим только, что союзнические отношения исключали отношения зависимости, понимаемой как ограничение внутренней и внешней самостоятельности.

Принятие Карлом Великим в 771 г. единоличной власти над франками открыло новую эпоху в истории каролингской восточной экспансии. К его услугам были: многочисленная бенефициальная знать, преданная королю-завоевателю, и миссионерская церковь, основанная в Германии Бонифацием и Виргилием. Карлу уже не приходилось считаться с оппозицией австразийских магнатов, некогда обрекшей восточную политику Дагоберта на поражение и пассивность [11, lib. IV, cap. 68]. Благодаря огромным ресурсам Карл мог (и умел!) мыслить стратегически, охватить своими расчетами всю проблему присоединения германских земель (прежде всего Саксонии) в целом, действуя с невиданной ранее плановностью и настойчивостью, а подчас и жестокостью. В результате его усилий территория Каролингского государства увеличилась, по словам Эйнхарда, «почти вдвое» [5, cap. 15]. Именно Карл оказался способен довести дело до конца, выполнить внешнеполитическую программу династии полностью и «с превышением», придав тем самым новое качество и франко-славянским отношениям.

Но будущий реставратор империи на Западе не только осуществил старые теоретические притязания франкских королей. При его дворе начинают складываться новые внешнеполитические идеалы, важнейшую роль в которых играют традиции римско-имперского и церковного универсализма. В восприятии современников Карл как человек и политик нередко, как известно, выступал в одеянии античного цезаря. Многие его политические акты при отображении их в исторических трудах того времени словно преломляются через призму этого величественного образа. Источники часто рисуют Карла Великого и его поступки, ориентируясь на римскую модель политического поведения императора, в частности, как справедливо отмечал Г. Коллер [24], на такие ее элементы-добродетели, как «великодушие» и даже «предупредительность» к побежденным.

В самом деле, возрождение при дворе Карла римско-имперских ценностей прямо связано с широкой экспансионистской политикой Франкского государства. Принятие Карлом в декабре 800 г. императорского сана не только подвело итог территориальным захватам 60—90-х годов VIII в. но и задним числом санкционировало их. В долгосрочной перспективе акт 800 г. давал идеологическое обоснование распространению гегемониальной власти франкского императора и на другие страны и народы. Однако, в о - п е р в ы х, это вовсе не значит, будто сама практическая деятельность Карла перед и после 800 г. была мотивирована, главным образом, римско-имперской догматикой, для которой завоевание и власть абсолютны, не знают пределов, мыслятся только как всемирные. Нам представляется, что оправдательная, санкционирующая сила коронации 800 г. обращена скорее «назад», к уже совершенным завоеваниям, нежели «вперед» — как импульс к расширению экспансии. Карл-император в начале IX в. завершает свои военно-политические акции, начатые им, когда он еще был королем (о политическом содержании последнего десятилетия жизни Карла Великого см. [26]), в его действиях преобладают уже не завоевательные, а организационные усилия. Удержать и освоить приобретенное — вот принципиальная историческая задача империи в 801—814 гг. Показательно, что даже такой энтузиаст римско-имперской идеи в середине XIV в. и поклонник Карла Великого, как хронист Лупольд, епископ Бембергский, справедливо замечал: «Не помню, чтобы я читал, будто Карл после вышеуказанной коронации... покорил себе какую-нибудь новую страну или провинцию» [27].

В о - т о р ы х, сама имперская идеология начала IX в. еще очень далека от теории «универсальной империи» века Оттонов. Идеал импера-

⁹ Подробнее о каролингских союзах см. [23, с. 37—41].

тора-завоевателя в IX в. во всяком случае уже существовал (намечен у Эйнхарда, открыто выражен у Ноткера)¹⁰. Но истоки его — не столько в светской традиции античности, сколько в христианских концепциях «расширения церкви», «справедливой войны», «праведного монарха» как покровителя и «защитника церкви» от «неверных». Темы «*bellum iustum*» против язычников, «*dilatatio ecclesiae*» пронизывают переписку Алкуина, становясь тем самым идеологическим достоянием ахенского двора. Но последовательной и решительной проповеди крестового похода время Карла еще не знает. Миссию, мирное распространение веры Алкуин ставит намного выше насильственных, вооруженных действий¹¹. «Священную войну» он понимает скорее как активную, но вынужденную оборону церкви от «пустошающих набегов неверных» [3, № 171, р. 282; ср. также письмо Карла к Льву III — *ibid.*, № 93, р. 137]¹², необходимость постоянно держать язычников под угрозой¹³ (образ христианства как осажденного острова) [3, № 16, р. 42—43]. Мотив расширения «царства земного», завоевательной войны как таковой у Алкуина почти не встречается¹⁴.

Подобное «миролюбие» каролингских идеологов 790-х годов нисколько не противоречит, разумеется, факту обширной внешней экспансии Франкской державы в VIII в.: примечательно, что описанная выше система взглядов складывается при дворе лишь на исходе века, когда основные территориальные захваты были уже позади. Вместе с тем отношения франков со славянскими княжествами приходятся как раз на то время, когда формирующаяся христианско-имперская идеология становится все более значимой для иерархии мотивов внешней политики Каролингского государства. Поскольку это так, постольку для нас немаловажно, что политическая теория этого государства вовсе не требовала в любом случае насильственного обращения в христианство всех окрестных языческих племен¹⁵ и не признавала присоединения новых земель абсолютной ценностью. Но и этот ограниченный и умеренный с точки зрения античности идеал императора-завоевателя далеко не исчерпывал «мотивационного горизонта» [31] практической политики Карла Великого, определявшейся прежде всего конкретными историческими условиями. Не догматиком, слепо рвущимся через преграды к границам бывшей Западной Римской империи, которому только смерть помешала осуществить его намерения и завоевать в конечном счете весь мир, предстает Карл в источниках, но гибким прагматиком, политиком-реалистом, умеющим останавливаться и отступать. Бесконечный и с фатальной неизбежностью разматывающийся клубок «войн» (*bella*) («саксонской», «баварской», «славянской», «аварской», «датской» и др.), одинаково значимых и одинаково предопределенных — захватническим ли «темпераментом» Карла [33] или «нравственной

¹⁰ Уже Ноткер вкладывает в уста Харун аль-Рашида такой панегирик: Карл «имеет обыкновение подчинять себе все, что только есть под небесами» [25, lib. II, сар. 9]. Характерна тенденциозная модификация текста Псевдо-Фредегара (рассказ о миссии посла Сихария к Само) в составленных в первой трети IX в. «Деяниях Дагоберта»: мотив превышения «глупым послом» своих полномочий здесь опущен, благодаря чему требование Сихария к Само оказывать «*servitium*» франкскому королю выглядит законным и само собой разумеющимся для VII в.! [28].

¹¹ Ср. его призыв к Карлу ок. 800 г.: «Пусть же ваша святая воля... подобно тому, как упорно она стремится расширить христианскую империю, так да заботится она и о защите, проповеди и распространении истины апостольской веры» [3, № 202, р. 336].

¹² Понятие «*defensio ecclesiae*» — ключевое в политической этике Алкуина [29].

¹³ Важнейший предикат «праведного монарха» — «*terribilis undique gentibus extat paganis*» [3, № 41, р. 84; № 119, р. 174].

¹⁴ Подробнее см. [30, р. 60, 72—75]. Трудно все же согласиться с Ж. Шеллини, когда она именует заботу о распространении вероучения проповедью «крестового похода». Борьба с язычниками для Алкуина — не конкретная политическая агитация, но моральный императив, рассматриваемый *sub specie aeternitatis* в той же плоскости, что и борьба с «врагами невидимыми» [3, № 149, р. 245].

¹⁵ Поэтому, вопреки мнению Ф. Расселла [32, р. 28—29, 293—294], каролингские «wars of conversion» находились в полном соответствии с августиновской традицией (осуждение «*libido dominandi*») и не были исключением.

обязанностью императорского сана» [34] — существовал не в действительности, а лишь в сознании Эйнхарда¹⁶ и позднейших историков.

«Всякое дерево вырастает из своей почвы» [35]: Карл шел по стопам отца и деда, развивая заложенную и м и систему внешних связей, претворяя и х замыслы также и в том, что касается славян¹⁷. Славянская политика органически рождалась из долговременной конъюнктуры, созданной на северо-востоке саксонскими, а на юго-востоке — аварскими войнами. Функционально обусловленная этой конъюнктурой система франко-славянских союзов была, однако, не единственной проблемой славянской политики Каролингов. Свойственная всем позднерварварским обществам территориальная экспансия — регулярные набеги на соседей с целью захвата добычи и пленных — была тем объективным фактором, с которым франкским государям предстояло иметь дело на славянском Востоке. Этот фактор они должны были или использовать в своих интересах, направив славянскую экспансию в русло борьбы против общего врага — саксов, аваров, или нейтрализовать, давая отпор нападениям сорбов, вильцев и чехов на пограничные районы королевства.

В 782 г. сорбы вторглись в Тюрингию и Саксонию (15, а. 782). В сообщении об этом Королевских анналов недоумение исследователей нередко вызывала формулировка: «...Sclavos paucos, qui rebelles fuerunt» [4, а. 782]. *Rebelles* — «восставшие» против франкской власти?¹⁸ Что означают в памятниках VIII—IX вв. «*rebelles*», «*rebellio*», «*rebellare*», родственные им «*defectio*», «*seditio*», «*perduellio*», «*audacia*», «*perfidia*», «*eruptio*», «*imperata rennuere*», «*dicto non audire*» и многие подобные термины, переводимые и понимаемые обычно буквально: «восстание», «мятеж», «измена», «коварство» и т. п.?

Раннесредневековая терминология, как известно, крайне неопределенна и полисемична. Сплошное изучение политико-правовой лексики важнейших памятников VI—IX вв. убеждает нас в том, что ни семантика, ни эмоциональная окраска слова чаще всего не допускают его буквального, однозначного перевода. Подыскивая современный эквивалент для термина каролингского времени, мы должны ориентироваться на самое общее его значение, и только контекст позволяет иногда сделать более определенные выводы. Поэтому наиболее корректная интерпретация приведенных выше терминов («*rebellio*» и др.), по нашему мнению, такова: это пейоративно окрашенные выражения резкого нарушения некоего благоприятного для франков *status quo*, любого вообще нарушения мира со стороны «внешних народов». Конечно, «*rebellio*», «*defectio*», «*audacia*» и т. п. могут в том или ином контексте означать и попытку уже покоренного племени вернуть себе былую самостоятельность. Однако связывать их во всех случаях с понятиями «восстание», «высвобождение из-под власти» нет оснований. Добавим, что все эти традиционные латинские клише взаимозаменяемы, а их различия носят не смысловой, а скорее стилистический характер.

Если перейти теперь от общего значения терминов к их реально-историческому содержанию, то нетрудно установить: «мятежом», «отпадением», «дерзостью» и т. д. источники нередко называют набеги «окружающих племен» на территорию империи. Так, «*perfidia*» бретонского магната Виомарха, названного под 822 г. «*rebellis*», состояла в том, что он «непрестанно тревожил своих соседей грабежами и пожарами» [4, а. 822]¹⁹. Разумеется, сам выбор этих обозначений весьма тенденциозен: любое нарушение

¹⁶ Впрочем, и у Эйнхарда Карл нигде не выступает агрессором: каждая «война» [5, сар. 7—14] спровоцирована самим противником, Карл же миролюбив, а впечатляющее «*amplificatio regni*» [5, сар. 15] — скорее счастливый результат, чем движущий мотив политики.

¹⁷ Совпадение концепций славянской политики у Пипина и у Карла Великого с полным правом подчеркивал Р. Эрст [8, s. 124—125].

¹⁸ Именно так понимает дело Л. Дралле, видя в событиях 782 г. выход вильцев из зависимости, установленной якобы еще Мартеллом [7, s. 243].

¹⁹ Ср. также [36, а. 869]: «*audacia*» сорбов проявляется в том, что они, «вторгшись в пределы тюрингов, во многих местах производят опустошения».

мира «внешними народами» существует в сознании авторов VIII—IX вв. только как акт неповиновения Каролингам. Интересно в этом смысле сопоставление известий двух памятников об одном и том же событии. Если нейтральные к Людовику Немецкому Бертинские анналы сообщают под 848 г. о «враждебном нападении» (*hostiliter irruentes*) чехов на его королевство [38, а. 848], то в анналах Фульдских — к вящей славе Людовика — речь уже идет об «отпадении» (*eruptio*) чехов от его державы [36, а. 848]²⁰.

Термины «*rebellio*», «*rebelles*» и подобные им вовсе не обязательно указывают, таким образом, на прежде бывшие отношения зависимости. Частые же карательные рейды франков нацелены, как явствует из контекста, не столько на приведение «мятежников» к покорности и восстановление своей «власти», сколько на возмездие и ослабление противника, дабы предотвратить подобные набеги в будущем²¹. Поэтому такие походы-репрессалии нельзя назвать в собственном смысле слова «завоевательными».

Этот вывод полностью приложим, на наш взгляд, и к знаменитой экспедиции Карла Великого в 789 г. против вильцев. Не только позднейших исследователей, но и современников поразила она масштабом приготовлений, численностью и составом армии вторжения (франки, саксы, фризы, ободриты, сорбы) [4, а. 789], дальностью похода (по некоторым данным — до Балтийского моря [39, а. 789], во всяком случае до среднего течения р. Хафель)²². Именно история экспедиции 789 г. за Эльбу стала краеугольным камнем всех концепций «власти» франков над славянами. Именно поход против вильцев признан в историографии наиболее типичным явлением славянской политики Каролингов. В нем видели первый акт векового германского «натиска на Восток» [40], первый захватнический рейд до Одера [41] и даже первую «историческую дату Польши»²³. Гипертрофированный образ событий 789 г. восходит еще к Эйнхарду, представившему это, бесспорно, крупнейшее при Карле столкновение со славянами особой «войной», сравнимой с саксонской или аварской [5, сар. 12,15]²⁴.

О причине похода сообщает вторая, более поздняя редакция Королевских анналов: «Будучи всегда врагами франков, они (вильцы. — *V. P.*) обычно ненавидели своих соседей, которые были подданными или союзниками (*subjecti vel foederati*)» (Эйнхард же уточняет: речь идет об «ободритах, давних союзниках...»). — *V. P.*) франков и дожимали и тревожили их набегами. Решив, что не следует долгие сносить дерзость этого племени, король постановил идти на него войной» [15, а. 789]. Длительная вражда вильцев и ободритов засвидетельствована и другими письменными [4, а. 809, 823] и археологическими [43] источниками. Мы видим, однако, что вильцы нападали не только на «союзников», но и на «подданных» Карла, под которыми анналист скорее всего имел в виду саксов. То, что территориальная экспансия вильцев распространялась и на Саксонию, убедительно доказывается совместным набегом сорбов и вильцев на саксонские деревни в 839 г. [35, а. 839]. Уже в 785 г. Карл мог считать всю левобережную Саксонию покоренной [44 с. 96—97]. Но так как страна еще не остыла от мятежей, то посягательства славян на новую восточную границу Каролингской державы по Эльбе поддерживали обстановку нестабильности в регионе, мешали административно-хозяйственному освоению захваченных земель, отвлекали силы, препятствовали осуществлению франко-ободритского союза. Имелось ли какое-либо антифранкское согла-

²⁰ Сравнительную характеристику Бертинских и Фульдских анналов см. [37].

²¹ Теоретическая параллель этому реальному положению вещей — концепция «*bellum iustum*» у Августина и Исидора Севильского, где именно мотив возмездия, кары (*ulciscuntur iniurias*), а не восстановления *status quo* служит доминантой [32, р. 16, 18—21].

²² О географии похода см. [20, с. 91—98].

²³ Подробнее об этом см. [42].

²⁴ Интересно отметить, что Эйнхарду известен и более низкий уровень конфронтации, выражаемый термином «*vicissitudinem reddere*» [5, сар. 7].

шение между саксами и вильдами, как полагает Л. Дралле [7, s. 208—216], мы не знаем. Связь положения в Саксонии с набегами славян из-за Эльбы существовала во всяком случае в стратегическом сознании франкских военачальников. Таким образом, как бы ни оценивать причины похода 789 г., он не был акцией завоевательной и имел целью не покорение вильдов и тем более не «подтверждение уже существовавшего (? с 738 г.?. — В. Р.) подчинения» [6, s. 713. Ср. также 7, s. 208], а лишь упрочение уже добытых позиций в Германии и контроля над границей.

Но, быть может, результаты похода говорят о большем? В самом деле, победа над славянами описана современниками в терминах, на первый взгляд, весьма определенных: вильдов Карл «conquisivit» [45, a. 789], «adquisivit» [3, № 6, p. 31], «sub suo dominio conlocavit» [4, a. 789], «suae subegit ditioni» [3, № 7, p. 32]; вильды «tradiderunt universas terras illas sub dominatione Caroli» [1, a. 789], «imperata facere minime rennuendum iudicarent» [5, cap. 12]; их князь Драговит «fidem se regi ac Francis servaturum iureiurando promisit» [15, a. 789], «reddidit regnum ille partibus Francorum» [13, a. 789]. Однако, как и в случае с «rebелles», эти термины вряд ли можно интерпретировать жестко и однозначно: «подчинил своей власти», «покорил», «решили повиноваться приказам» и т. д. Конечно, выбор латинских клише и здесь не случаен: он призван подчеркнуть меру поражения противника. Каждую победу Карла анналисты представляют как полную и окончательную, после которой гегемония франков над поверженным врагом обеспечена. Но речь идет скорее об эмоциональном оттенке термина, чем о его точной семантике. Слова «ditio», «dominium», обороты «imperata facere», «fidem servare» и др. слишком «бесцветны» (если воспользоваться выражением М. Линтцеля [44, s. 102], слишком абстрактны, чтобы иметь строго определенное политико-правовое содержание. Даже в рамках одного какого-либо памятника VII—IX вв. — например, Мецских анналов — хорошо заметно, какое разнообразие конкретных понятий могло выражаться этой лексикой: непосредственная административная власть («ditio» — [13, a. 688, 717, 732, 785]), вассальная зависимость («ditio», «dominatio» — [13, a. 688, 691, 692, 752, 777]) отношения, вытекающие из военной капитуляции противника («ditio», «dominium» — [13, a. 697, 743, 803]) и многое другое²⁵.

Понятно, что очень общие термины, обозначающие все, что угодно, могут и не обозначать ничего, как это ярко показывает сопоставление двух версий похода Людовика Немецкого на ободритов в 862 г. Согласно Фульдским анналам, король ободритского князя «dicto oboedire... coegit» [36, a. 862]. Менее же пристрастные Бертинские анналы оценивают результаты похода совершенно иначе: «Nihil prospere gestis» [38, a. 862]; т. е. термин «dicto oboedire» здесь фактически бессодержателен и ни в коей мере не отражает действительного положения вещей.

Уже то обстоятельство, что победа на вильдами в 789 г. описана во всех источниках по-разному и притом в таких слишком общих терминах²⁶, не позволяет делать вывод об установлении между Карлом и славянским князем определенного и устойчивого правоотношения. Панегирические формулировки анналов реально указывают, по-видимому, лишь на военную капитуляцию Драговита и его обещание сохранять мир и не совершать враждебных действий против Каролингского государства, прежде всего не нападать на левобережные германские земли²⁷. Никаких классических признаков каролингского завоевания (введение франкской администрации, размещение гарнизонов, создание церковной организации и т. д.)

²⁵ «Ditio» в Мецских анналах есть даже контроль, который майордом Карл Мартелл осуществлял над королем Хильпериком [13, a. 718].

²⁶ Заметим, что в анналах Вольфенбюттенских [39, a. 789], Мозельских [46] и св. Аманда [47] о «подчинении» вильдов вообще ничего не говорится.

²⁷ Ср., например, формулу «imperata facere»: «Barbari ... pro p a s e et securitate sua obsides se daturus et imperata facturos... promittunt» [36, a. 849]. Обещание «imperata facere» является здесь, как мы можем убедиться, технической формулировкой обязательности, вытекающего из простого соглашения о мире и взаимном ненападении между неравными контрагентами.

мы здесь не находим. Нет и признаков вассалитета²⁸, податной зависимости или вообще каких-либо позитивных обязательств. Примечательно, что выражение Эйнхарда: «они (вильцы. — В. Р.) решили никогда в дальнейшем не противиться приказаниям (Карла)» [5, сар. 12] было понято и переформулировано писателями XIII—XV вв. именно в негативном смысле, т. е. как воздержание от враждебных действий (ср. [49, 50]).

Карлу, видимо, удалось на какое-то время усилить свое политическое влияние к востоку от Эльбы и приостановить набеги вильцев на их соседей. Безусловно результаты похода 789 г. оказались «исключительно сиюминутными и эфемерными» [18, s. 226]. Взятие заложников было — из-за слабости центральной власти у вильцев — малоэффективной гарантией франкского контроля за Эльбой. В этой связи заслуживают внимания миссионерские намерения, выраженные в вопросе Алкуина одному из его корреспондентов в Саксонии, «*si Wilti... fidem Christi accipiant*» [3, № 6, р. 31]. Реализовать эти намерения Каролингам суждено не было. Итак, мир не мог быть долговечным, поскольку сдерживал естественную экспансию племенного княжества. Вот почему мы склонны разделить позицию М. Хелльманна и Л. Дралле, видевших в двух кратких записях Вольфенбюттельских анналов: «Саксы восстали, и славяне и фризы частично» и «Много воинов было убито в славянских землях» [39, а. 792, 794] намек на антифранкское выступление вильцев [6, s. 714; 7, s. 214. Косвенное подтверждение тому — рассказ Лоршских анналов об объединении мятежных саксов с «языческими племенами, жившими по соседству» [1, а. 792]²⁹.

В 808 г. вильцы добровольно («*sponte*») поддержали датского короля против ободритов, а уже в 810 г. дело вновь дошло до прямых вооруженных столкновений с Франкской державой [4, а. 810—812]. При этом вильцы нигде не названы франкскими авторами ни «мятежниками», ни «изменниками», ни «отпавшими». Более того, с угрозой из-за Эльбы приходилось считаться и до 810 г.: двумя годами раньше Карл приказал построить два укрепления на Нижней Эльбе «*contra Sclavorum incursiones*» [4, а. 808]. В 812 г. вильцы потерпели поражение, но опять-таки никаких признаков каролингской власти над ними мы в дальнейшем не находим. Правда, в 823 г. два брата, оспаривавшие друг у друга княжескую власть в племенном союзе, прибегли к арбитражу императора Людовика во Франкфурте. Показательно, однако, что их визит ко двору анналист упоминает наряду с иноземными посольствами, прибывшими во Франкфурт не по «приказу» (т. е. по вассальному обязательству), а «по своей воле» («*sua sponte*») [4, а. 823].

Вильцы и сорбы — не единственные славянские племена, чья территориальная экспансия противоречила интересам Франкского государства. Постоянным фактором нестабильности в Средней и Южной Германии были в VIII—IX вв. и чешские набеги. Грамота Карла Фульдскому аббатству (фальсификат середины XII в., восходящий к утраченной грамоте конца VIII в.) сообщает о нападениях на земли Фульды «язычников, а именно славян, которые имели обыкновение часто вторгаться из Чехии («*e regione Boemiae*)» и уводить людей» [51]. В IX в. известия о чешских и сорбских набегах то и дело встречаются в Фульдских анналах (под 848, 849, 869, 871, 880 гг.). Падение Аварского хаганата и большие, по-видимому, колонизационные миграции славянского населения в районе Сред-

²⁸ Вассалитет как институт международного права требовал достаточно высокого уровня и давней традиции отношений между сторонами. Выражение же «*Annales Nazariani*»: Карл Драговиту «*iterum... illam patriam commendavit*» [45, а. 789] отнюдь не имеет в виду вассальной, тем более бенефициально-ленной связи. Термины «*commendare*» или «*se tradere*» лишены, как подчеркивал еще Х. Йегер, «определенного правового содержания» и могут обозначать простое признание военного поражения [48]. Сама формула присяги Драговита («*fidem... regi ac Francis*»), данной к тому же «по их (вильцев. — В. Р.) обычаю», указывает не на вассальное, а на какое-то иное обязательство. См. об этом [23, с. 42—43].

²⁹ Едва ли речь идет о славянах на территории левобережной Саксонии — драванах, которые, очевидно, еще в 780-х годах вместе с саксами подверглись массовой христианизации.

него Подунавья могли лишь активизировать ок. 800 г. экспансию чехов и сорбов. Тревога за безопасность восточной границы империи ясно читается и в капитуляриях Карла и в его письме Гаэробальду, епископу Льежскому, в ноябре 805 г. [52, № 124, р. 245]. Отсюда — запреты на вывоз оружия и кольчуг, усиление таможенного контроля за «торговцами, которые отправляются в земли славян и аваров» (Тьедонвильский капитулярный 805 г. [52, № 44, § 7, р. 123], регламентация пограничной охраны (Баварский ок. 810 и Булонский 811 гг. капитулярии [52, № 69, § 9, р. 158—159; № 74, № 8, р. 167]). «Если нужно будет послать подкрепление в Испанию или Аварию, — гласит один из капитуляриев, — тогда пусть у саксов пятеро снарядят шестого; а если понадобится послать подкрепление в Чехию, то пусть двое снарядят третьего; если же возникнет необходимость защищать страну от сорбов, то пусть выступают все вместе» [52, № 49, § 2, р. 135]. Одновременно капитулярии и дипломы начала IX в. ясно указывают на «насыщение» франкской экспансии добытыми ранее землями, на выдвижение в политике ахенского двора организационных, а не завоевательных приоритетов.

Не в этом ли контексте следует рассматривать и походы Карла Младшего, сына императора, на чехов и сорбов в 805—806 гг.? Не были ли эти походы такими же «акциями возмездия», какие описаны в анналах под 782, 789, 812, 816 гг.? Так, по крайней мере, можно понять формулу «п после того, как славяне были усмирены» («*Sclavisque pacatis*») [4, а. 806]. Так же понимал дело и хронист начала XII в. Сигиберт из Жамблу: «Чехи с помощью славян (?) совершали повсюду набеги, но были сильно укрошены («*fortiter debellantur*») Карлом, сыном императора» [53]. Результаты походов 805—806 гг. изложены в источниках столь же неопределенно и расплывчато, как и под 789 г. Кроме убийства чешского и сорбского князей, разорения земель и взятия заложников [4, а. 805—806], Муассакская хроника упоминает также, что сорбы «*promiserant se servituri domno... imperatori*» [54]. Это выражение, как и те, что рассмотрены нами выше, отнюдь не выходит за пределы некоей минимальной приемлемой для каролингского автора формулировки военной победы франков. Меньшим ни одна экспедиция против «варваров», согласно панегирической концепции придворной историографии, просто не могла завершиться, если только анналист не вынужден почему-либо рассказывать о поражении или потерях среди «своих»³⁰. Поэтому говорить о действительном подчинении чехов или сорбов [6, с. 717; 56] было бы в этом случае слишком поспешно. Нет также никаких достоверных данных и об уплате чехами трибута Карлу или его преемнику (ср. [57; 23, с. 47]). Угроза славянских набегов по-прежнему сохранялась: франкам пришлось в 806 г. заложить две крепости на Эльбе и Заале [4, а. 806]. Но и позднее, при Людовике Благочестивом, положение на этом участке восточной границы империи продолжало беспокоить ахенский двор. В 815 г., когда к новому монарху прибыла «вся знать восточных славян» [4, а. 815]. Людовик, как сообщает его биограф Теган, «утвердил рубежи своего государства в той стороне» [58]. Дипломатия, по-видимому, не помогла, и через год был совершен еще один поход против сорбов, которые «не повиновались приказам» («*dicto audientes non erant*») [4, а. 816].

«Велико, о император, могущество ваше, но намного меньше молвы о нем», — с такими словами, если верить Ноткеру, обращались к Карлу Великому «персидские послы» [25, lib. II, сар. 8]. Приведенные нами некоторые наблюдения из области внешнеполитических идей и терминологии каролингского времени заставляют предположить, что и «молва» историографическая — от Эйнхарда до наших дней — весьма преувеличивала политические достижения Карла на славянском Востоке. Взаимоотношения

³⁰ Нельзя не сослаться в этой связи на справедливое замечание О. Кралика: «Каждая военная кампания должна иметь в хронике какой-нибудь результат, по возможности благоприятный... Читатель средневековой хроники, встречая рассказ о походе императора, заранее ожидал, что поход закончится успешно...» [55]. Постоянное употребление подобных панегирических формул в каролингских памятниках создавало устойчивые стереотипы политического сознания, облегчившие в дальнейшем переход к действительной экспансии немецких королей против вильцев или чехов.

франков со славянскими княжествами VIII—начала IX в. включали в себя, конечно, и элементы неравенства, гегемонии Каролингов, но — в рамках форм договорного права (вассалитет ободритов и южных славян [23, с. 42—47]). Ни захват славянских земель за Эльбой, ни вытекающие из него отношения власти и подчинения не были и не могли быть еще целями и результатом внешней политики первых Каролингов. Современная научная критика источников оставляет для традиционного тезиса о Карле — завоевателе славян слишком мало оснований. На очереди — создание альтернативной, целостной и типологически углубленной картины политических связей империи Карла Великого с ее восточными соседями.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Annales Laureshamenses*.— In: *Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum series* (MGH SS), t. I, edidit G. H. Pertz. Hannoverae, 1826.
2. *Brandi K.* Karls des Grossen Sachsenkriege.— In: *Die Eingliederung der Sachsen in das Frankenreich*. Darmstadt, 1970, S. 21.
3. *MGH Epistolarum series*, t. IV, edidit E. Dümmler. Berolini, 1895.
4. *Annales regni Francorum*, edidit F. Kurze. Hannoverae, 1895.
5. *Einhardi Vita Karoli*.— In: *Ausgewählte Quellen zur deutschen Geschichte des Mittelalters*, Bd. V. Berlin, 1958.
6. *Hellmann M.* Karl und die slawische Welt zwischen Ostsee und Böhmerwald.— In: *Karl der Grosse. Lebenswerk und Nachleben*, Bd. I. Persönlichkeit und Geschichte, 3. Aufl. Düsseldorf, 1967.
7. *Dralle L.* Wilzen, Sachsen und Franken um das Jahr. 800.— In: *Aspekte der Nationenbildung im Mittelalter: Ergebnisse der Marburger Rundgespräche. 1972—1975*. Sigmaringen, 1978.
8. *Ernst R.* Die Nordwestslaven und das fränkische Reich. Beobachtungen zur Geschichte ihrer Nachbarschaft und zur Elbe als nordöstlicher Reichsgrenze bis in die Zeit Karls des Grossen. Berlin (West), 1976.
9. *Hoffmann H.* Untersuchungen zur karolingischen Annalistik. Bonn, 1958.
10. *MGH Epistolarum series*, t. III, edidit W. Gundlach. Berolini, 1892, p. 133.
11. *Chronicarum quae dicuntur Fredegarii libri I—IV*.— In: *MGH Scriptores rerum Merovingicarum*, t. II, edidit B. Krusch. Hannoverae et Lipsiae, 1888.
12. *Herrmann J.* Der Beitrag der Archäologie zur Geschichte der Beziehungen zwischen fränkischen Reich und nordwestslawischen Stämmen.— In: *Prace i materiały Muzeum Archeologicznego i Etnograficznego w Łodzi. Seria archeologiczna*, 25. Łódź, 1978, s. 158—159, 164.
13. *Annales Mettenses priores*, edidit B. Simson. Hannoverae, 1905.
14. *Werner K. F.* Les principautés périphériques dans le monde franc du VIIIe siècle.— In: *I problemi dell'Occidente nel secolo VIII*. 6—12 apr. 1972. Spoleto, 1973, p. 483—484.
15. *Annales qui dicuntur Einhardi*.— In: *Annales regni Francorum*.
16. *Lintzel M.* Karl Martells Sachsenkrieg im Jahre 738 und die Missionstätigkeit des Bonifatius.— In: *Lintzel M.* Ausgewählte Schriften, Bd. I. Berlin, 1961.
17. *Widajewicz J.* Początki Polski. Wrocław — Warszawa, 1948.
18. *Slavia antiqua*, r. IV, 1954.
19. *Łowmiański H.* Początki Polski, t. V. Warszawa, 1973, s. 242—243, przyp. 773.
20. *Europa Slavica — Europa Orientalis*. Festschrift für Herbert Ludat zum 70. Geburtstag. Berlin (West), 1980.
21. *Haselbach J.* Aufstieg und Herrschaft der Karlinger in Darstellung der sogenannten *Annales Mettenses priores*. Lübeck — Hamburg, 1970.
22. *Ganshof F.—L.* De internationale betrekkingen van het Frankisch Rijk onder de Karolingen. Brussel, 1963, blz. 7—9.
23. *Ронин В. К.* Международно-правовые формы взаимоотношений славян и империи Карла Великого (союз и вассалитет).— *Советское славяноведение*, 1982, № 6.
24. *Koller H.* Zur Eingliederung der Slaven in das karolingische Imperium.— In: *Das heidnische und das christliche Slawentum. Acta II congressus internationalis historiae Salviae Salisburgo-Ratisbonensis anno 1967 celebrati*, Bd. 2. Wiesbaden, 1970, S. 41.
25. *Notkeri Gesta Karoli*.— In: *Ausgewählte Quellen zur deutschen Geschichte des Mittelalters*, Bd. VII. Berlin, 1960.
26. *Ganshof F.—L.* La fin du regne de Charlemagne.— *Zeitschrift für schweizerische Geschichte*, 28, 1948, S. 434—438.
27. *Lupoldi de Bebenburg De iure regni et imperii Romani*, cap. 1.— In: *De iurisdictione, auctoritate et praeminentia imperiali ac potestate ecclesiastica...* edidit S. Schard. Basileae, 1566, p. 335.
28. *Gesta Dagoberti*, cap. 27.— In: *MGH Scriptores rerum Merovingicarum*, t. II, edidit B. Krusch. Hannoverae et Lipsiae, 1888, p. 410.
29. *Wallach L.* Alcuin and Charlemagne. New York, 1959, p. 14, 19—20, 148, 272.
30. *Chelini J.* Le vocabulaire politique et social dans la correspondance d'Alcuin. Aix-en-Provence, 1959.

31. *Wolfram H.* Mittelalterliche Politik und adelige Staatssprache.— In: *Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung*, Bd. 76. Wien, 1968, S. 7—8.
32. *Russell F. H.* *The Just War in the Middle Ages.* Cambridge a. o., 1975.
33. *Hegewisch D.-H.* *Geschichte der Regierung Karls des Grossen.* Hamburg, 1791, S. 122.
34. *Gause F.* *Deutsch-slavische Schicksalsgemeinschaft.* Würzburg, 1967, S. 20.
35. *Гердер И.-Г.* *Идеи к философии истории человечества.* М., 1977, с. 525.
36. *Annales Fuldenses*, edidit F. Kurze. Hannoverae, 1891.
37. *Magnae Moraviae fontes historici*, I. Praga-Brunae, 1966, p. 70, 85—86.
38. *Annales Bertiniani*, edidit G. Waitz. Hannoverae, 1883.
39. *Annales Guelpherbytani*.— In: MGH SS t. I, 1826.
40. *Hampe K.* *Der Zug nach dem Osten.* Leipzig, 1924, S. 11.
41. *Bathe M.* *Die Sicherung der Reichsgrenze an der Mittelelbe durch Karl den Grossen. — Sachsen und Anhalt*, 16, 1940, S. 42.
42. *Sczaniecki M.* *La monarchie franque et les bassins de la Vistule et de l'Oder. — In: Les fleuves et l'évolution des peuples.* Paris, 1950, p. 53.
43. *Herrmann J.* *Siedlung, Wirtschaft und gesellschaftliche Verhältnisse der slawischen Stämmen zwischen Oder/Neisse und Elbe.* Berlin, 1968, S. 172—173.
44. *Lintzel M.* *Die Unterwerfung Sachsens durch Karl und der sächsische Adel.*— In: *Lintzel M. Ausgewählte Schriften.*
45. *Annales Nazariani*.— In: MGH SS t. I, 1826.
46. *Annales Mosellani*, a. 790 (789).— In: MGH SS t. XVI, edidit J. M. Lappenberg. Hannoverae, 1859, p. 497.
47. *Annales S. Amandi*, a. 789.— In: MGH SS t. I, 1826, p. 12.
48. *Jäger H.* *Rechtliche Abhängigkeitsverhältnisse der östlichen Staaten vom Fränkisch—Deutschen Reich (Ende des 8. bis Ende des 11. Jahrhunderts).* Frankfurt a. M., 1960, S. 13, Anm. 44; S. 55, Anm. 98.
49. *Chroniques de Saint — Denis. Gestes du grant Roy Kallemaine.*— In: *Recueil des historiens des Gaules et de la France*, par M. Bouquet, t. V. Paris, 1744, p. 229.
50. *Vita Caroli Magni auctore Donato Acciaiuolo.*— In: *Scriptores rerum Germanicarum, praecipue Saxoniarum*, edidit J. B. Mencke, t. I. Lipsiae, 1728, col. 824.
51. *MGH Diplomata Karolinorum*, t. I, edidit E. Mühlbacher. Hannoverae et Lipsiae, 1906, № 293, p. 437.
52. *MGH Legum sectio II. Capitularia regum francorum*, t. I, edidit A. Boretius. Hannoverae, 1883.
53. *Sigiberti Gemblacensis Chronica*, a. 806.— In: MGH SS t. VI, edidit L. C. Bethmann. Hannoverae, 1844, p. 336.
54. *Chronicon Moissiacense*, a. 806.— In: MGH SS t. I, 1826, p. 308.
55. *Králík O.* *Labyrint dávných dějin českých.* Praha, 1970, s. 89.
56. *Wegener W.* *Böhmen/Mähren und das Reich im Hochmittelalter.* Köln — Graz, 1959, S. 13—14.
57. *Fiala Zđ.* *Vztah českého státu k německé říši do počátku 13. století.*— In: *Sborník historický*, VI. Praha, 1959, s. 35—36, 40—42.
58. *Thegani Vita Hludowici imperatoris*, cap. 14.— In: *Ausgewählte Quellen zur deutschen Geschichte des Mittelalters*, Bd. V, S. 224.

МУСИЕНКО С. Ф.

ГРОДНЕНСКИЙ ПЕРИОД В ТВОРЧЕСТВЕ ЗОФЬИ НАЛКОВСКОЙ

Становление реалистического творчества польской писательницы Зофьи Налковской (1884—1954) связано с большими историческими событиями: первой мировой войной, Великой Октябрьской революцией и обретением Польшей независимости. Это события вошли в мир ее произведений и изменили отношение писательницы к действительности, способствовали демократизации ее творчества, появлению в нем нового героя — выходца из народных низов. Сама Налковская в 1929 г. писала об этом так: «Желание писать возникло у меня от тоски... по жизни других людей... В первом периоде моего творчества... я писала о любви..., об искусстве, об изяществе философского мышления. Однако все изменилось, когда вспыхнула война... Я увидела тогда явление до сих пор мне неизвестное — чужое страдание... У меня теперь иная позиция, с которой я наблюдаю мир. Следовательно, мир мне кажется иным и должен быть описан по-другому. Эта форма, названная критиками простой, соответствует такому видению действительности, в котором незначительные события и маленький человек удостоены внимания и сочувствия» [1].

В 1922 г. Налковская вместе с мужем жапдармским подполковником Яном Гожеховским переезжает из Варшавы на восточные окраины Польши. Несколько месяцев она живет в небольшом литовском селении Замочек, затем — в Гродно. «В гродненские годы, — отмечает польский исследователь творчества З. Налковской, издатель ее дневников — Х. Кирхнер, — Налковская научилась понимать современную ей Польшу... Из Гродно она привезла не только документальные материалы для „Стен мира“ и „Недоброй любви“, без Гродно не было бы также „Границы“, именно оттуда она почерпнула знание ситуаций..., реалий и пейзажей» [2].

Жизнь Налковской в Гродно сложилась несчастливо. Атмосфера творческих поисков, общение с видными деятелями культуры в Варшаве сменились горьким одиночеством, непониманием ее духовных запросов со стороны мужа, деградацию которого в течение нескольких лет она наблюдала. О нравственном падении Гожеховского писал также его сослуживец генерал Л. Бербецкий [3]. «Иногда... я с ужасом думаю о том, что оказалась неизвестно зачем так далеко от моей жизни, что пришла сюда за человеком, любовь которого остается для меня страшным недоразумением», — записывает Налковская в 1923 г. [2, s. 103].

Оказавшись в кругу военной элиты Гродно, Налковская стала свидетельницей крушения идеалов той части польской интеллигенции, которая связала свою судьбу с движением легионеров и лагерем Шилсудского. Предвидя большую социальную трагедию, писательница еще в 1914 г. выступила против буржуазной националистической политики, социального неравенства и войны. «Страна возрождается в то время, — с горечью писала Налковская, — когда три четверти ее населения... стреляют друг в друга» [4, s. 351].

«Романтический вихрь» надежд на свободу сменился откровенно жестокой реакцией и массовыми репрессиями. А здесь, на гродненских землях — «кресах», граничащих с Советской Россией, коррупция, политический шантаж сочетались с национальным и социальным гнетом и проявлялись в крайне жестоких формах. Описание деятельности Пилсудского на посту главы правительства и его стремление создать культ собственной личности в «Дневнике» Налковской проникнуты горечью: «Теперь мне кажется, что действительных событий как будто и не было, а остался только человек с его огромными, бесцеремонными, самодержавными капризами...¹ Левица разочарована и исполнена горечи... Каждая минута обнажает новую фальшь» [2, с. 218].

Готовя государственный переворот, Пилсудский сделал Замочек, Вильнюс, Друскининкай и Гродно районами концентрации своих войск и сторонников. Одним из слепо преданных Пилсудскому офицеров был Ян Гожеховский. С его деятельностью связаны аресты противников майского переворота 1926 г. в армии, в частности, генералов Загурского и Розвадовского. Загурского 15 месяцев продержали в тюрьме, затем без суда и следствия тайно уничтожили [5]. Розвадовский в результате тюремных пыток заболел и был отпущен на свободу лишь незадолго до смерти [2, с. 191].

О примитивности мышления, политической слепоте и жестокости Гожеховского Налковская писала: «Вокруг меня расцветала жизнь, а самый близкий мне человек, когда я, как утопающий, хваталась за соломинку, грубыми сапогами топтал мне пальцы, чтобы я не смогла подняться» [2, с. 189, 190].

Чувствуя интеллектуальное превосходство и независимость характера жены, Гожеховский проявлял в отношении к ней грубость, солдафонство и даже пытался запретить ей писать. Скорее всего, он боялся разоблачительной правды ее произведений и дневников [6]. Общественная и литературная деятельность писательницы была направлена против военной диктатуры и социального гнета и, естественно, не могла не вызвать тревоги в официальных сферах.

Гожеховский был исполнителем воли политических заправил на окраинных землях, а Гродно и было одной из окраин, где переплетались и влияли друг на друга традиции культуры и образ жизни четырех народов. В 20-е годы здесь насчитывалось около 47 тыс. населения, множество церквей, представлявших различные религии, а в самом центре города — построенная по англо-американскому проекту, большая неприступная тюрьма, примыкающая к кафедральному собору. Это была тюрьма особо строгого режима, рассчитанная на большое количество заключенных, с громадным штатом свирепствующих надзирателей. Воспоминания польских, литовских, белорусских коммунистов и прогрессивных общественных деятелей 20-х годов свидетельствуют о жестоком обращении с узниками [7—9] и о развернувшемся движении интеллигенции против репрессий.

В Польше 20—30-х годов в защиту заключенных выступают общественно-политические организации «Лига защиты прав человека и гражданина» и «Патронат» или «Товарищество опеки над узниками», который возглавляла известная левая публицистка и общественная деятельница С. Семполовская (1870—1944). В числе кураторов и членов правления гродненского отделения «Патроната» были З. Налковская, С. Земак, Ф. де Вирион, В. Фюрстенберг и др. Все они были связаны с прогрессивными общественными силами. Так, С. Земак, в прошлом участник Октябрьской революции в России, был активным деятелем местных левых политических и культурных организаций, заместителем председателя «Общества друзей Элизы Ожешко» и инициатором установки ее памятника в Гродно.

В. Фюрстенберг, брат Я. Фюрстенберга-Ганецкого, видного деятеля большевистской партии, соратника В. И. Ленина, был, по свидетельству Земака, «самоотверженным общественником», защитником коммунистов, талантливым адвокатом и очень добрым человеком.

¹ Этот фрагмент Налковская полностью перенесла в роман «Узлы жизни» (1948).

Высоко ценила своих коллег по «Патронату» и Налковская: «Пан Зе-мак, — читаем запись от 5 II 1926 г., — несомненно, самый идейный и свой человек в здешнем „Патронате“» [2, с. 148]; «Адвокат Винценты Фюрстенберг веселый, уравновешенный, с мягким еврейским юмором» [2, с. 145]; «Добрая пани Вирион» [2, с. 147].

Первый визит Налковской в тюрьму состоялся 29 июня 1924 г. «Сегодня впервые посетила тюрьму вместе с паном Земаком и пани де Вирион. Мы там были в роли кураторов, назначенных местным „Патронатом“... Я очень рада, что, наконец, пошла туда и смогу ходить в будущем... Тюрьма для меня в настоящее время представляет нечто вроде морального сокровища» [2, с. 125, 136].

Придавая большое значение своим наблюдениям над жизнью заключенных, Налковская выделяет в «Дневнике» раздел «Тюрьма 1924—1926». Записки писательницы имеют большое значение как документ эпохи, свидетельствующей о мужестве и борьбе белорусских, польских и литовских коммунистов, о жестокости властей на окраинах, о политическом курсе буржуазной Польши в 20-е годы. Дневник этого периода отличается большой концентрацией фактов, документальных материалов, размышлений писательницы о разных политических деятелях, представителях различных группировок и партий и о народе. Первоначальное отношение Налковской к заключенным, как к жертвам общества, перерастает в борьбу за права политических узников. Эта проблема найдет отражение и после отъезда Налковской из Гродно как в ее общественной деятельности, так и в лучших произведениях конца 20-х и в 30-е годы («Недобрая любовь» (1928), «Стены мира» (1931), «Граница» (1935)).

Разумеется, не следует отождествлять дневники с художественными произведениями, однако документальная основа последних прослеживается довольно явственно, это в первую очередь относится к рассказам о заключенных, эссе о Гродно и его окрестностях, а также некоторым художественным миниатюрам. И в то же время дневники писательницы, помимо их документальной значимости, имеют и высокие художественные достоинства, являясь своего рода романом о человеке в «вечно меняющемся времени», где автор является повествователем и героем.

Сама Налковская подчеркивала особую роль гродненского периода в ее творчестве. Поэтому уже первая запись о посещении тюрьмы поражает точностью наблюдений, глубиной анализа людей и ситуаций, меткостью характеристик, сочетающихся с эмоциональной напряженностью и философскими раздумьями о судьбах узников. Интересна структура дневников о тюрьме. Как правило, в записях вначале фиксируются внешние признаки человека, события, места, затем раскрывается их суть, что ведет автора к эмоционально-философскому анализу действительности. Это дает читателю возможность понять не только природу явления или характера человека, но и богатую внутреннюю жизнь писательницы, ее скорбь по поводу того, что она не может облегчить страдания несчастных.

«Я поражена, потрясена ощущением страшного счастья моей жизни, — пишет Налковская, — хотя и у меня есть причины для нареканий... Я постоянно думаю о тех больных, о дне самой глубокой печали в мире» [2, с. 130]. В рассказе «Люди в тюрьме» (сб. «Стены мира»), мысль о границе, разделяющей людей на две непримиримые группы — наслаждающуюся верхушку и страдающие низы, Налковская доведет до уровня философского осмысления проблемы социального неравенства в межвоенной буржуазной Польше: «Через середину дома как будто проходила тонкая черта, разделявшая весь мир на две половины. Это было так явственно, что казалось, в воздухе я задеваю ее головой, а на полу могу прочертить мелом... Один мир проникал сюда со стороны улицы. В ворота въезжали экипажи и автомобили... По мраморной лестнице... поднимались ласковые милые женщины и доброжелательные мужчины... Но был и другой мир, он входил со стороны кухни, по крутым темным ступенькам черного хода... Отсюда приходили люди за деньгами или спасением, приходили с горя и отчаяния... И все это было польской действительностью» [10].

В дневниках Налковской тюрьма ассоциируется с социальным и национальным гнетом в стране, поэтому задолго до появления сборника рассказов о тюрьме понятие «стены мира» складывается в сознании писательницы как следствие несправедливого мироустройства, зла, насилия, террора, ставших законом жизни буржуазной Польши.

В тюрьме, «в замкнутом кругу ее стен, составляющем целый городок, с его подворьями, переходами, улочками, кузницей, пекарней, больницей, канцелярией, мастерскими и церковью, можно было жить, болеть, молиться, работать, умереть и даже родиться» [10, с. 576].

Смерть здесь стала не только частым, но и обычным явлением, а рождение — удивительным исключением. Умирали многие от пыток, побоев, жестокостей надзирателей, нервного истощения, несправедливых приговоров, голода, болезней. Не случайно и в дневниках, и в рассказах («Тайны крови», «Стены мира») описаны эпидемии болезней, которым подвержены простые люди в тюрьме и за ее пределами.

Как видим, и в дневниках, и в рассказах Налковская проявила горячее участие к человеку из социальных низов. Поэтому вызывает возражение оценка деятельности и позиций писательницы в период ее работы в «Патронате», данная польским литературоведом Б. Рогатко: «Мир „страданий и преступлений“, с которыми столкнулась писательница во время визитов в тюрьму, перестал быть для нее чуждым, но знание его не означает его понимания» [11].

В действительности творчество писательницы являет выразительный пример глубокого понимания человеческой души, социального мироустройства и влияния на формирование психики личности общественных условий, и именно в рассказах о тюрьме реализуется формула Р. Роллана: «человек — это сумма мира». Поэтому описания окружающей обстановки, событий, героев выдержаны не только в четких рациональных, логических и философских суждениях, но и пропущены — используем выражение О. Берггольд — «через сердце писателя» [12].

Вызывают поэтому сожаление воспоминания Н. Друцкой, не сумевшей передать многогранности и глубины натуры Налковской. «Я постоянно думаю о тех, которые знают, что не доживут до дня своего освобождения... Голова моя переполнена мыслями о них, а сердце — любовью. Да, я люблю их и горячо стремлюсь доставить им хоть крохотную радость или хотя бы тень облегчения» [2, с. 128, 129], — писала в «Дневнике» Налковская. По воспоминаниям же Н. Друцкой Налковская помогала заключенным «из необходимости творить добро, а не по потребности сердца. Когда она говорила о заключенных, то оставалась холодной и невозмутимой, как хирург во время операции. О преступных, но несчастных людях она писала с точностью репортера, соблюдая совершенство формы, и, казалось, вопреки себе, добивалась сочувствия читателя к судьбам описанных людей» [6, с. 132].

С Друцкой следует согласиться лишь в том, что она подчеркивала популярность Налковской и ее умение вызывать у читателей сочувствие к судьбам героев.

Сопоставляя свидетельства современников Налковской с ее дневниками, можно сделать вывод о глубоком одиночестве писательницы, а главное — о том, что ее драма имела не только семейный характер. Поэтому уход от мужа объяснялся не «несходством характеров супругов» [6, с. 128, 246; 11, с. 23], как об этом пишут некоторые исследователи, а связан с более глубокими причинами: Гожеховский был поборником жандармского режима, против которого боролась Налковская, отдавая силы и талант борьбе за права заключенных и находя в этом моральное удовлетворение. «Мне так хорошо говорить с ними... — читаем ее запись об узниках. — Такие привычные, близкие, вечные... эти партизаны — литовцы, белорусы, русские, коммунисты» [2, с. 129, 130].

Условия жестокой цензуры не позволили Налковской показать в полной мере политических заключенных в «Стенах мира». Писательница лишь упоминает о том, что они содержались в полной изоляции, в специально

построенном корпусе с усиленной охраной. «Самое новое здание, — сообщает Налковская, — расположенное недалеко от ворот. Трехэтажный холл, освещенный сверху, полностью обнесенный проволокой, с железными ступенями и галереей. Три ряда дверей окружали этот холл... Здесь в одиночных камерах сидели те, что еще были под следствием, или политические, которые не могли быть помещены в общие камеры» (рассказ «Люди в тюрьме») [10, с. 552].

Судьбы политических заключенных глубоко волновали Налковскую, поэтому в дневниках им уделяется большое внимание. Писательницу интересуют причины их приобщения к борьбе, поведение в тюрьме, восхищает их высокая нравственность и беспредельное мужество.

«Их жизнь здесь намного хуже, чем на каторге Достоевского... Они ни с кем не встречаются... Никто ими не интересуется... Здесь осуждение на несколько лет заключения равносильно смертельному приговору» [2, с. 140].

Выводы писательницы подтверждаются описанием судеб конкретных людей, причем каждому из них посвящается несколько заметок, круги повествования расширяются по мере обретения Налковской новых сведений и в результате более близкого знакомства с самими заключенными. Все они очень молоды, но получили в тюрьме тяжелые болезни из-за пыток, голода, сырости, нервного напряжения. Как свидетельствуют дневники, никто из больных не вышел на свободу, так как против каждой фамилии рукой писательницы была сделана приписка «умер».

«Молодой узник Венцис, находящийся под следствием два года... Белорус... человек чистый, больше всего любящий свою родину» [2, с. 135]. В тюрьме получил туберкулез, умер 26 октября 1924 г.

Видимо, Налковская пользовалась особым доверием политзаключенных, о чем свидетельствуют записанные в дневнике фрагменты бесед с ними.

«Второй белорус по партизанскому процессу кончает отсиживать четырехлетний срок. Сидит отдельно — молодой, но уже седой, спокойный, мило улыбающийся, вежливый. Вот что сказал он с этой милой улыбкой: «Сижу невинно, так как в партии не состоял. Но когда выйду отсюда, обязательно в нее вступлю»» [2, с. 146].

Не менее трагичной была и судьба поляка, также «находящегося под следствием два года по политическому делу... У него кровотечение... Но как же он владел собой, и даже улыбался, чтобы не показать слабости, но не смог удержать изнуряющего капля» [2, с. 140, 141].

Этот эпизод Налковская описала и в рассказе «Счастье», в котором она из-за цензуры не могла говорить о политической стороне событий и сосредоточила внимание на показе духовного величия узника и его мужества. С помощью С. Земака удалось установить фамилию героя. Кужидло — выходец из бедной крестьянской семьи, — которого бросили на польско-советскую войну, а оттуда — в тюрьму за то, что он «высказал об этой кампании подстрекательские слова и выражения» [2, с. 142]. Правда, судьям так и не удалось за два с половиной года доказать его вину и найти свидетелей обвинения, что, однако, не помешало им держать в тюрьме и избивать невинного. Лишь старания и борьба кураторов «Патроната» Налковской, Матушевича, Земака увенчались запоздалым успехом: за пять дней до смерти Кужидло был отпущен домой.

В дневниках Налковской нашла отражение и тема массовых репрессий на «крэсах». Так, в Гродненской тюрьме без суда и следствия два года томилось более 30 человек. Этот процесс военной администрацией был назван «партизанским делом», следствие по нему намеренно тормозилось, а его участников жестоко избивали и заставляли подписывать чистые листы бумаги, чтобы впоследствии фабриковать фальшивые документы и использовать их на суде. Литовские партизаны были брошены в тюрьму за попытку отбить в Польше захваченные в 1920 г. литовские земли. Операция для них закончилась трагически. Для участия в процессе в Гродно «Патронат» пригласил адвоката Т. Врублевского, в прошлом защитника

лейтенанта Шмидта. Присутствовавший на суде Земак отметил ораторское мастерство Врублевского, глубокое знание им истории Литвы и Польши, а главное — его стремление спасти людей и добиться менее суровых приговоров [2, s. 132, 133].

Как видим, Налковская и все кураторы Гродненского отделения «Патроната» считали политических заключенных гражданами, достойными внимания и уважения. Совсем не случайным было сотрудничество писательницы с представителями революционного и демократического лагеря в искусстве и политике. В 1926 г. С. Семполовская публикует брошюру «Открытое письмо» Пилсудскому и его военно-диктаторской клике в защиту политических узников; в том же году Налковская начинает свой сборник «Стены мира» и печатает первую новеллу о заключенных — «Счастье». В дневнике писательницы от 20 IX 1926 г. есть запись: «Когда несколько месяцев тому назад я напечатала мой первый рассказ о тюрьме („Счастье“ в „Блюще“), Семполовская написала мне по этому поводу письмо, выражающее солидарность» [2, s. 205].

В тот же период появляются «Открытое письмо к польской интеллигенции» С.-Р. Станде и стихотворение В. Броневского «Товарищам по оружию». Шесть тысяч политических заключенных томились в тюрьмах санационной Польши. И от имени народа и прогрессивной интеллигенции писатели выразили свое требование: «Откройте тюрьмы!».

Опубликованные в прогрессивной печати в 1926—1930 гг. рассказы Налковской о гродненской тюрьме были заметным явлением в польской литературе. Отразилась в них и значительная идейная эволюция писательницы, которую она сама отмечала в «Дневнике». В нем все чаще появляются записи о встречах с коммунистами, об их борьбе и творчестве, и, главное, — об их социальной правоте.

Примечательно в этом плане заключение Налковской, сделанное в 1926 г.: «У меня, пожалуй, есть ощущение духовной близости с коммунистами (снова Станде, Броневский)» [2, s. 215].

Разделяет писательница точку зрения коммунистов и на гражданскую значимость литературы: «Логическим в этом плане мне кажется поведение коммунистов... Утверждение достоинства литературы становится жизненно необходимым» [2, s. 278, 279].

«Стены мира» явились не только результатом знакомства Налковской с тяжелой судьбой народов окраин и заключенных гродненской тюрьмы, но и общественно-политической деятельности писательницы, перелома в ее идейных взглядах. М. Бибровский вспоминает, например, о подписании Налковскими, матерью и дочерью, протеста против казни революционерки Регины Каплан и восьми белорусских крестьян, причем протест исходил от коммунистов во главе с Т. Дурачем [6, s. 51, 52].

Активное участие принимала Налковская и в кампании протеста против открытой реакции правительства Пилсудского, начавшейся через несколько недель после захвата им власти: это были и массовые аресты коммунистов и членов крестьянской партии, и разгром белорусской «Громады», и убийство шести рабочих в результате вооруженного подавления массовых забастовок (июнь 1926 г.), и расстрелы демонстраций. Против террора выступили широкие народные массы, прогрессивная интеллигенция, профсоюз польских писателей вместе с «Лигой защиты прав человека и гражданина» и центральным межпартийным комитетом. На специальном собрании писатели избрали комиссию по защите прав политических заключенных, в которую вошла Мария Домбровская. От имени столь значительных организаций была выпущена листовка в защиту политических заключенных, подписанная тринадцатью виднейшими писателями, в том числе и Налковской.

«Полиция, тюрьмы, бездарные прокуроры и чрезмерно суровые приговоры судов, — читаем в листовке, — все это создает ужасающую картину уничтожения гражданских свобод и попрания человеческого достоинства» [13].

Листовка была конфискована правительством, но кампания по защите

заклученных продолжалась. По свидетельству современников, некоторые заседания комиссии проходили на квартире Налковской [14]. Репрессии коснулись даже легальных периодических изданий, помещавших материалы протеста против тюремного режима. Так, известен факт конфискации журнала «Вядомосци литэрацке» («Wiadomości Literackie» 1927, № 15). За участие в движении по защите заключенных жестоко преследовались и политические деятели, и деятели культуры. К суду привлекались сенатор Б. Лимановский, прозаик А. Струг, поэты С.-Р. Станде и В. Броневский.

В этой политической ситуации сборник Налковской «Стены мира» служил разоблачением беззакония и жестокости буржуазии по отношению к жертвам строя, а таковыми писательница считала и заключенных, и широкие народные массы. Тюрьма — это следствие, а точнее проявление несовершенства жизни, и Налковская стремится вскрыть причинность преступности и указать истинных преступников. Кроме того, в новеллах подчеркивается мысль о влиянии социальных факторов на становление индивидуальных качеств личности и о взаимозависимости людей.

«Так замыкаются в этом месте (в тюрьме) круги жизни просто и легко. Все оказались зависимыми друг от друга и связанными между собой узами вины и ответственности, любви и страданий» [10, с. 550]. Тюрьма, по мысли Налковской, — это мир страданий и преступлений, но подлинные преступники — это «хозяева жизни». Понятие «стен» или «границы» присуще и более ранним произведениям («Дом над лугами», «Недобрая любовь»), но в «Стенах мира» граница делит людей на жертв и палачей. На преступление человека толкает порочная социальная среда. Вот почему проблему преступления и наказания Налковская считает не юридической, а социальной: виновен мир, в котором создаются предпосылки для преступлений, и порок заражает все слои общества. Преступны прежде всего вершители судеб и судьи, так как судят не виновных, а тех, кто несет на своих плечах тяжесть жизни.

«Тюрьма, — писала Налковская, — предельно конденсированная мечта о свободе... Стены набухли от надежд на побег. Это становится между нами и ними. Зачем приходим мы, если не можем помочь в самом главном, без чего все остальное теряет смысл» [2, с. 129].

Небезынтересно и замечание С. Земака по поводу социального деления общества. «Порой некоторые судьи карательного отделения могли отнестись с пониманием к небольшим провинностям подсудимых. Но в делах политических ни один!» [2, с. 133].

Налковскую возмущает жестокость тюремщиков. «Перед тем, как идти сегодня в тюрьму, я познакомилась со здешним комендантом полиции (Мацевским) и спросила, бьют ли арестантов в комиссариатах... Он объяснил, что на следствии бьют со знанием дела: ребром ладони около уха, чтобы остановить приток крови, и тогда задается вопрос... И еще: „Заключенный должен смертельно бояться, должен дрожать от страха, когда я на него смотрю. Иначе...“ Так утверждается польская государственность здесь, на окраинах» [2, с. 138], — с горечью отмечает писательница.

Наблюдения над жизнью тюрьмы, портретные зарисовки тюремных служащих Налковская использует не только в «Стенах мира», но и в лучшем своем романе «Граница», где индивидуальные характеристики конкретных людей откристиализовались в социально-психологические типажи. Например, в «Дневнике» писательницы комендант Мацевский предстает как «человек» двадцати девяти лет, с добродушным жирным лицом на громадном корпусе болезненного толстяка. Жир переливается, двигается и живет в темно-синем мундире» [2, с. 138].

В романе «Граница» этот полицейский показан как один из многих защитников интересов правящих классов буржуазно-помещичьей Польши, и характеризуется он не самой писательницей, а персонажами романа. «Эльжбета подумала... о начальнике полиции, который утверждал, что бьют везде — в Америке, Англии, Франции и даже в Греции. Начальник был еще молодой человек с маленькой конусообразной головой на огромном жирном корпусе» [15].

В дневниках и в художественных произведениях Налковская обличает беспощадную буржуазную власть, противопоставляя ей жизнь доведенного до отчаяния народа. Мир рассказов Налковской — это судьбы маленького человека, его страдания в тюрьме и мытарства в жизни, чем объясняется и чередование в сборнике описаний картин народной жизни «на свободе» и страшных тюремных будней. Из семи рассказов сборника — шесть выдержаны в форме репортажа о тюрьме. И лишь один, «Семья Марции», поражает богатством красок. В нем как будто оживают картины природы, гармоничной, прекрасной, вечной. Земля, покрытая лесами и лугами, может приютить и сделать счастливыми всех людей. «Тихо и спокойно» [10, s. 557], — заключает описание летней ночи Налковская. Смена ритма наступает внезапно, как крик горести в тишине: «Уж если кому не везет, так не везет» [10, s. 557], а «не везет» крестьянам, батракам, пребывающим в вечном труде, бедности, бесправии.

Введением этой новеллы в цикл тюремных как бы подчеркивается идейная направленность сборника. «Стены мира» — это стены социальной градации, и «Семья Марции» тоже приобретает обобщенно-аллегорическое значение. Мы встречаем в этой семье тружеников и лодырей, оптимистов и пессимистов, больных и здоровых, старых и молодых, но их всех объединяет ощущение бесперспективности жизни, или, как утверждает героиня Михайлова, «невезучесть». Этим рассказом писательница с помощью контраста — гармонии природы и уродливой деформации жизни людей — создает социальный фон и выявляет причины, ведущие к преступлению. Голод толкает человека на воровство; произвол и жестокость — к самозащите; пренебрежение к человеческому достоинству — к протесту, психическим срывам, нервным болезням, самоубийству. Вот почему тюрьма во всех остальных новеллах показана не как место наказания преступников, а как «конденсация социального зла». И в нее попадают виновные и невинные, злоумышленники и невольно совершившие проступок. С точки зрения писательницы, им можно и должно найти оправдание. Обитателей тюрьмы Налковская делит на несколько категорий: абсолютно невинные, или ставшие жертвами социального произвола (женщины-крестьянки, попавшие в полицейскую облаву); арестованные по ложному доносу (Елена с мужем); совершившие проступок, защищая свое право на любовь и жизнь (Петров) и собственно преступники (муж и жена Лоньские). Каждый характер, каждая судьба, каждый поступок становится предметом подробного анализа писательницы, понимающей глубину страданий и беды этих несчастных. Но все они, не взирая на причины и степень вины, по которым оказались в тюрьме, подвергаются одинаковым пыткам и побоям.

Так, на вопрос писательницы о судьбах женщин, попавших в облаву и ложно обвиненных в воровстве, полицейский чиновник ответил: «Ничего им не будет: месяца два отсидят и уйдут» [10, s. 579]. Нелепый трагический произвол вырвал этих женщин из привычного круга жизни, семьи и поставил на них клеймо преступников, так как в тюрьме стиралась грань между настоящим преступлением (Лоньские) и мнимым, в котором признавались люди под пытками и побоями (Елена). Судьбы таких узников вызывают глубокое сострадание автора и читателя и служат обвинительным документом санационному режиму. Налковская показывает, как ломает такого человека тюрьма, как он привыкает к своей трагедии и приходит к мысли о предначертанности судьбы. Критика упрекала писательницу в фаталистической трактовке человеческой жизни. Но такой упрек не обоснован, ибо «фатализм» Налковской исходит не из философской убежденности, а служит подтверждением мысли писательницы о туго затянутой петле политического режима.

Цена, которую платит человек за свое достоинство и любовь, показана на примере судьбы Хрущева (в «Стенах мира» Петров), которого адвокат Фюрстенберг в защитной речи назвал гродненским Отелло. Много лет служил бесплатно у кулака из деревни Грандичи молодой батрак Хрущев. Он любил хозяйскую дочь Анелю и пользовался ее взаимностью, но когда сделал предложение, хозяин дал ему пощечину и выгнал из дома. Де-

вушка же из страха не пошла за возлюбленным. И тогда измученный горем человек решил убить ее и себя. К счастью, Анеля осталась живой, а Хрущеву помешали покончить с собой. Эта история получила широкую огласку, но властям выгоднее было придать ей смысл романтического приключения, затушевав социальные причины преступления. Налковская описала ее и в дневнике, и в рассказе «Утешение», причем текст дневника перенесен в произведение почти полностью, изменены лишь имена героев. «Утешение» представляет еще одно намеренное отступление от манеры репортажа: в нем философское осмысление человеческой судьбы дается в сочетании с предельным эмоциональным накалом. И автор, и кураторы «Патроната», и защитник были на стороне осужденного. Налковская отмечает, что несколько дней тюрьмы превратили его «из человека в заключенного», но и как заключенный Хрущев глубоко страдал. «И тогда добрая пани Вирион закричала из глубины коридора: „Анеля жива!“ „Но я уже не живу, — ответил он... со страшной бездонной печалью“» [2, с. 147].

В рассказе «Утешение» писательница сконцентрировала внимание на анализе переживаний человека, который оказался в психологическом тупике, в состоянии безысходности, непреодолимой беды. В коротком фрагменте представлено и отношение к случившемуся людей, которые знали Петрова (в «Дневнике» Хрущев).

«Все это было страшно. В частности, когда теперь говорят, что в течение семи лет он был работящим и спокойным, хозяйка хвалила его, как сына, а девушка любила его по-настоящему.

Мы все это знали, и вот он перед нами, этот Петров. Его маленькое, почерневшее, искаженное страданием лицо, его глаза, не желавшие на нас смотреть. И мы ничем не могли помочь, даже не могли предложить ему сигарет.

И тогда кто-то из нас сказал, думая, что так будет лучше:

— Людмила жива.

Петров весь встрепенулся от этой весты, быстрым... движением прижал обе руки к лицу. И с каким-то хрипом или воплем произнес:

— Но я уже не живу». [10, с. 590—591].

Бесчеловечные условия тюрьмы не убили в людях гуманных качеств. Писательница показывает, как живуча в человеческой душе, даже у самого страшного преступника, потребность творить добро, проявлять сострадание к слабому, хранить человеческое достоинство. Наблюдаемые такого рода случаи писательница почти без изменений переносила из дневника в рассказы, подчеркивая при этом их фактическую основу.

Так, осужденный за грабеж Ковыль (рассказ «Люди в тюрьме») вступился за больного туберкулезом узника Вацулю, за что был брошен в карцер. Вацуля же от отчаяния тяжело ранил себя ножом. Добрая и сострадательная Елена помогала в тюрьме всем, кому могла, а «на воле» умирали беспризорными ее дети, и мысли о них лишали ее последних сил. Тюрьма не ожесточила ее сердце, но медленно убивала невинно осужденную по-женски женщину.

Пожалуй, самым страшным местом, как пишет Налковская в «Дневнике» и рассказах, была тюремная больница, под сводами которой собраны самые тяжелые болезни, горести, трагедии людей, где попираются элементарные права человека. Описывая эту больницу, Налковская вспоминает «Записки из мертвого дома» Достоевского, подчеркивая мысль о том, что жестокость, доходящая до садизма, присуща любой реакционной власти. Правда, «обычная» камера и больничная мало чем отличаются друг от друга. «Воздух в этих помещениях, камерах матерей, был по-настоящему ужасный: густой, липкий, как слизь, и зловонный. Они не получали горячей воды, им не позволялось иметь подогревателей. У них не было мыла для стирки пеленок и не было где это делать... Этажом выше была камера больничная. Здесь совсем молоденькая женщина просила об освобождении на время родов, которые ожидала дней через десять. А две следующие койки, здесь же рядом, были заняты венерическими больными. На последней лежала туберкулезная... Около самой двери сидела на сво-

ей койке новая больная и держала около груди маленького ребенка» [10, s. 557, 558].

В описаниях сохраняется протокольная точность, они не лишены элементов натурализма, свойственных творчеству Золя и Жеромского. Как и для великих классиков, для Налковской натуралистические приемы не являлись самоцелью. С их помощью писательница обнажает язвы общественного бытия, вызывая сочувствие к бедам человеческим у широких читательских масс, на которые прежде всего были рассчитаны «Стены мира».

Стараясь выдержать тон объективного повествования, ведя рассказ в манере репортажа с использованием публицистических приемов и сохраняя фактографическую основу, Налковская не забывает о философском осмыслении фактов и жизненной перспективы, а точнее о возможностях, которые мог бы проявить человек в более совершенных социальных условиях. Петров, по ее словам, стал бы прекрасным хозяином, хорошим мужем и добрым человеком. Елена осчастливила бы семью и окружающих своей сострадательностью, сердечностью, пониманием людей. Даже преступник и убийца Лоський, потребовавший для себя расстрела, мог бы использовать свой яркий самобытный ум не на изобретение возможностей скрыться от суда. Не случайно, в рассказе «Семья Марции» писательница утверждает, что народные низы страдают везде, независимо от их индивидуальных судеб, «везучести» или «невезучести». Эта линия раздела призрачная, а истинное деление общества проходит в сфере социальной. И «за чертой» находится не только тюрьма, но протекает беспроектная жизнь народных низов, социальных отбросов — «двора чудес», показанного еще В. Гюго с любовью и состраданием, и впервые утвердившим моральное величие социально униженного, маленького человека, которого французский писатель назвал великаном в плане моральном и пигмеем в плане социальном. Эту традицию по-своему продолжила З. Налковская.

Тяжесть окружающей среды испытывала и сама писательница: «Атмосфера, в которой я живу, исключает возможность открыто говорить о себе и близких мне вещах» [2, s. 116, 117].

«Стены мира», безусловно, выходят за пределы тюремной проблематики и гродненских событий — это аллегория и одновременно эпопея о жизни народа на окраинах, жизни, исполненной личных и общественных трагедий, социального и национального угнетения. Прежде чем выйти отдельной книгой, в 1926—1930 гг. повеллы печатались в прогрессивной периодической прессе: «Неуслышанный крик» («Głos Prawdy», 1926), «Семья Марции» («Kobieta współczesna», 1927), «Зависимость» («Świat», 1927), «Преступники», «Утешение», «Счастье», «Женщины там» («Pamiętnik Warszawski», 1930). Интересно отметить, что в выпущенном в 1931 г. сборнике рассказов «Стены мира», рассказ «Преступники» получил новое название — «Люди в тюрьме», что лишний раз свидетельствует о гуманности писательницы, вовсе не считавшей преступниками представителей народных масс, оказавшихся в тюрьме.

«Преступников, — говорила Налковская, — я считаю людьми, которые как бы взяли на себя обязанность зла, а эта тяжесть должна быть разделена между всеми поровну. Эта книга раскроет мои взгляды на проблемы страданий и человеческой несправедливости» [16, s. 497].

В этом показе заключалось прежде всего единство замысла и монолитность формы сборника. «Я старалась выдерживать постоянно наблюдений... не позволяя себе никаких отступлений от проекции цельного построения. Что же касается художественных средств, то я совершенно сознательно ограничила их многообразие, как это было в начале моего творчества» [16, s. 487].

Гродненский период оставил глубокий след в сознании Налковской. «Все виденное через призму тюрьмы, — писала она, — не является только тюрьмой. Это скорее то, что удалось увидеть вокруг. А в целом — это воспоминания о Гродно» [16]. О жизни буржуазной Польши на примерах пережитого в Гродно ею была задумана трилогия эпического характера: «Роман Терезы Геннерт», «Дом над лугами» и «Дело Гондзилла».

«Как куратор „Патроната“ арестантов в Гродно, я хорошо узнала политические принципы, там господствующие» [2, с. 144].

Однако осуществление замысла пошло несколько иным путем: вместо задуманного романа о гродненской тюрьме и произволе польской буржуазно-помещичьей власти на окраинах страны «Дело Гондзилла» были созданы новеллы сборника «Стены мира», замечательные романы социально-психологического и философско-политического характера — «Недобрая любовь» и «Граница».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Nałkowska Z.* Widzenie bliskie i dalekie. Warszawa, 1957, s. 14.
2. *Nałkowska Z.* Dzienniki 1918. 1929. T. III. Warszawa, 1980, s. 9.
3. Pamiętniki generała broni Leona Berbeckiego. Katowice, 1959.
4. *Nałkowska Z.* Dzienniki 1909—1917. T. II. Warszawa, 1976, s. 460.
5. *Cieślowski Z.* Tajemnica śledstwa KO-1042/27. Sprawa generała Zagórskiego. Warszawa, 1976.
6. Wspomnienia o Zofii Nałkowskiej. Warszawa, 1966, s. 130.
7. Годы испытаний и мужества.
8. Вильнюсское подполье. Вильнюс, 1966.
9. *Клейн Б. С.* Открытая книга бытия. Неман, 1977, № 9, с. 133—160.
10. *Nałkowska Z.* Pisma Wybrane. Warszawa, 1956, s. 547.
11. *Rogatko B.* Zofia Nałkowska. Warszawa, 1980, s. 134.
12. *Берггольц О.* «Дневные звезды». Петрозаводск, 1967, с. 25.
13. *Korzeniewska E.* Maria Dąbrowska. Kronika życia. Warszawa, 1971, s. 126.
14. Z «Dziennikow» Zofia Nałkowska i Maria Dąbrowska o sobie nawzajem. Twórczość, 1974, № 1.
15. *Налковская З.* Избранное. М., 1979, с. 219.
16. *Alberci K.* Co mówi Zofia Nałkowska o kobietach. Swiat Kobiet, 1927, 15 VI.

ФРАГМЕНТ КУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ ДРЕВНИХ
СЛАВЯН

Христианизация Киевской Руси не была процессом беспрепятственным, это ясно по всем данным политической истории. Конфликты между Рюриковичами и греческой церковной администрацией случались нередко, хотя совпадение существенных социальных интересов сторон несомненно. Социально-экономическая основа противоречий между светской и церковной властью изучена обстоятельно. Гораздо меньше обращалось внимание на противоречия идеологические, хотя они тоже были. В частности, они отчетливо проявились в таком, казалось бы, нейтральном, чисто литургическом вопросе, как отношение к одному из не главных праздников церковного календаря, установленному очень давно и по поводу для Киевской Руси совершенно не актуальному.

В феврале 306 г. по обвинению в поджоге храма Кибелы в Амасии (Малая Азия) был казнен новобранец войска Галерия Максимиана христианин Феодор (Θεόδωρος, букв. 'божественный дар' — имя дохристианского происхождения, распространенное уже в античной Греции). Агиограф, описывая это событие, употребил редкой красоты сравнение, предвосхищающее известный троп из финала лермонтовской поэмы «Мцыри»: душа Феодора молнией взвилась на небеса [1, с. 74]. Сегодня не существует данных для разграничения правды и вымысла в агиографической документации о Феодоре. «В истории христианских мучеников важно не то, являлись ли они реальными историческими личностями, а то, что сделали из них церковь и ее идеологи и какое идейное содержание они вкладывали в их образы на различных этапах развития» [2, с. 69]. Историческим фактом является то, что казнь этого юноши выделилась из множества ей подобных, в конечном счете именно Феодор, причисленный к лику великомучеников, чтился как небесный патрон византийской армии [3].

Литургические почести Феодору византийцы начали воздавать очень рано. Свое «Похвальное слово» Григорий Нисский (ок. 334—394) произнес в специально выстроенном великолепном храме, «где память праведного и святые останки его», *ἔπου μνήμη δικαίου καὶ ἁγίου λείψανον* [4, р. 737]. Высказано предположение, что это слово было сказано на родине Феодора — в Евхаитах [5, col. 238—239], которые стали одним из крупных центров паломничества и из маленького селения к V в. превратились в город с епископской кафедрой, а с 533 г. — в автокефальную архиепископию. Сюда, *къ с(вя)тоумоу Феодороу въ Ев'хиты* [6], однажды пришел странствующий аскет Иоанн Мосх (умер в 619 г.), автор «Луга духовного», в русской традиции получившего название «Синайский патерик» [7, р. 203] и представленного одной из первых древнерусских рукописей — конца XI или начала XII в.

Базилика Феодору была воздвигнута на рубеже V—VI вв. и в Амасии, на предполагаемом месте казни [5, col. 240]. В Константинополе в 446 г. имелось два Феодоровских монастыря, а в 536 г. уже четыре.

В первой половине V в. неподалеку от того места, где впоследствии был воздвигнут главный собор Империи — св. София — патриций Сфоракий построил Феодоровский храм, обслуживавшийся впоследствии духовенством св. Софии, что подчеркивало его общегосударственное значение [8, р. 159—162]. Дата освящения этого храма, 5 ноября, отражена в календаре древнерусского Остромирова Евангелия 1056/57 г., где нашлось место всего для двух событий такого рода (вторым является освящение 17 октября неизвестного года богородичного храма *на месте рекомеъ Раи*, ἐν τῷ ἐτοιμαζομένῳ Παραδείσῳ. Так назывался небольшой столичный парк, местонахождение которого — вопрос для археологии будущего [8, р. 226].

Уже в «Похвальном слове» Григория Нисского говорится о красоте живописных изображений на сюжеты мученичества Феодора в том храме, где это «Слово» впервые произносилось. Древнейшие до нас изображения Феодора относятся к VI в., самое важное из них для палеославистики — мозаика в солунском соборе св. Димитрия [9]. Ее видели первоучители славян, солунские братья Кирилл и Мефодий — ведь воспоминанием именно об этом храме они выразили столь необычную для гимнографии ностальгию, в своем каноне Димитрию Солунскому: *отъ-лоучихомъ ся далече соуще отъ светлаго храма твоего... и желаемъ, святе, твоя църкъве, и поклонити ся къгда твоими молитвами* [10, с. 190]. Русская византология положила начало исследованию этого сооружения и публикации его мозаик [11].

Как раз в кирилло-мефодиевскую эпоху в развитии культа Феодора наступил новый этап. Евхайтский архиепископ в 880 г. стал митрополитом, причем ему был присвоен высший титул — *πρωτόθρονος* 'первопрестольный' [12, S. 167]. Этому не сопутствовало возрастание экономического значения города, престиж Евхайт держался только на святине, нужной для военно-политической экспансии византийского государства. Образ великомученика Феодора претерпел гиперболизацию, «честолюбивая агиография постепенно произвела новобранца (τήρων) в генерала (στρατηλάτης)» [12, с. 405], теперь Евхайты гордились двумя святыми — Феодором Тироном и Феодором Стратилатом. Раздвоение, впервые наблюдаемое у виднейшего панегириста конца IX в. Никиты Пафлагонского [13], произошло и в календаре: 7 или 8 февраля отмечались как дни кончины Стратилата, 8 июня — как день перенесения его мощей в Евхайты (год этого события неизвестен); поминовение Тирона совершалось 17 февраля, считавшееся днем кончины, и — что является отличием, единственным в своем роде — Тирона прославляли службой в подвижную дату, по Триоди. Для этой цели была отведена первая суббота великого поста [14]. Поскольку время, отсчитываемое по Триоди, т. е. по пасхальной системе, имеет сакральный приоритет по сравнению с временем юлианского календаря, языческого по своему происхождению, это чествование говорит о привилегированном положении Феодора в иерархии святых, которое он не разделял ни с кем. Возможно сравнение с иерархическим положением Николая Мирликийского, единственного из святых, чествуемого в седмичном круге Октоиха (по четвергам), т. е. тоже в подвижные даты. Хотя это означало многократное поминовение, по числу четвергов в году, однократное чествование по Триоди имело более высокое достоинство — как бы в той же пропорции, в какой Пасха выше обычного воскресенья, маленькой Пасхи, и даже всех обычных воскресений года, вместе взятых.

Феодоровский культ, оброставший апокрифическими, фольклорными¹ переосмыслениями, не оставался явлением внутривизантийским, он раздвигал свои географические границы вместе с греческой церковной миссией. Отношение к нему со стороны христианизуемых государств во многом зависело от характера взаимоотношений с самой Византией. Готы, приняв христианство от греков, относились к ним так, что историки отмечают «заораживающее действие восточного Рима на готскую элиту» (*die faszinierende Wirkung Ostroms auf die gotische Oberschicht*) [16].

¹ Возможно, начало этому обрастанию было положено контаминацией с языческим культом фракийского божества-всадника (о нем см. [15]).

У славян отношение к грекам было иным. Древняя Русь византийцев недолюбливала, это известно из нашего летописания. Отсюда — различие в восприятии германцами и славянами специфически воинского культа греков. Феодор как личное мужское имя распространилось у германцев широко; приняв форму Theodorich > Dietrich, оно могло пониматься двояко — либо как грецизм, либо как готский композит: þiuda 'народ' + reiks 'вождь, повелитель'. Что родившийся около 456 г. в Паннонии будущий остготский король Теодорих получил при крещении это имя, нетрудно объяснить статистической случайностью — ведь его могли назвать и как-нибудь иначе [17; 18]. Но что после смерти Теодориха, последовавшей в 526 г., именно его образ стал центральным в германском героическом эпосе — это уже не случайность, а не замеченный германистами закономерный результат воздействия сюжетообразующего потенциала, заложенного в Феодоре византийской агиографии. Совпадения зашли настолько далеко, что эпический Теодорих (= Дитрих Бернский) выступает в роли драконоубийцы [19], что без учета фольклорной функции великомученика Феодора было бы вообще необъяснимо.

По-иному развивались события на славянской почве. Что уже в VI в. на территории будущей Болгарии имелся город Феодорополь [20, т. 1, 1979, с. 428—429, 452] можно объяснить византийской колонизационной политикой, ничего славянского в этом явлении нет. Северное Причерноморье соприкоснулось с феодоровским культом византийцев еще раньше. Уже Григорий Нисский в упоминавшемся выше «Слове» высказался о св. Феодоре как защитнике от скифов: Οὗτος γάρ, ὡς πιστεύομεν, καὶ τοῦ παρελθόντος ἐνιαυτοῦ τὴν βαρβαρικὴν ἄλλην ἐκοίμισε, καὶ τὸν φρικώδη τῶν ἀγρίων Σκυθῶν ἔστησε πόλεμον, 'ибо он, как веруем, и в прошлом году утишил бурю варварского нашествия и предотвратил ужасную войну с дикими скифами'. При этом речь шла о Феодоре как защитнике-воине: 'Υφορώμεθα θλίψεις, προζδοκῶμεν κινδύνους, οὐ μακρὰν οἱ ἀλιτήριοι Σκυθαὶ τὸν καθ' ἡμῶν ὀδίνοντες πόλεμον' ὡς στρατιώτης ὑπερμάχῃσον, 'предусматриваем скорби, ожидаем опасностей; недалеко ужасные скифы, замышляющие войну против нас; как воин борись за нас' [4, р. 737, 748]. Вполне определенная перспектива дальнейшего развития образа от новобранца до военачальника!

Летом 941 г. войско киевского князя Игоря, насчитывавшее несколько десятков тысяч человек, высадилось на черноморском побережье Малой Азии и двинулось к Константинополю. «Повесть временных лет» называет имена отражавших русское наступление, в их числе был *Федоръ стратилатъ*, который определен комментариями к памятнику как реальный «Феодор, византийский военачальник (стратилат)» [21, с. 507] — без учета исследования А. Грегуара, доказавшего, что речь идет о военачальнике символическом, о знамени византийской армии [22]. Решающее сражение состоялось на море 8 июня [23, с. 63], т. е. в день праздника Феодора Стратилата, или вскоре после этого [24]; здесь древнерусский флот впервые испытал на себе действие секретного оружия византийцев, греческого огня, и был разгромлен [25]. Лаврентьевская летопись дает живое, красочное — хотя, вероятно, несколько преувеличенное — описание паники на поджигаемых русских кораблях, когда при виде молний, летевших с греческой стороны, люди в ужасе бросались в воду. Византийцы, действуя в пределах имевшейся у них стратегической инициативы, были заинтересованы в том, чтобы приурочить победу как можно ближе к празднику Феодора Стратилата и объяснить ее заступничеством небесного патрона имперского воинства [26], это производило тем более сильное впечатление, что в русско-варяжском экспедиционном корпусе князя Игоря имелись люди, принявшие греческую веру; в Киеве особенной приверженностью к ней отличалась вдова Игоря княгиня Ольга (945—969), готовившая почву для христианизации государства, и сама крестившаяся в середине 50-х годов X в.

Весной 971 г. византийская армия сразилась со славянами на другом театре военных действий — на Балканах. Вначале она нанесла удар по болгарам, и трофейная корона болгарского царя Бориса II была ритуально брошена на главную площадь Константинополя, а затем по войску

киевского князя Святослава Игоревича, который из этого похода не вернулся [23, с. 70—73]. В ознаменование своей победы, одержанной, как это объяснялось, благодаря вмешательству Феодора Стратилата, император Иоанн Цимисхий переименовал в Феодорополь болгарский город Доростол [20, т. 2, 1981, с. 396], а также и Евхаиты, где на месте старой базилики был воздвигнут по этому случаю новый, более вместительный собор [27].

В 983 г. в Киеве по желанию будущего крестителя Руси князя Владимира Святославича было совершено принесение идолам человеческой жертвы в благодарность за победу над ятвягами. В жертву были принесены два христианина, отец с сыном. Сведения об их именах всплывают в исторических источниках после многовекового молчания, но церковный календарь все же включает их как «Феодора варяга и сына его Иоанна» на 12 июля — дату, вероятно, условную, потому что следующую непосредственно за поминованием княгини Ольги. Возможно, что условны и сами имена; во всяком случае, А. А. Шахматов не пытался к ним доверия [28], хотя и не ставил под сомнение сообщаемый «Повестью временных лет» факт жертвоприношения и его уместность в летописной статье 983 г. Если имя Феодора появилось в этом культурно-историческом контексте как результат художественного мышления ритуалистов, то сделанный ими выбор нельзя не признать знаменательным. Ведь, принимая в 988 г. крещение, Владимир Святославич ни себе, ни какому-либо из своих многочисленных сыновей не пожелал взять крестильное имя Феодора, хотя князья — люди прежде всего военные.

Крещеная Русь обязалась совершать церковные ритуалы в том виде, в каком это происходило в Византии, за их правильностью следили греческая церковная администрация (в том числе назначенный в 992 г. епископ Феодор Ростовский, поминование которого происходило в день Феодора Стратилата, 8 июня [29]) и греческие учителя. Церковные правила и обычаи Киевской Руси, в основном, соблюдались, поэтому вполне возможно, что Владимир Святославич построил Десятинную церковь как раз на могиле Феодора варяга и сына его Иоанна [30; 31]. Однако ученики сумели проявить неподатливость там, где их хотели бы поставить под воинское знамя вчерашнего противника.

Владимир Святославич отдал предпочтение Георгию Победоносцу — тоже воинскому святому византийцев², но с культом которого не была связана горечь военных поражений деда (941) и отца (974). Имя Георгия получил в крещении сын Владимира, будущий великий князь Ярослав Мудрый. Поставленная в 1030 г. на завоеванной прибалтийской земле русская крепость получила имя Георгия в его народной форме — Юрьев. «Другой Юрьев был поставлен Ярославом на реке Роси — притоке Днепра» [21, с. 372] (этот Юрьев, а не прибалтийский [23, с. 117, 467] был в конце XI в. захвачен половцами). В ознаменование победы над печенегами Ярослав основал в Киеве в 1037 г. Георгиевский монастырь. Нововведением Ярослава Мудрого считается осенний праздник — Юрьев день — 26 ноября. В. Н. Лазарев справедливо указал в этой связи на его отсутствие в календаре греческой церкви, но ошибся в предположении, что эта киевская инициатива 1051 г. не имела предшественников [2, с. 82]: уже в месяцеслове глаголического Ассеманиева Евангелия конца X — начала XI в. 26 ноября значится как день *с(вя)тѣя м(оу)ч(ени)ця Екатерины и св(я)ц(е)ние с(вя)таго ѿорѣна* [32, с. 256].

В отношении же феодоровских праздников первые киевские литургисты постуали осматрительно, еще как-то соглашаясь чествовать Феодора Тирона — он в Остромировом Евангелии 1056/57 г. обозначен на субботу первой недели поста и на 5 ноября — день освящения константинопольского Феодоровского храма середины V в., но преграждая путь в древнерусский календарь обоим праздникам Феодора Стратилата. Это вполне согласуется с тем, что известно об антивизантийской направле-

² Многие черты агиографического Георгия заимствованы из агиографии о великомученике Феодоре; В. Н. Лазарев назвал обоих святых двойниками [2, с. 78].

ности внешней политики Ярослава Мудрого, скончавшегося, как отметила «Повесть временных лет», в Феодоровскую субботу 1054 г.

В 1076 г. первый Рюрикович получил при крещении имя Феодора; это был родившийся в Смоленске сын Владимира Мономаха Мстислав — Гаральд, будущий великий князь, основатель Феодоровского Вотча монастыря в Киеве и заказчик Мстислава Евангелия для им же построенного новгородского собора Благовещения на Городище (1103) — литургического документа, в календаре которого впервые предусмотрены все феодоровские праздники [33]. Установлено, что крестильное имя Мстиславу было дано по Феодору Тирону [34]. Для матери Мстислава, английской принцессы Гиты Гаральдовны, оно, вероятно, ассоциировалось не столько с агиографическими подвигами Тирона, сколько с английским национальным святым, архиепископом Феодором Кентерберийским (ум. в 690 г.), греком, оставившим заметный след в английской истории. День его памяти имеется в Миссале Леофрика [35] — деятеля, оказавшего, по предположению М. П. Алексеева, влияние на духовный мир Гиты и ее семейного окружения [36].

Неизвестно кому — Тирону или Стратилату — была посвящена первая названная в летописании Феодоровская церковь Руси. Ритуал ее закладки был совершен в 1089 г. митрополитом скопцом Ефремом в Переяславле. Архитектонической идее этого сооружения присуща особенность: отсутствие *камня основания*, символизирующего незыблемость, вечность — на нем покоится алтарь каждого по всем правилам построенного христианского храма [37]. Тип храма, к которому принадлежал Феодоровский в Переяславле, является исключением; такой храм размещается над воротами в городской стене, как бы висит в воздухе. Зачем строились такие здания?

Городская стена — понятие сакральное для средневекового сознания. Известен архаический ритуал ее прочерчивания вокруг территории, отведенной под строительство: сам основатель города запрягал по правую сторону плуга быка, по левую сторону — корову и пропахивал борозду, двигаясь направо; поднимаемая плугом земля отваливалась на правый бок, при этом борозда обозначала место, где будет ров, а отваленный пласт — место будущей городской стены. Переступить его было нельзя, для переходов предназначалось место будущих городских ворот, здесь плуг вынимался из земли и переносился на руках [38]. Чтобы свети на нет разрыв сакральной непрерывности периметра стены, над аркой ворот ставился храм. Таким храмом была переяславская Феодоровская церковь. А священнодействие митрополита Ефрема, упомянутое Лаврентьевской летописью: *и градъ бе заложилъ камень отъ църкве святого мученика Феодора* [39], представляло собой ознаменование начала строительства стены вокруг переяславского детинца. Его местонахождение определилось археологическими раскопками 1950-х годов [40, 41], увенчавшимися обнаружением в 1960 г. на месте сырого земляного бастиона Петровского времени остатков строения, которое «оказалось воротами с двумя стенками по бокам проезда — четырехугольной в плане лестничной башни, откуда, как следует предполагать, был ход к надвратной церкви. Нет сомненья в том, что это Епископские ворота, над которыми стояла (по типу киевских Золотых ворот) церковь Феодора» [42].

В контексте нашего рассуждения приобретает новое значение одна из проблем киевского изобразительного искусства XI в. Его памятники столь же малочисленны, как и литургические; следовательно, интерпретации и датировки даются столь же трудно. Имеем в виду красношиферный рельеф, изображающий двух симметричных по отношению друг к другу всадников, каждый из которых поражает копьём змия (дракона). Последняя публикация этого рельефа осуществлена Г. Г. Мезенцевой; она сообщает, что рельеф происходит из собора Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве, относится ко второй половине XI в. и «правый всадник, как предполагают исследователи — св. Федор Стратилат» [43]. Ссылка дана только на мнение В. Н. Лазарева, высказанное в 1953 г. и содержащее еще бóльшую степень определенности — по мнению

ученого, перед нами киевская работа, выполненная около 1062 г., т. е. близко ко времени строительства монастыря [44]. Но в 1970 г. В. Н. Лазарев сформулировал свои догадки более осторожно: происхождение рельефа из Михайловского Златоверхого монастыря поставлено под вопрос, а дата дана в куда более широких пределах — XI в. [2, с. 83—84]. Добавим: действительно ли это Феодор Стратилат, если надписи на рельефе нет и не было, а святых змеборцев агиография знает десятки? Ведь самое меньшее из возможных отклонение действительного замысла художника от наших гипотез — это то, что изображен мог быть Феодор Тирон. Мотив змеборчества его образу тоже присущ, как можно видеть по тексту стихиры в постной Триоди XII в. (ГИМ, Син 319, л. 82), относящейся заведомо к Феодору Тирону: *...просветиль еси страстьми сивсячьскоую тварь и огня креплии яви ся пламень оугасиль еси и лоужавааго змия главою съкроушилъ еси* (καὶ τοῦ δολίου δράκοντος τὴν κάραυ συνέτριψας).

Надпись О АГІОС ФЕОДЪРЬ — без дальнейших уточнений — имела при одной из семи рядом расположенных фресок святых воинов на южной стене Спасо-Нередицкой церкви близ Новгорода, расписанной в 1199 г. (ср. [45]).

Впервые мы встречаем несомненного Феодора Стратилата — если говорить о древнерусских датированных памятниках — в календаре Архангельского Евангелия 1092 г. Но и здесь он назван иначе — Феодором Евхаитским, и только сама дата, 8 июня, дает право не сомневаться в отождествлении [46]. У византийцев называть Стратилата Феодором Евхаитским не было принято, известен только один случай, когда в греческом источнике значится Θεόδωρος Εὐχαΐτων, причем тоже на 8 июня [47]. По этому же типу построено древнегрузинское наименование Стратилата — Тевдоре Евхаители [48]. Возможно, такая формулировка казалась лучше для тех, кто желал избежать подчеркивания военного аспекта в культе Феодора Стратилата. Если так, то еще политичнее поступил болгарский редактор Ассеманиева Евангелия: здесь на 8 июня названы рядовые имена из христианского мартиролога — Никандр и Маркиан (их обычное место — 5 июня), и лишь в третью очередь — Феодор, лишенный не только звания Стратилата, но и локальной определенности: *с(вя)таго м(оу)ч(ени)ка Феодора воина на востоце* [32, р. 295]. В этом способе выражения старославянская традиция причудливо совпала с африканской; как раз копты называли Стратилата Theodoros Anatolius [49], от греч. Ἀνατολή ‘восток’, ‘Малая Азия’. Возможно, это наименование обусловлено влиянием риторики Григория Нисского: Πατρίς τοίνυν τῷ γενναίῳ, ἢ πρὸς ἥλιον ἀνίσχουσα χώρα· εὐγενής γάρ καὶ οὗτος κατὰ τὸν Ἰὼβ τῶν ἀπ’ ἡλίου ἀνατολῶν [4, р. 740]. ‘Итак, отечество сего доблестного — страна, лежащая на восток солнца, ибо, подобно Иову, был человек этот знаменитее всех сынов Востока’ (Иов I, 3)³.

Первым древнерусским документом, в котором Феодор Стратилат назван Феодором Стратилатом (а также по-славянски — воеводой), является кондакарь в Типографском Уставе библиотеки Третьяковской галереи (шифр К-5349) — рукописи, относящейся к концу XI — началу XII в. и созданной, вероятно, в новгородской земле, где как раз княжил в 1088—1117 гг. Мстислав-Гаральд-Феодор Владимирович. В этой рукописи есть оба праздника Феодора Стратилата, с одинаковым надписанием: *с(вя)т(а)го м(оу)ч(е)н(и)ка Феодора стратилата* (л. 56 — на 8 февраля, л. 68—68об — на 8 июня), за которым следуют кондак и икос, одинаковые на оба дня — те же, что и в Минее Дубровского (ГПБ, Ф.п. I.36); их греческий текст встречается как в службах Феодору Стратилату, так и в службах Феодору Тирону.

Хронологически за Типографским Уставом непосредственно следует неполный годовой комплект нотированных Миней XII в. Синодального собрания ГИМ, к нему принадлежит и цитирувавшаяся выше постная Триодь. По этим рукописям можно видеть, что представляли собой тексты

³ Новый перевод цитаты из Иова утратил точность древнего: *бе чл(о)в(е)къ тѣ добра рода отъ вѣстокъ сл(ѣ)н(ѣ)ч(ѣ)ныхъ* [50].

феодоровских служб. Февральская служба Феодору Стратилату поставлена не на восьмой день, как в последующую эпоху, а на седьмой (ГИМ Син 164, л. 47—52об). Что же касается ее текста, то составители Минеи совершили подмену понятий: все гимны они взяли из службы первой субботы поста в Триоди (ГИМ Син 319, л. 80об—94об), тексты эти на самом деле относятся к Феодору Тирону. Надписание февральской службы сформулировано неопределенно: *с(вя)т(а)го м(оу)ч(е)н(и)ка Феодора*. Июньская служба поставлена на восьмой день (ГИМ Син 167, л. 43—50об) и имеет надписание *с(вя)т(а)го Феодора стратилата*. То же самое — в другой июньской Минее XII в., Софийского собрания (ГПБ Соф 206, л. 23об—27), только имя здесь начинается фитой.

В домонгольском летописании единственным случаем, когда среди называемых по имени святого календарных дат речь идет несомненно о Феодоре Стратилате, является трагическое событие 1237 г.: согласно Лаврентьевской летописи, седьмого февраля, *на памят(ь) с(вя)таго м(оу)ч(ени)ка Феодора стратилата*, татары штурмом взяли Владимир.

Но и в Византии исходный очаг феодоровского культа был сметен сельджуками, уже к концу XI в. роль Евхаит в международных культурных связях средневековья исчерпалась. Еще в 1200 г. новгородский боярин Добрыня Ядрейкович застал мощи Тирона и Стратилата в Константинополе, в царских палатах и во Влахернском храме [1, с. 63, 75], но разграбление византийской столицы крестоносцами в 1204 г. привело к тому, что эти реликвии оказались в Италии.

Упадок Евхаит был столь основательным, что само отыскание города на карте стало в новое время проблемой. Высказывалось мнение, что Евхаиты — это нынешний город Чорум [51, р. 10], согласно другой точке зрения — город Мерзифон [52], что подтверждается палеославистикой: *Евъхаита*, -ъ п. pl. urbs in Hellesponto, nunc Marsivan [53]. Сейчас византийская церковная топография Геллеспонта известна по исчерпывающе полному своду, но ни Евхаиты, ни Марсиван (Мерзифон) здесь не числятся [54]. В 1910 г. А. Грегуар высказал топонимическую догадку о преемственности между греч. *Εὐχαΐτα* и турецким *Avkat* [7, р. 206] — названием села в центральной Анатолии, на пути из Амасии в Чорум, имеющего координаты 40°34' северной широты, 35° 17' восточной долготы [55]. Известно написание этого топонима в османскую эпоху *Aelkat* [56]. Это предположительное отождествление сейчас пользуется наибольшим признанием, для полной убедительности недостает археологического исследования, которое не ведется и не предвидится. Высказано также предположение, что местом основного евхаитского монастыря св. Феодора было находящееся в 6 км от Авката село Эльван Челеби, получившее свое название по имени сына турецкого поэта Ашик Паши (1272—1333) [57]. Территория входила в античную провинцию Понт⁴, византийцами перекроенную в Еленопонт — так она называется в опубликованной в 535 г. XXVIII Новелле Юстиниана. «Синайский патерик» упоминает исторический факт ссылки константинопольских патриархов Евфимия (496) и Македония (511) *въ Евхаиты къ Понътоу* [6, с. 85], *εις Εὐχαΐταν ἐπὶ Πόντον* [59]. Имя существительное в дательном падеже с предлогом *къ* «обозначает предмет, близ которого (а не в пределах которого) находится конечная точка движения» [60]. То же — в греческом языке в случае с предлогом *ἐπὶ*, когда он управляет винительным падежом. Действительно, Евхаиты находились в западной оконечности территории Понта, и нет основания придавать *Понътоу* «Синайского патерика» значение нарицательного существительного, синонима моря [61], хотя такое старославянское существительное имелось — в языке поэзии⁵.

⁴ Упоминается в Новом завете: Деян 2,9; I Пет I,1. Ср. [58].

⁵ Лексикография его не зарегистрировала. Но канон Пятидесятницы начинается ирмосом на тему перехода через Красное море:

*Въ понте покры
фараона съ оружьемъ
съкроушаяи брани
высокою мышцею Христость.*

*Πόντω ἐκάλυψε
Φαραὼ σὺν ἄρμασιν
ὁ συντριβὼν πολέμου
τῇ κραταῖᾳ δυνάμει Χρῖστος.*

Нельзя двигаться из Константинополя «в Евхаиты к морю», по той причине, что от Евхаит до морского берега — 130 км, а Константинополь сам стоит на берегу моря.

С вторжением татаро-монголов началась новая страница русской истории. Старые счеты с византийцами все больше теряли политическую актуальность, разница между Тираном и Стратилатом теперь мало кого интересовала в том аспекте, в каком это было важно для первых поколений Рюриковичей. На Руси стали появляться храмы Феодора Стратилата ⁶, царь Федор Иоаннович был именинником 8 июня ⁷. Однако позднейшая история этого вопроса выходит за пределы нашей задачи.

Выстраивая хронологический ряд славянских рукописей, содержащих июньскую службу Феодору Стратилату или хотя бы упоминание о ней, необходимо остановиться на одном документе, до этого в нашем разборе не встречавшемся, — на древнеболгарском Евангелии, известном под названием *Саввина книга* [65]. До недавнего времени все относили ее к XI в., сейчас появилась тенденция относить ее к X в., даже точнее: к началу X в. [66] — впрочем, без аргументации. Рукопись — неполная, из июньских сохранился единственный лист, о принадлежности которого к этому месяцу можно заключить по написанному суриком заголовку чтения на день апостолов Варфоломея и Варнавы. Этому надписанию предшествует не имеющий начала евангельский текст Лк 11, 2—13, относящийся к празднику, нас всего более интересующему: феодоровский он, как в Ассеманиевом Евангелии, или не феодоровский, как в Остромировом Евангелии, где 7—10 июня ничем не заняты? Текст Лк 11,1—13 в тех чтениях, которые предшествуют празднику Варфоломея и Варнавы, есть в Остромировом Евангелии и относится он к дню мученика Маркиана, 5 июня [67]. Однако в Ассеманиевом Евангелии этот святой поставлен на 8 июня, причем вместе с Феодором Стратилатом. Из-за этого разнобоя дат невозможен уверенный ответ, был ли Феодор Стратилат в календаре Саввиной книги. Дата праздника Варфоломея и Варнавы, 30-е число, читаемое издателем памятника «с некоторым трудом» и поэтому заключенное в скобки [65, с. 11], вызывает сомнение: ни в каком календаре 30-й день месяца не может предшествовать дню 13-у (на который назначена память пророку — очевидно, Елисею). Надо полагать число было не *л*, *ai*, но вторая буква осыпалась полностью, а первая лишь настолько, что стала неотличимой от *л*. Это — только предположение, ведь рукопись издана авторитетным палеографом, и его труд был еще раз сверен с рукописью Н. М. Каринским, замечаний по данному листу не имевшим [68]. Понадобилось увидеть рукопись — она

Это — из цветной Триоди XI/XII в. (ЦГАДА, ф. 381, № 138, л. 157), рукописи более древней, чем у Э. Кошмидера [62]. Данный ирмос представлен и в Октоихе, в крестовоскресном каноне VII гласа. Еще интереснее, вследствие соседства со своим синонимом, выглядит это слово в ирмосе III гласа [62, S. 150]:

*Поимъ господеву сътворшюуюму
двѣная чюдеса
въ Чръмнемъ мори
понтюмъ бо покрывъ
соупостатъныя.*

Ἄσμεν τῷ κυρίῳ τῷ ποιήσαντι
θαυμαστά τέρατα
ἐν Ἐρυθρῇ θαλάσῃ·
πόντῳ γὰρ ἐκάλυψε
τοὺς ὑπεναντίους.

Ирмос этот — в никольском каноне Октоиха, в каноне Критским мученикам (Минея XII в. ГИМ Син 162, л. 208), в трипеснице поведельника IV недели поста (Триодь ГИМ Син 319, л. 170об). Писцы Минеи 1097 г. [10, с. 296] и Путятиной Минеи XI в. (ГПБ Соф 202, л. 21об) знали наизусть ирмос IV гласа, полный текст которого — в Ирмологии XII в. (ГИМ Воскр. 28, л. 89):

*Лици израильстии
невлаженами стопами
понта Чръмна
и морскую глубину прогнавъше..*

Χοροὶ Ἰσραὴλ
ἀνιχμοῖς ποσὶ
πόντον Ἐρυθρόν
καὶ ὑγρὸν βυθὸν διελάσαντες...

⁶ В Новгороде — церковь Феодора Стратилата на Щиркове улице, выстроенная в 1292—1294 гг. на месте разрушившейся более древней церкви того же имени, и вторая — «на Ручью, выстроенная в 1360—1361 гг.» [63].

⁷ Данные сводного Устава начала XVII в. [64].

хранится в ЦГАДА (фонд 381, № 14). Результат осмотра был удручающим: при «реставрации», выполненной в 1950-е годы без оформления протоколом, с отмывкой листов от загрязнения исчезло все написанное сурриком. Рукопись оделась в переплет; июньский лист, к которому в издании имеется примечание: «лист этот, обожженный и порванный с краю, непришит к рукописи» [65, с. 150], теперь вшит намертво, но не на своем месте, а внутри сентября.

Итак, в древнерусской литургической практике июньский праздник Феодора Стратилата отсутствует до 1057 г. — времени окончания Остромирова Евангелия. Далее следует период неопределенности, обусловленный отсутствием документов, и продолжающийся до 1092 г. С этого момента, т. е. со времени возникновения Архангельского Евангелия, 8 июня уже отведено Феодору, который может именоваться либо Евхаитским, как в Архангельском Евангелии, либо Стратилатом, как в кондаках Тирографского Устава конца XI — начала XII в. В Студийском Уставе, дошедшем до нас в рукописи семидесятых годов XII в., 8 июня — память Феодора Стратилата, отмечаемая чтением на самом богослужении его «Мученичества», *иже феураря месяця его же въ перетворении написаное* (ГИМ, Син 330, л. 169). Следовательно, древнерусская литература XII в. располагала произведением, о котором русисты доньше не говорили — «Мученичеством Феодора Стратилата», переводным текстом. Автор греческого оригинала — Симеон Метафраст (ум. ок. 1000 г.), что ясно из того, что текст предписан Уставом *въ перетворении* — это от δ *Μεταφραστής* или η *μετάφρασις*. Симеон подвергал стилистической и композиционной переработке старые агиографические произведения, которые по форме и содержанию не соответствовали литературным вкусам его эпохи [69]. Подробно говорит о характере работы Симеона грузинский писатель второй половины XII в., Ефрем Мцире: «Сей премудрый, уважив просьбу побуждавших его, ревностно взялся за дело, положил пред собою древние акты мучеников, называемые „Кимен“, что значит „лежащий“, и переделал их в метафразы. Он прежде всего украсил слог, притом так, что, удерживая смысл раньше написанного и не изменяя его, представил его яснее; вместе с этим он потрудился совершенно устранить слова сомнительные и еретиками привнесенные. Таким образом в Мучениях святых он сделал два улучшения: очистил пшеницу от плевел и некрасивое сделал красивым» [70]. Греческий текст метафразы «Мученичество Феодора Стратилата» известен [51, р. 168—182]. Ни с одним из славянских текстов на эту тему, дошедших до нас [71], он не совпадает.

Имея в качестве хронологического фона перечисленные выше документы и исторические факты, можно высказать соображения о вероятном времени возникновения Минеи Дубровского — недатированного памятника XI в., содержащего службу на июньский праздник Феодора Стратилата. Доньше имелся только один опыт аргументированного уточнения возраста этой рукописи, принадлежащий В. М. Маркову. По его мнению, «значительное количество примеров употребления сочетания -жд- приближает исследованный памятник к таким древнейшим документам, как Остромирово Евангелие и Путятиня Минея» [72, с. 443], которая, в свою очередь, «является древнейшей из известных нам книг» [72, с. 439] — т. е. древнее первой датированной рукописи, Остромирова Евангелия. Попутно отметим, что это мнение о приоритете Путятинной Минеи, ее принадлежности к первой половине XI в., разделяет В. В. Колесов [73]. Но где та мера времени, которой надлежит измерить, насколько и с какой стороны найденное В. М. Марковым «приближает исследованный памятник к таким древнейшим документам, как Остромирово Евангелие и Путятиня Минея»? Наиболее вероятное время Минеи Дубровского — время после Остромирова Евангелия 1056/57 г., ближе к Архангельскому Евангелию 1092 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Архиепископ Сергей*. Полный месяцеслов Востока. Т. 2. Владимир, 1901.
2. *Лазарев В. Н.* Русская средневековая живопись. М., 1970.
3. *Halkin F.* L'éloge de St. Théodore le Stratélate par Euthyme Protosecretis. — *Analecta Bollandiana*, t. 99. Bruxelles, 1981.

4. *Patrologia Graeca*, t. 46, Paris, 1858.
5. *Bibliotheca Sanctorum*, t. XII. Roma, 1969.
6. Синайский патерик./Под ред. С. И. Коткова. М., 1967, с. 287.
7. *Studia Pontica*, III. Bruxelles, 1910.
8. *Janin R.* La géographie ecclésiastique de l'Empire byzantin, I. Le siège de Constantinople et le patriarcat oecuménique, t. III. Les églises et les monastères. Paris, 1953.
9. *Soteriou G. A., Soteriou M. G.* 'Η βασιλική τοῦ ἁγίου Δημητρίου Θεσσαλονικῆς. 'Εν Ἀθήναις, 1952. σ. 66.
10. *Ягич И. В.* Службные Минеи. СПб., 1886.
11. Известия Русского археологического института в Константинополе. Т. XIV. София, 1909, с. 1—67.
12. *Beck H.-G.* Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich. München, 1959.
13. *Acta Sanctorum*. Novembris t. IV. Bruxelles, 1925, p. 83—89.
14. *Analecta Hymnica Graeca*, VI. *Canones februarii*. E. Tomadakis collegit et instruxit. Roma, 1974, p. 442—447, 455—459.
15. *Operman M.* Zum Kult des thrakischen Reiters in Bulgarien. — *Thracia*, t. 3. София, 1974, S. 353—362.
16. *Wolfram H.* Geschichte der Goten. München, 1979.
17. *Schönfeld M.* Wörterbuch der germanischen Personen- und Völkernamen. Heidelberg, 1911, S. 232—234.
18. *Gillespie G. T.* A Catalogue of Persons named in German heroic literature (700—1600). Oxford, 1973, p. 26—31.
19. *Heinzle J.* Dietrich von Bern.— In: *Enzyklopädie des Märchens*. Bd. 3. Lfg. 2/3. Berlin — New York, 1980, Sp. 666.
20. История на България. София.
21. Повесть временных лет. Ч. 2. Приложения. Статьи и комментарии Д. С. Лихачева./Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950.
22. *Grégoire H.* Saint Théodore Stratélate et les Russes d'Igor.— *Byzantion*, t. 13. Bruxelles, 1938, p. 291—300.
23. *Пашуто В. Т.* Внешняя политика древней Руси. М., 1968.
24. *Щапов Я. Н.* Русская летопись о политических взаимоотношениях древней Руси и Византии.— В сб.: *Феодалная Россия во всемирно-историческом процессе*. М., 1972, с. 201—204.
25. *Левченко М. В.* Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, с. 133, 138—149.
26. *Grégoire H., Orgels P.* La guerre russo-byzantine de 941.— *Byzantion*, t. 24. Bruxelles, 1955, p. 155—156.
27. *Lexikon der christlichen Ikonographie*, 8. Bd. Freiburg im Breisgau, 1976, Sp. 447.
28. *Шахматов А. А.* Как назывался первый русский христианский мученик? — *Известия Имп. АН*, 6-я серия, № 9. СПб., 1907, с. 261—264.
29. *Русский биографический словарь*. Т. 25. СПб., 1913, с. 316—317.
30. *Stasiewski B.* Theodor und Johannes.— In: *Lexikon für Theologie und Kirche*, 10. Bd. Freiburg im Breisgau, 1965, Sp. 47.
31. *Мурынов М. Ф.* О Десятиной церкви князя Владимира.— В сб.: *Восточная Европа в древности и средневековье*. М., 1978, с. 171—175.
32. *Kurz J.* *Evangeliiā Assemaniv.* Praha, 1955.
33. *Биларский П. С.* Состав и месяцеслов Мстиславова списка Евангелия.— *Известия II Отделения Имп. АН по ОРЯС*, т. X, вып. II. СПб., 1861, с. 111—135.
34. *Гордиенко Э. А.* Новгородское «Благовещение» с Феодором Тироном.— В сб.: *Древнерусское искусство. Зарубежные связи*. М., 1975, с. 221.
35. *Farmer D. H.* *The Oxford Dictionary of Saints*. Oxford, 1979, p. 370—371.
36. *Мурынов М. Ф.* Русско-византийские церковные противоречия в конце XI в.— В сб.: *Феодалная Россия во всемирно-историческом процессе*. М., 1972, с. 222—224.
37. *Мурынов М. Ф.* Заметки к Киево-Печерскому патерику.— *Byzantinoslavica*, t. XXXI/1. Praha, 1970, с. 42—44.
38. *Voelkl L.* Die Kirchenstiftungen des Kaisers Konstantin im Lichte des römischen Sakralrechts. Köln-Opladen, 1964, S. 18.
39. Полное собрание русских летописей. Т. I. Л., 1926, с. 209.
40. *Каргер М. К.* Памятники переславского зодчества XI—XII вв. в свете археологических исследований.— *Советская археология*, т. XV, М., 1951, с. 48—49.
41. *Каргер М. К.* Раскопки в Переяславе-Хмельницком в 1952—1953 г.— *Советская археология*, т. XX. М., 1954, с. 11.
42. *Асеев Ю. С., Сикорский М. И., Юра Р. А.* Памятник гражданского зодчества XI в. в Переяславе-Хмельницком.— *Советская археология*, 1967, № 1, с. 201.
43. *История украинского мистецтва*. Т. I. Київ, 1966, с. 233—234.
44. *История русского искусства*. Т. I. М., 1953, с. 192.
45. *Известия на Института за изкуствовознание*, т. XIII, София, 1969, с. 33—52.
46. *Архангельское Евангелие 1092 года*. Издание Румянцевского музея. М., 1912, л. 164об.
47. *Follieri H.* *Initia hymnorum Ecclesiae Graecae*, vol. V, 2. *Index hagiographico-liturgicus*. Città del Vaticano, 1966, p. 127.
48. *Tachnitsvili M.* *Geschichte der kirchlichen georgischen Literatur*. Città del Vaticano, 1955, S. 495.

49. Byzantinische Zeitschrift, 22. Bd. Leipzig, 1913, S. 179.
50. *Афанасьева Е. В., Шварц Е. М.* Древнейший славянский перевод книги Иова.— В сб.: Источниковедение литературы древней Руси. Л., 1980, с. 21.
51. *Delehaye H.* Les légendes grecques des saints militaires. Paris, 1909.
52. *Булгаков С. В.* Настольная книга для священноцерковнослужителей. Киев, 1913, с. 93.
53. *Slovník jazyka staroslověnského*, 10. Praha, 1965, p. 562.
54. *Janin R.* Les églises et les monastères des grands centres byzantins. Paris, 1975.
55. *Gazetteer*, № 46. Turkey. Official Standard Names approved by the U. S. Board on Geographic Names. Washington, 1960, p. 58.
56. *Taeschner F.* Das anatolische Wegenetz nach osmanischen Quellen. 1. Bd. Leipzig, 1924, Taf. 34.
57. *Eyice S.* Monuments byzantins anatoliens inédits ou peu connus.— XVIII Corsi di Cultura sull'arte ravennate e bizantina. Ravenna, 1971, p. 322.
58. *Güting E.* Der geographische Horizont der sogenannten Völkerliste des Lukas (Acta 2,9—14).— Zeitschrift für neutestamentliche Wissenschaft, 66. Bd. Berlin, 1975, S. 149—169.
59. *Patrologia Graeca*, t. 87, pars 3. Paris, 1860, col. 2889.
60. *Ходова К. И.* Падежи с предложениями в старославянском языке. М., 1974, с. 87.
61. *Думитреску М.* Синайский патерик. Указатель слов и форм. Т. 2. Бухарест, 1976, с. 59.
62. *Koschmieder E.* Die ältesten Novgoroder Hirmologien-Fragmente, 1. München, 1952, S. 248.
63. *Каргер М. К.* Новгород Великий. Л.— М., 1966, с. 162 и 209—210.
64. *Горский А. В., Невоструев К. И.* Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. Отдел 3. Книги богослужебные. Ч. I. М., 1869, с. 381.
65. *Щепкин В. Н.* Саввина книга. СПб., 1903.
66. *Жуковская Л. П.* Текстология и язык древнейших славянских памятников. М., 1976, с. 254—257, 272.
67. *Востоков А. X.* Остромирово Евангелие. СПб., 1843, л. 274об—276.
68. *Каринский Н. М.* Перечень важнейших неточностей последнего издания Саввиной книги.— Известия ОРЯС Имп. АН, т. XIX, кн. 3. Пг., 1914, с. 206—216.
69. *Zülliakus H.* Zur stilistischen Umarbeitungstechnik des Symeon Metaphrastes.— Byzantinische Zeitschrift, 38. Bd. Leipzig, 1938, S. 333—350.
70. *Латышев В. В.* Византийская «царская» Минея. Пг., 1915, с. 81.
71. Подробное оглавление Великих Четвех-Миней. М., 1892.
72. *Марков В. М.* Язык Миней из собрания Дубровского.— Вопросы теории и методики изучения русского языка. 2. Чебоксары, 1962.
73. *Колесов В. В.* Фонологические изменения согласных в эпоху распада ссиллабем.— В сб.: Восточнославянское и общее языкознание. М., 1978, с. 23.

■ ГАВРЮШИНА Л. К.

РУССКАЯ РУКОПИСНАЯ ТРАДИЦИЯ ЖИТИЯ САВВЫ СЕРБСКОГО

Савва Сербский (около 1175—1235) — одна из крупнейших фигур славянского средневековья. Его церковная и политическая деятельность, протекавшая в период становления раннефеодального государства в Сербии, была высоко оценена современниками. Спустя два года после провозглашения Сербии королевством, Савва становится первым сербским архиепископом (1219). Завоевание церковной независимости, ставшее возможным благодаря его усилиям, сыграло важнейшую роль в исторической судьбе страны. Имя архиепископа Саввы стоит у истоков средневековой сербской культуры. Своей просветительской деятельностью, литературными трудами он заложил основы духовной жизни сербского народа, сохранявшие свое значение на протяжении столетий. Личность «первоучителя сербского» получила свое художественное воплощение в устном народном творчестве. В первой половине XIII в. Савва был канонизирован сербской церковью; его образ занял большое место в древнесербском изобразительном искусстве и литературе.

Одно из первых агиографических произведений, посвященных архиепископу Савве, — пространное житие его, составленное иеромонахом монастыря Хиландара Доментианом около 1253 г. [1]. Создание второго в сербской литературе жития Саввы относится к концу XIII или к первой половине XIV в. В науке этот памятник известен также под названием феодосиевской редакции Жития Саввы, по имени автора, хиландарского монаха Феодосия. Однако по сути дела это самостоятельное произведение: стилистические принципы двух агиографов, с точки зрения средневековой поэтики, весьма несходны. В доментиановской биографии ход повествования определяется прежде всего сменой монументальных символических картин, в которых запечатляется высший, духовный смысл совершаемого Саввой. Феодосию несвойствен панегирический стиль его предшественника. В написанном им житии события, раскрывающие духовное становление изображаемого лица, показываются, как правило, в их непосредственном отношении к здешней жизни, в их восприятии «мирскими» людьми. Агиограф достигает известной занимательности повествования, в целом не характерной для произведений житийного жанра средневековой литературы. Возможно, это обстоятельство отчасти и обусловило большее распространение феодосиевского Жития Саввы в древней книжности. Последнее постепенно вытеснило биографию, составленную Доментианом, которая дошла до наших дней лишь в нескольких списках.

Древнейший известный науке сербский список феодосиевского Жития — так называемый список Феодула, датируемый 1336 г. Рукопись хранилась в Хиландарском монастыре до 1896 г.; судьба ее в последующие годы неизвестна [2, с. 128, № 297]. В настоящее время наука располагает более чем двадцатью сербскими списками памятника. Они перечислены в работах Св. Вуловича [3, с. 130—133], П. Поповича [4, с. 230],

Дж. Сп. Радойичича [5, с. 38—39], Дм. Богдановича [2, с. 120, 177, 191, 192, 228, 266]. Один из сербских списков Жития хранится в СССР, в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ГПБ), в собрании Гильфердинга, № 55, 1526 г.

Текст памятника, по ошибке приписываемого Доментиану, был издан Дж. Даничицем в 1860 г. на основе одного списка XVI в. [6]. Дж. Трифунович осуществил фототипическое воспроизведение этого издания [7]. Сделан был также и неоднократно переиздавался перевод Жития на современный сербохорватский язык [8].

Перед современными исследователями стоит задача научного издания памятника с учетом всех дошедших до нас списков. О необходимости такой работы в отношении всех древнесербских биографий писал еще в 1925 г. П. Попович [4, с. 233], однако до настоящего времени не появились специальных исследований, посвященных изучению Жития в сербской рукописной традиции.

Изучение рукописного наследия, связанного с Житием Саввы Сербского — настоятельная задача не только для историков древнесербской литературы. Этот памятник — один из тех, что вошли в общую сокровищницу культуры православных славян. Особенно интересна его судьба в русской книжности. По нашим предварительным подсчетам, в отечественных книгохранилищах (имеются в виду только собрания Москвы, Ленинграда, Вильнюса и Одессы) хранится более 80 рукописей, в основном XVI и XVII вв., со списками Жития Саввы, что свидетельствует о значительном интересе к южнославянскому памятнику древнерусского читателя. Как отмечает Дм. Богданович, внимательное отношение русских книжников к переписыванию Жития — «знак особого почитания св. Саввы в России, которое установилось в первые десятилетия XVI в., в период правления Василия III Ивановича (1505—1533) и его сына Ивана IV Васильевича Грозного (1533—1584)» [9, с. 255].

Одно из первых упоминаний о русском списке Жития встречаем в предисловии П. Шафарика к изданию Жития Стефана Лазаревича [10]. Здесь идет речь о рукописи, принадлежавшей Одесскому университету (собрание В. И. Григоровича, № 34). Ныне она хранится в Государственной научной библиотеке им. А. М. Горького в Одессе, № 20, по каталогу ОГНБ¹. Этот сборник житий южнославянских святых содержит в своем составе Житие Саввы Сербского в краткой редакции. Характеризуя особенности содержания этой редакции памятника, П. Шафарик справедливо отмечает, что ее составитель, сократив основной текст примерно на $\frac{2}{3}$, не внес в него каких-либо существенных изменений [10, с. 363].

Перечень разночтений между текстом одесской рукописи и текстом биографии, содержащимся в издании Даничича 1860 г., был приведен в статье Ст. Новаковича [11]. Краткая редакция Жития Саввы получила здесь наименование третьей, или русской, его редакции. Около двух десятилетий после опубликования статьи в науке господствовало убеждение, что пространная редакция памятника вообще не бытовала в России. Л. Стоянович впервые обратил внимание исследователей на ряд русских рукописей, в которых содержится полный текст труда Феодосия [12, с. 79]. Более полное представление о степени распространенности Жития Саввы Сербского в России дает нам библиографический труд С. Н. Смирнова [13]. Здесь приводится перечень известных по печатным описям русских рукописей, в которых упоминаются сербские святые, в том числе и содержащих феодосиевское Житие.

Текстологическое изучение русских списков Жития Саввы Сербского начато сравнительно недавно. Инициатива в этом направлении была проявлена сербским исследователем Дм. Богдановичем. В 1975 г., работая в архивах Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (ГБЛ) и Государственного исторического музея (ГИМ), ученый выявил 31 список памятника. Почти все обнаруженные им списки принадлежат

¹ Вопрос о происхождении рукописи получил в литературе противоречивое истолкование (см. археограф. обзор, № 79).

к пространной редакции Феодосия. Это заставило ученого предположить, что вариант сокращенного текста, представленного в одесской рукописи, является своего рода исключением [9, с. 249]. В таком случае говорить о распространении в России особой краткой редакции Жития не представлялось бы возможным. Наши разыскания в отечественных архивах позволяют убедиться в преждевременности такого заключения. Текстологический анализ ряда рукописей с Житием Саввы показал, что семь из них принадлежат к краткой редакции памятника, содержащейся в одесском списке (см. археографический обзор списков Жития, № 79—86). Тексты этих списков имеют ряд разночтений как по отношению друг к другу, так и по отношению к пространной редакции. Вопросы, связанные с краткой редакцией Жития, мы подробно рассмотрим в отдельной работе.

В статье, посвященной древнесербским биографиям, Св. Вулович отмечает, что заглавия части сербских списков феодосиевского Жития Саввы в качестве автора указывают Доментиана, в других же приводятся имена обоих агиографов [3, с. 112]. Очевидно, сознавая литературную преемственность по отношению к труду Доментиана, Феодосий в написанном им житии сохранил имя своего предшественника. Однако, по мнению Св. Вуловича, упоминание в рукописях имени Доментиана могло принадлежать не самому Феодосию, а переписчикам его труда [3, с. 112].

В русской рукописной традиции Житие приписывается Доментиану; Феодосий в заглавиях почти не упоминается. Единственным исключением из числа известных нам списков памятника является список Центральной библиотеки Литовской Академии Наук, № F—19—104 (археограф. обзор, № 76), относящийся к первой половине XVI в., в котором отмечено, что Житие «сказано» Доментианом, в «списано» Феодосием. Аналогичное указание в заглавии биографии Саввы, по свидетельству Вуловича, имеется и в ряде сербских списков [3, с. 112].

Большой интерес представляет вопрос о времени проникновения Жития Саввы Сербского в русскую рукописную традицию. Некоторые списки памятника, как пространной, так и краткой редакции, содержат записи о принесении его на Русь в 1517 г.; нередко такие заметки следуют непосредственно за заглавием Жития, например, в списке Архангельского собрания К № 31 Библиотеки Академии наук СССР в Ленинграде) (БАН) — археограф. обзор, № 80. Особенно важные сведения содержатся в Кирилло-Белозерской рукописи № 30/1269 из собрания ГПБ (археограф. обзор, № 11). Н. А. Казакова отметила, что, судя по записи писца Михаила Медоварцева, данный список представляет собой копию текста памятника из святогорской рукописи, привезенной в Московское государство в 1517 г. [14, с. 181]. Рукопись содержит пространное Житие Саввы и Похвалу Симеону и Савве Сербским, составленные Феодосием Хиландарцем. Таким образом, в указанном году в России появился список, содержащий полный текст феодосиевского Жития. Однако этот факт, как замечает О. В. Творогов, не решает проблемы времени проникновения в русскую рукописную традицию южнославянского памятника [15, с. 185—186]. Последний мог появиться в русской книжности и ранее 1517 г.

Как известно, Житие Саввы вошло в состав Русского Хронографа. Наиболее же ранняя из дошедших до нас редакций Хронографа, разделенного на главы, относится к 1512 г. В. Ягич предполагал, что русская (т. е. краткая) редакция Жития возникла в XV в. на Афоне и что именно она вошла в состав Русского Хронографа [16, с. 37]. Однако даже беглое сравнение текстов пространной редакции Феодосия, краткой редакции и соответствующих статей Русского Хронографа 1512 г. не оставляет сомнений в том, что составитель последнего использовал именно пространную редакцию Жития. Следовательно, предположение о сокращении текста Жития Саввы с целью включения его в Хронограф было бы несостоятельным.

Вопрос о происхождении краткой редакции труда Феодосия теперь, спустя более чем столетие после выхода в свет статьи Ст. Новаковича, остается открытым.

Остановимся теперь вкратце на проблемах, связанных с изучением пространной редакции Жития Саввы. Особый интерес представляют в этой связи выводы Дм. Богдановича. «Вообще говоря, — замечает он, — текст русской редакции совершенно единообразен и стоит ближе к лучшей традиции марковой рукописи (М) ², чем к испорченному и более позднему варианту основного текста издания Даничича» [9, с. 250]. Текстом рукописи монаха Марко мы не располагаем, однако наблюдения над русскими списками Жития показывают, что выводы сербского исследователя нуждаются в уточнении. Как выяснилось, русские списки пространной редакции памятника по их лексико-грамматическим особенностям можно разделить на две группы (см. археограф. обзор). В качестве примера приведем ряд сопоставлений из двух рукописей ГИМ:

I вариант текста

- Епархиальное собр., № 396
(археограф. обзор, № 7)
- л. 2 об. иже с ним спостникъ, и старчѣства сплутникъ
- л. 5 об. устрѣбну же отрочати
- л. 5 об. но и паты, и стратилати, и вси велможа их с ними глаголаху
- л. 6 об. деснаго пути емлюще
- л. 8 како в монастырехъ общино пребывая
- л. 15 об. и обретше и в монастыри ходяща
- л. 19 об. и въсходит на великии иже въ монастыри стльгъ
- л. 20 растько имя савою изменивъ
- л. 21 призываетъ в нощи къ нимъ
- л. 21 об. въ странахъ тужднихъ вкая премудростеуеши
- л. 24 что сековаа сътвори намъ
- л. 25 ныне же что сътворигомъ
- л. 26 и о семъ молить всехъ молити

II вариант текста

- Собр. Барсова, № 716
(археограф. обзор, № 26)
- л. 2 об. иже с ним спостникъ и странничѣства сплутникъ
- л. 5 устрѣбшу же отрочати
- л. 5 но и велможа ихъ с ними глаголаху
- л. 6 деснаго пути емлется
- л. 7 об. како в монастырихъ общино пребывание
- л. 14 и видеша и в монастыри ходяща
- л. 17 об. и въсходит на великии иже в монастыри пиргъ
- л. 18 растько имя савомъ изменивъ
- л. 19 призываетъ в нощи ихъ к себѣ
- л. 20 въ странахъ тужднихъ високая мудрѣстеуеши
- л. 21 об. что сицеваа сътвори намъ
- л. 23 ныне же что сътворимъ
- л. 24 и онихъ молить всехъ молити

Эти и подобные им отличия двух вариантов текста прослеживаются в подавляющем большинстве списков. Лишь в некоторых из них, датированных в основном XVII в., деление на группы бывает иногда затруднено ввиду языковых изменений, обусловленных временем. Можно полагать, что Житие Саввы Сербского в пространном варианте русской редакции имело по крайней мере два протографа. Интересно, что некоторые рукописи, отражающие особенности одного из двух вариантов текста, как это видно из приписок на полях, подвергались сверке с рукописями, представляющими другой вариант, и при этом в текст вносились соответствующие исправления (например, список ГИБ; собр. Титова, № 3705 — археограф. обзор, № 29). Следует отметить также, что число списков Жития с первым вариантом текста составляет примерно шестую часть от общего числа рукописей, содержащих пространную редакцию памятника.

По нашим наблюдениям, первый вариант текста присутствует во всех списках миней-четьих XVI в. (археограф. обзор, № 1—3), включающих в себя пространную редакцию Жития. Вторым вариантом текста находим лишь в некоторых более поздних минеях (миней-четья на январь Иоанна Милютина, — ГИМ, Синодальное собр., № 801, середины XVII в., и январская миней-четья из собрания ГБЛ, фонд Овчинникова, № 265, старообрядческая рукопись XVIII в., очевидно, список с рукописи первой половины XVII в. — археограф. обзор, № 39 и 40). Эти рукописи

² Рукопись монаха Марко хранится в Народной библиотеке Сербии, шифр Рс 17, датируется 1360/70 г. [2, с. 128, № 298].

характеризуются также тем, что в отличие от «старших» миней-четьих не содержат в своем составе Похвалу Симеону и Савве Сербским Феодосия Хиландарца.

По-видимому, справедливо предположить, что Житие Саввы Сербского впервые проникло в русскую письменность в составе миней-четьи, в первом из выделенных нами вариантов. Житие в этой минее сопровождалось, очевидно, феодосиевской Похвалой. Отметим здесь, что по мнению Дм. Богдановича, наличие последней является отличительным признаком старшей группы рукописей, имеющих в своем составе Житие, написанное Феодосием [9, с. 255].

Что же касается рукописей XVII и XVIII вв., упоминавшихся нами, то, по всей вероятности, текст биографии Саввы в этих минеях-четьях имеет своим источником более позднюю по времени появления в русской книжности группу списков. Важно отметить, что рукопись Кирилло-Белозерского монастыря № 30/1269 из собрания ГПБ отражает особенности второго из известных нам вариантов текста памятника. Именно она, как мы указывали, явилась копией книги с Житием Саввы Сербского, привезенной в 1517 г. на Русь. По-видимому, она и положила начало более широкому распространению южнославянского памятника в России. Это выразилось, в частности, в преобладании числа списков, отражающих особенности текста 2-го протографа Жития, по сравнению со списками первой группы.

Как известно, первое упоминание о Савве Сербском в русских рукописях относится к 1438 г. [13, с. 211]. В тверском церковном Уставе, датируемом этим годом (ГИМ, Синодальное собр., № 387), под 14 января (л. 146—147) помещены уставные указания для службы св. Савве, тропарь и кондак святителю. С середины XV в. его имя все чаще упоминается нашими книжниками. В русской письменности появляется проложное Житие Саввы (например, ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 720, Пролог с ноября по декабрь, 1469 г., л. 229 об., начало: «Сего убо блаженнаго и святителямъ съпрестольнаго...»). Такое житие содержится и в двух списках четых-миней с феодосиевской биографией Саввы (археограф. обзор, № 1, 2). По-видимому, в XV в. в России переписывались также рукописи со Службой Савве и Похвалой Симеону и Савве Сербским, составленными Феодосием Хиландарцем. В сербских рукописях, как было отмечено Св. Вуловичем [3, с. 108], эти произведения Феодосия в ряде случаев сопровождали написанное им Житие архиепископа Саввы. В русской письменности Службу св. Савве вместе с Житием находим лишь в сравнительно поздних списках, относящихся к XVII в. (археограф. обзор, № 29 и 67), причем в рукописи из собрания Титова № 3705 (ГПБ) Служба и Похвала, очевидно, были присоединены к Житию, представлявшему первоначально отдельную книгу. Похвалу же Симеону и Савве Сербским находим почти в половине обследованных нами рукописей с Житием. Похвала, как было установлено С. П. Розановым [17, с. 158], была распространена в России в двух вариантах — полном и кратком. Во всех изученных нами рукописях представлен полный вариант ее, изданный Розановым [17, с. 185—209] по списку ГИМ, Синодальное собр., № 635 (археограф. обзор, № 16). Краткий вариант Похвалы встретился нам лишь в рукописях, не содержащих Житие (например, четый-минейный сборник XVII в. собрания БАН, 21.3.4, л. 505). Очевидно, эта редакция Похвалы проникла в Россию независимо от Жития Саввы.

Как видим, исследование рукописной традиции Жития тесно связано с вопросами истории бытования на русской почве ряда других произведений древнесербской литературы, посвященных архиепископу Савве, а также с историей его культа у южных славян и в России. Решению вопроса о времени проникновения Жития в русскую книжность могло бы также способствовать, с нашей точки зрения, изучение состава четый-минейных сборников второй половины XV в.

В статье, посвященной русским спискам Жития Саввы, Дм. Богданович затрагивает вопрос о происхождении их протографа. Поскольку

текст русской редакции, по его мнению, близок к тексту хиландарской рукописи монаха Марко, ученый делает предположение, что протограф русских списков Жития имеет хиландарские корни [9, с. 250]. Однако, если учесть, что тексты памятника в русских рукописях восходят к различным протографам, ответ на поставленный вопрос вряд ли останется однозначным.

Дм. Богданович обращает внимание на то, что хотя все русские списки с записями о принесении Жития называют Святую Гору в качестве источника появившейся в 1517 г. в России сербской рукописи, часть из них говорит о хиландарском, а часть — о ватопедском происхождении ее [9, с. 250]. В первом случае в записях упоминается старец Ибана (например, ГИМ, Синодальное собр., № 639, — археограф. обзор, № 82), а во втором — старец Исаяя (например, ГБЛ, собр. Рогожского кладб., ф. 247, № 665, — археограф. обзор № 34). В некоторых списках (например, ГИМ, собр. Уварова, археограф. обзор, № 38) не уточняется, из какого именно монастыря Афона попала к нам рукопись. Но наиболее важными для нас вновь оказываются сведения, приводимые Михаилом Медоварцевым в рукописи Кирилло-Белозерского монастыря № 30/1269 из собрания ГПБ, — в данном случае, его сообщение о ватопедском происхождении сербского оригинала Жития. Поскольку Кирилло-Белозерская рукопись, как мы отмечали, является копией со святогорской, привезенной на Русь в 1517 г., указание писца на Ватопед, скорее всего, соответствует истине. В таком случае мы могли бы говорить об этом монастыре как об источнике протографа тех русских списков Жития Саввы, в которых представлен 2-й вариант текста. Что же касается рукописей с особенностями первого варианта, вопрос о происхождении их протографа еще более сложен. Отметим лишь, что в них, как и в списках краткой редакции памятника, монастырь Ватопед не упоминается. Более определенные выводы об источниках русских списков Жития, вероятно, могут быть получены в результате тщательного сопоставления различных вариантов сербского и русского текстов. Такая работа потребует и для изучения других вопросов, связанных с русской редакцией Жития в ее полной и краткой разновидностях.

Перед учеными, исследующими древнесербский памятник, бытовавший в России в XVI, XVII, XVIII и XIX вв., стоят сложные и разнообразные задачи. Решение вопроса о начале его распространения у нас требует возможно более точной датировки ранних русских списков Жития и продолжения поиска связанных с ним рукописных материалов. Необходимо выявить основные места бытования памятника в России и степень его распространения в различные периоды развития древнерусской литературы. Интересен также вопрос о месте Жития в круге чтения древнерусского человека. Ответить на него поможет изучение состава сборников, в которых помещена феодосиевская биография Саввы. Большой интерес представляет изучение истории текста памятника в связи с общими направлениями в развитии древнерусской литературы. Внимательного исследования, в частности, заслуживают многочисленные списки Жития с делением на главы, датируемые большей частью XVII в. Освоение текста памятника русскими книгописцами осуществлялось различным образом. Начиная с XVI в. в нашей книжности бытуют отрывки из Жития. Для старообрядческих сборников XVIII в. особенно характерны выписки из него, имеющие церковно-догматическое значение. С конца XVII — начала XVIII в. появляются сочинения о Савве Сербском, написанные на основе феодосиевского Жития (археограф. обзор, № 87, 88). В одной из таких переработок (№ 88) при сокращенном изложении биографии Саввы сохраняются отдельные части текста оригинала. Дальнейшее изучение бытования в русской рукописной традиции древнесербского литературного памятника, несомненно, окажется полезным в решении вопросов истории древнерусской литературы и южнославянско-русских литературных связей.

Археографический обзор русских списков
Жития Саввы Сербского

В настоящий археографический обзор включены все известные автору статьи русские рукописи со списками Жития Саввы Сербского. Схема их классификации, имеющаяся в работе Дм. Богдановича [9], расширена с учетом новых материалов и дополнена распределением по вариантам текста. Из приведенных нами списков в работе Богдановича указаны следующие (номер археограф. обзора): 3, 9, 10, 14, 16, 18, 20, 22, 24, 27, 28, 34, 46—50, 52, 54, 58, 62, 64, 65, 68, 69, 72, 73, 74, 75, 78, 79, 82, 87. Рукописи, датировка которых уточнена по водяным знакам автором статьи, отмечены знаком (+). Заглавие Жития и его начало указываются в том случае, если они существенно отличаются от распространенных в большинстве русских списков. Приводим заглавие и начало Жития по списку ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 30/1269 (л. 1): «Житие и подвизи въ пустыни съ отцем и особь хождения, и отчасти чудес споведание, иже въ святых отца нашего савы, прьваго архиепископа и учителя сръбскаго, съписанно преподобным доментрианомъ иеромонахомъ монастыра хиландарь нарицаемаго»; нач.: «Разума зане ничьсоже имы...» В списках краткой редакции опущено авторское вступление к Житию; текст начинается словами: «Начинаем же повести взыскающе отнюду же подобно...» (по списку БАН, Архангельское собр., К № 31, л. 4, археограф. обзор, № 80). Житие Саввы, как и Похвала Симеону и Савве Сербским, помещены в русских рукописях под разными числами, — Житие обычно под 14 I или 12 I (память св. Саввы), Похвала — под 14 I или 13 II (13 II — день памяти св. Симеона). В археографическом обзоре отражены указания такого рода для списков, в которых они имеются. В расположении рукописей мы старались, в меру их изученности, придерживаться хронологической последовательности. В конце обзора указаны рукописи, содержащие переработки Жития, составленные русскими книжниками.

Пространная редакция

1 группа. Житие Саввы Сербского (ЖС) и Похвала Симеону и Савве Сербским (ПСС), без дополнений или в составе сборника.

1 вариант текста (по типу ГИМ, Епархиальное собр., № 396).

а) Минеи-четы

1) ГИМ, Синодальное собр., № 990, Великие м.-ч. митрополита Макария, «Успенский» комплект, сборник на янв., середина XVI в., 1°, полуустав в два столбца, ЖС (14 I) л. 508—579 об., ПСС (14 I) л. 580—591 об., Житие Саввы из стихного пролога (14 I, «...стих: оставивъ сава земленную славу и восприять от христа небесную славу», нач.: «Сего убо блаженнаго и святителемъ сопрестольнаго...») л. 592—592 об. Т. Н. Протасьева. Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева), ч. 1, М., 1970, с. 179.

2) ГИМ, Синодальное собр., № 178, Великие м.-ч. митрополита Макария, «Царский» комплект, сборник на янв., середина XVI в., 1°, полуустав в два столбца, ЖС (14 I) л. 630—712 об., ПСС (14 I) л. 713—727 об., Житие Саввы из стихного пролога (14 I, см. № 1) л. 728 об.—729. Т. Н. Протасьева. Описание рукописей Синодального собрания, ч. 1, с. 196.

3) ГБЛ, Музейное собр. (ф. 178), № 8188, м.-ч. на янв., вторая половина XVI в., 1°, полуустав, ЖС (14 I) л. 479 об.—646 об., ПСС (14 I) л. 647—678.

4) ГИМ, Чудовское собр., № 310, м.-ч., на янв., 1600 г., 1°, полуустав, ЖС (14 I) л. 489—649, ПСС (14 I) л. 650—675. Т. Н. Протасьева. Описание рукописей Чудовского собрания, Новосибирск, 1980, с. 180.

5) ГПБ, F—I—650, м.-ч. на янв., середина XVII в., 1°, полуустав, ЖС (14 I) л. 462—614, ПСС (14 I) л. 614—640 об.†

б) Отдельные рукописные книги и сборники

6) ГИМ, Епархиальное собр., № 395, ЖС и ПСС, первая треть XVI в., 4°, полуустав, ЖС («месяца генваря») л. 1—280, ПСС (13 I, исправлено: 13 II) л. 281—332. Список, отражающий особенности первого и второго вариантов текста. Следы сербского оригинала⁺.

7) ГИМ, Епархиальное собр., № 396, ЖС и ПСС, первая треть XVI в., 4°, полуустав, ЖС («месяца генваря») л. 1—268 об., ПСС (13 I, исправлено: 13 II) л. 269—313⁺.

8) ГИМ, Чудовское собр., № 337, ЖС и ПСС, середина XVI в., 4°, полуустав, ЖС (14 I) л. 1—213, ПСС (14 I) л. 214—251. Т. Н. Протасьева. Описание рукописей Чудовского собрания, с. 199.

9) ГБЛ, собр. Никифорова (ф. 199), № 279, сборник житий и слов, середина XVI в., 4°, полуустав, ЖС (14 I) л. 1—283 об., ПСС (14 I) л. 284—334 об.⁺

10) ГБЛ, собр. Рогожского кладбища (ф. 247), № 174, ЖС и ПСС, третья четверть XVII в., 4°, полуустав, ЖС (14 I) л. 3—286 об., ПСС (14 I) л. 287—337. На л. 3 запись о принесении Жития старцем Ибаной из монастыря Хиландара (после заглавия)⁺.

II вариант текста.

11) ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 30/1269, ЖС и ПСС, первая четверть XVI в., 4°, полуустав, ЖС л. 1—137 об., ПСС (13 II) л. 138—162. На л. 1, 1 об., 2, 2 об. и 3 запись: «В лето 7025 привезль к великому князю василию старец исаия из святыя горы из ватопедя монастыря книгу житие святаго савы пръваго архиепископа сръпскаго и с тое книги написаны сия тетрати, в дому святаго никола старого на москве, в келии михаила медоварцова, и дал сии тетрати в дом святыя богородица в кирилов монастырь, на бело езеро, чтобы помянули в святых своих молитвах мое окаанство, грешнаго михаила, за молитвъ святыих отецъ симеона и савы, господи иусе христе сыне божи, помилуй нас. аминь». Следы сербского оригинала.

12) ГПБ, Соловецкое собр., № 202/202, ЖС и ПСС в сборнике, первая треть XVI в., 4°, полуустав, ЖС л. 1—206, ПСС (13 II) л. 206 об.—236 об. Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии, ч. II. Казань, 1885, с. 258⁺.

13) ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры (ф. 304), № 686, жития преимущественно южнославянских святых, первая треть XVI в., 1°, полуустав, ЖС л. 2—145 об., ПСС (13 II) л. 146—170 об., Житие деспота Стефана Лазаревича л. 171—214 об., Житие Стефана Дечанского л. 215—246, Житие Илариона Мегленского л. 255—277 об. (Иером. Арсений, иером. Иларий). Описание славянских рукописей библиотеки Св.-Троицкой Сергиевой лавры, ч. I. М., 1878, с. 50⁺.

14) ГБЛ, собр. Егорова (ф. 98), № 429, сборник житий, первая половина XVI в. (ЖС, ПСС — 1522 г.), 4°, полуустав, ЖС (14 I) л. 1—203 об., ПСС (13 II) л. 204—240 об. Следы сербского оригинала.

15) ГИМ, Епархиальное собр., № 397, ЖС, ПСС и Слово Иоанна Златоуста, первая половина XVI в., 4°, полуустав, ЖС (14 I — другой рукой) л. 1—242, ПСС л. 242 об.—273 об. Следы сербского оригинала⁺.

16) ГИМ, Синодальное собр., № 635, ЖС и ПСС, первая половина XVI в., 4°, полуустав, ЖС л. 1—239, ПСС (13 II) л. 240—282. Следы сербского оригинала. Т. Н. Протасьева. Описание рукописей Синодального собрания, ч. I. с. 58.

17) ГПБ, собр. Погодина, № 887, сборник житий сербских святых, первая половина XVI в., 4°, полуустав, ЖС л. 1—219 об., ПСС (13 II) л. 220—257 об., Житие деспота Стефана Лазаревича л. 258—331 об. Следы сербского оригинала. К. Иванова. Български, сръбски и молдоволахийски кирилски ръкописи в сбирката на М. П. Погодин. София, 1981, с. 453.

18) ГБЛ, собр. Рогожского кладбища (ф. 247), № 173, ЖС и ПСС, вторая четверть (?) XVI в., 4°, полуустав, ЖС л. 3—290 об., ПСС (14 I, после заглавия добавлено: и 13 II) л. 291—337 об.

19) Ленинградское отделение Института истории Академии Наук СССР, коллекция Н. П. Лихачева (№ 238), опись 1, № 484, Торжественник 1548 г., 1°, полуустав, ЖС л. 2—145, ПСС (13 II) л. 145—171 об., на л. 171 об. имя писца тайнописью.

20) ГБЛ, собр. Рогожского кладбища (ф. 247), № 597, сборник житий, середина XVI в., 4°, полуустав, ЖС л. 94—396, ПСС (13 II) л. 397—447 об.

21) БАН, 21.4.5 (собр. Плигина, № 53), сборник житий и слов, середина XVI в., 4°, полуустав. Ркп. составная (первая часть — ЖС, ПСС и Житие Стефана Сурожского). ЖС (13 I — другой рукой) л. 2—254 об., ПСС (13 II) л. 255—297. Следы сербского оригинала⁺.

22) ГБЛ, собр. Иосифо-Волоколамского монастыря (ф. 113), № 620, сборник житий сербских святых, середина XVI в.; 4°, полуустав, ЖС л. 1—271 об., ПСС (13 II, исправлено другим почерком: «генваря») л. 271 об.—321 об., Житие деспота Стефана Лазаревича л. 321 об.—408 об., Житие Стефана Дечанского л. 409—469 об. П. М. Строев. Описание рукописей монастырей Волоколамского, Новый Иерусалим, Саввина-Сторожевского и Пафнутьева-Боровского. СПб., 1891, с. 127⁺.

23) ГПБ, Соловецкое собр., № 201/201, сборник житий (ЖС, ПСС и Житие Иоанна Дамаскина) и слов (Феодора Студита), середина XVI в., 1°, полуустав, ЖС л. 1—243 об., ПСС (13 II) л. 244—251. Описание рукописей Соловецкого монастыря..., ч. II, с. 261⁺.

24) ГИМ, собр. Хлудова, № 212, ЖС и ПСС, третья четверть XVI в., 4°, полуустав, ЖС л. 1—266 об., ПСС (14 I и 13 II) л. 267—311 об. А. Попов. Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова. М., 1872, с. 444⁺.

25) ГИМ, Синодальное собр., № 234, сборник статей житийно-учительного содержания, вторая половина XVI в., 4°, полуустав (ЖС и ПСС); ЖС л. 23—199, ПСС (13 II) л. 199 об.—229 об. Начало заглавия ЖС (л. 23): «Житие и подвизи в пустыни просиявшего, иже в святых отцах нашего савы архиепископа сербьскаго учителя...» А. В. Горский и К. И. Невоструев. Описание славянских рукописей московской Синодальной библиотеки, отд. II, ч. 3. М., 1862, с. 667⁺.

26) ГИМ, собр. Барсова, № 716, ЖС и ПСС, последняя треть XVI в., 4°, полуустав. ЖС (14 I) л. 1—267 об., ПСС (13 II) л. 268—314⁺.

27) ГБЛ, собр. Егорова (ф. 98), № 657. ЖС и ПСС, XVI в., с позднейшими добавлениями, 4°, полуустав, ЖС л. 1—149, ПСС (14 I) л. 149—185 об. На л. 1 (замена XVIII в.) заглавие (14 I) и запись о принесении Жития старцем Ибаной из монастыря Хиландара.

28) ГБЛ, собр. Овчинникова (ф. 209), № 349. ЖС и ПСС, XVI в., 4°, полуустав. ЖС л. 1—238, ПСС (13 II) л. 238—282 об.

29) ГПБ, собр. Титова, № 3705. Служба Савве Сербскому Феодосия Хиландарца, ЖС и ПСС, первая половина XVII в. ЖС — 1601 г. (запись на л. 299 об.). Служба и Похвала, очевидно, добавлены позднее. 4°, полуустав. Служба (14 I) л. 1—30 об., ЖС (14 I) л. 31—299. ПСС л. 301—337 об. А. Титов. Описание славянских рукописей, находящихся в собрании А. А. Титова, т. III. М., 1903, с. 234⁺.

30) БАН, собр. Александро-Свирского монастыря, № 26. ЖС, ПСС и Житие Онуфрия Пустынника, конец XVI — начало XVII в., 4°, ЖС (начало утрачено). л. 1—276 об., ПСС (14 I) л. 277—319. Первоначально ЖС и ПСС составляли отдельную ркп. А. Е. Викторев. Описи рукописных собраний в книгохранилищах северной России. СПб., 1890, с. 183⁺.

31) БАН, 21.4.8 (собр. Плигина, № 60), сборник слов и житий, первая треть XVII в., 4°, полуустав (ЖС и ПСС), ЖС (начало утрачено, затем пропуск) л. 1—157 об., ПСС (13 II) л. 157 об. — 191⁺.

32) БАН, Архангельское собр., Д № 246, сборник статей житийно-учительного содержания, середина XVII в., 4°, беглый полуустав. ЖС л. 195—383 об., ПСС (13 II) л. 384—417 об⁺.

33) ГПБ, Соловецкое собр., № 203/203, ЖС и ПСС, середина (?) XVII в., 4°, скоропись, ЖС (14 I) л. 1—252 об., ПСС л. 253—294. На л. 252 об. заметка летописного характера (см. № 44). Описание рукописей Соловецкого монастыря..., ч. II, с. 265.

34) ГБЛ, собр. Рогожского кладбища (ф. 247), № 665. ЖС и ПСС, последняя четверть XVII в., 4°, полуустав. ЖС (13 II) л. 4—279, ПСС (14 I) л. 279—327 об. На л. 3 об. запись о принесении Жития старцем Исайей из монастыря Ватопеда⁺.

35) Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР, собр. Перетца, № 587. ЖС и ПСС первая половина XIX в., 4°, полуустав, ЖС (14 I) л. 1—213, ПСС (14 I) л. 213 об.— 249 об. На л. 1 после заглавия — о принесении Жития старцем Ибаной со Святой Горы.

II группа. ЖС без ПСС, в отдельной рукописи или в сборнике

I вариант текста

36) ГБЛ, собр. Егорова (ф. 98), № 1738. Пролог на янв., 20—30-е годы XVI в., 1°, полуустав. ЖС (14 I) в конце книги — л. 441—557⁺.

37) ГПБ, Q.I.318, ЖС третья четверть XVI в., не позднее 1568 г., 4°, полуустав, ЖС («месяца того же в 14 день») л. 1—262 об. на л. 262 об. приписано: «Житие и жизнь преподобного и богоносного отца нашего савы серпского чудотворца». К. Ф. Калайдович и П. М. Строев. обстоятельное описание славяно-российских рукописей, хранящихся в Москве, в библиотеке графа Ф. А. Толстого. М., 1825, с. 353⁺.

38) ГИМ, собр. Уварова, № 404. ЖС середины XVII в. в составной рукописи житийного содержания, 4°, полуустав. ЖС (14 I) л. 1—312. На л. 1 после заглавия запись о принесении Жития старцем Исайей со Святой Горы. Архим. Леонид. Систематическое описание славянороссийских рукописей собрания графа А. С. Уварова, ч. II, с. 399. П. М. Строев. Рукописи славянские и российские, принадлежащие почетному гражданину и археографической комиссии корреспонденту Ив. Ник. Царскому. М., 1848, с. 50.

II вариант текста

а) Минеи-четыи

39) ГИМ, Синодальное собр., № 801, м.-ч. Иоанна Милютина, 1646—1654 гг., сборник на янв., 4°, скоропись. ЖС (14 I) без вступления; начало: «Сей сынъ бе жупана великаго немана...» л. 501—788. Т. Н. Протасьева. Описание рукописей Синодального собрания, ч. I, с. 208. Архим. Иосиф. Оглавление четых-минеи священника Иоанна Милютина, Чтения любителей духовного просвещения. М., 1868, с. 158.

40) ГБЛ, собр. Овчинникова (ф. 209), № 265, м.-ч. на янв., XVIII в., Г°, полуустав, ЖС (14 I) л. 190—261 об.

б) Отдельные рукописные книги и сборники.

41) ГПБ, собр. Общества любителей древней письменности (далее — ОЛДП), F—443, сборник житий, первая четверть XVI в. (не позднее 1522 г.), 1°, полуустав. ЖС л. 277—466 об. На л. 276 позднейшая (карандашом) запись о принесении Жития старцем Ибаной со Святой Горы.

42) ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 27/1266. ЖС, первая четверть XVI в., 4°, полуустав, л. 1—287, писец Гурий Тушин (запись на л. 1).

43) ГИМ, собр. Уварова, № 403. ЖС и Мучение вмч. Прокопия, первая половина XVI в., 4°, полуустав, ЖС л. 1—243. Архим. Леонид, Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания графа А. С. Уварова, ч. II. М., 1893, с. 398. П. М. Строев. Рукописи, ... принадлежащие ... Ив. Ник. Царскому, с. 50⁺.

44) ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 86/211, сборник житий и слов, середина XVI в., 1°, полуустав. Ркп. составная (первая часть — Деяния и слова Григория папы Римского). ЖС (14 I) л. 186—308. На л. 308 заметка летописного характера (то же в ркп. № 33): «В лето 6360 съставишася наша словеса святым кирилом, учителем словенским. В лето 6642 назвася неманя господинъ срьблемь, и царствова лет 42. В лето 6727 поставлен бысть святый сава архиепископом серпскимъ въ царигради, святейшимъ вселенскимъ патриархом германомъ въ царство благочестиваго царя феодора ласкара» (почерком писца)⁺.

45) БАН, Архангельское собр., Д № 148. ЖС Мучение Гурия, Самона

и Авива, середина XVI в., 4°, полууустав. Ркп. составная, первоначально ЖС представляло отдельную книгу, л. 3—225⁺.

46) ГБЛ, собр. Егорова (ф. 98), № 890. ЖС, середина XVI в., 1°, полууустав, л. 1—235⁺.

47) ГБЛ, собр. Отдела рукописей (ф. 218), № 422, сборник житий, слов и поучений, первая четверть XVII в., 4°, полууустав. ЖС (как глава 13) л. 240—338 об. Записки Отдела рукописей ГБЛ, вып. 17. М., 1955, с. 137.

48) ГБЛ, собр. Ундольского (ф. 310), № 597, сборник (Житие Иоанна Златоуста, ЖС и Повесть о трех пленениях Иерусалима) первая треть XVII в., 1°, скоропись, ЖС (начало утрачено) л. 135—229⁺.

49) ГБЛ, собр. Ундольского (ф. 310), № 364. ЖС, первая половина XVII в., 4°, л. 1—306, полууустав, переходящий в скоропись. В. М. Ундольский. Славяно-русские рукописи, описанные самим составителем и бывшим владельцем собрания. М., 1870, ст. 251⁺.

50) ГБЛ, собр. Ундольского (ф. 310), № 1002, сборник житий и похвальных слов, первая половина XVII в., 1°, полууустав, ЖС (начало утрачено) л. 217—356 об.⁺

51) Центральный государственный архив древних актов (Москва), собр. ЦГАЛИ, ф. 178, опись. 1, № 54. ЖС, вторая четверть XVII в., 4°, полууустав, л. 1—291⁺.

52) ГИМ, Синодальное собр., № 411, сборник статей житийно-учительного содержания, вторая четверть XVII в., 4°, полууустав, ЖС л. 3—229 об. Т. Н. Протасьева. Описание рукописей Синодального собрания, ч. II, М., 1973, с. 83.

53) ГПБ, Соловецкое собр., № 8/1376 (Анзерского скита). ЖС и Житие Михаила Малеина, середина XVII в., 4°, полууустав, Ркп. составная. ЖС л. 1—290. Описание рукописей Соловецкого монастыря..., ч. II, с. 265⁺.

54) ГБЛ, собр. Большакова (ф. 37), № 22, ЖС и Житие Иоанна Дамаскина, середина XVII в., 1°, полууустав, ЖС (начало утрачено) л. 1—197. Г. П. Георгиевский. Рукописи Т. Ф. Большакова, хранящиеся в Московском Публичном и Румянцевском музеях. Пгр, 1915, с. 15⁺.

55) ГИМ, собр. Уварова, № 857, сборник житий и слов, середина XVII в., 4°, полууустав, ЖС (14 I) л. 316—411. Архим. Леонид. Систематическое описание..., ч. II, с. 378⁺.

56) ГПБ, собр. Погодина, № 751, ЖС, вторая половина XVII в., 4°, полууустав, л. 1—287 об. К. Иванова. Български, сръбски и молдово-влахийски кирилски ръкописи... София, 1981, с. 444⁺.

57) ГПБ, Соловецкое собр., № 13/1381 (Анзерского скита), сборник житий и слов, третья четверть XVII в., 4°, полууустав, ЖС (12 I — позднейшая приписка на полях) л. 1—337 об. Описание рукописей Соловецкого монастыря..., ч. II, с. 263⁺.

58) ГБЛ, собр. Егорова (ф. 98), № 540. ЖС, последняя четверть XVII в., 4°, полууустав, ЖС (13 II) л. 1—286⁺.

59) ГПБ, Софийское собр., № 1398, сборник житий и слов, XVII в., 4°, полууустав. ЖС л. 44—239 об. Д. И. Абрамович. Софийская библиотека. Вып. III. Сборники. СПб., 1910, с. 68—69.

60) ГПБ, собр. Погодина, № 663—а, ЖС XVII в. (?), 4°, полууустав, 303 л., конец утрачен. К. Иванова. Български, сръбски и молдово-влахийски кирилски ръкописи..., с. 442 (указанная здесь Похвала Симеону и Савве — составная часть Жития).

61) ГИМ, собр. Барсова, № 1549, сборник житий и слов, вторая четверть XIX в., 4°, полууустав. ЖС (14 I) л. 103—199 об., на л. 3 после заглавия — запись о принесении Жития старцем Ибаной из монастыря Хиландара. Конец ЖС утрачен⁺.

III группа. ЖС с делением на главы.

а) ЖС, имеющее 9 заглавий в тексте, и ПСС. II вариант текста

62) ГБЛ, собр. Отдела рукописей (ф. 218), № 1132, сборник слов и житий, вторая четверть XVI в., 1°, полууустав в два столбца. ЖС (как гла-

б) ЖС без ПСС, разделенное на 185 глав. II вариант текста.

63) ГПБ, собр. Погодина, № 752, ЖС, XVII в. (не позднее 1627 г.), 4°, полуустав. «Сказание главам житию святителя Савы архиепископа сербскаго» (такое же название оглавления во всех рукописях этого типа) — л. 1—13 об., ЖС (12 I) л. 14—337, на л. 14 внизу приписка: «а в четьях-минях 14 день», т. е. 14 янв. К. Иванова. Български, сръбски и молдо-влахийски кирилски ръкописи..., с. 444⁺.

64) ГБЛ, собр. Овчинникова (ф. 209), № 348, ЖС, первая половина XVII в., 4°, полуустав. «Сказание главам» ЖС л. 2—14 об., ЖС л. 15—338⁺.

65) ГБЛ, собр. Пискарева (ф. 228), № 123. Торжественник 1641 г. 1°, полуустав. ЖС л. 565—771 об. (как глава 32). А. Е. Викторов. Каталог славяно-русских рукописей, приобретенных Московским Публичным и Румянцевским музеями в 1868 г., после Д. В. Пискарева. М., 1871, с. 25.

66) ГПБ, Софийское собр., № 1392, сборник статей житийно-учительного содержания, вторая четверть XVII в., не позднее 1643 г., 4°, полуустав, переходящий в скоропись. «Сказание главам» ЖС л. 217—225, ЖС л. 226—456 об. Д. И. Абрамович. Софийская библиотека, вып. III, с. 65⁺.

67) ГПБ, собр. Погодина, № 777, сборник служб, житий и слов, вторая четверть XVII в., 1°, полуустав, переходящий в скоропись. Служба Савве Сербскому (14 I) л. 1—17 об., «Сказание главам» ЖС л. 18—23 об., ЖС л. 23 об.—157 об. К. Иванова. Български, сръбски и молдо-влахийски кирилски ръкописи..., с. 444⁺.

68) ГБЛ, собр. Егорова (ф. 98), № 1705. Торжественник, середина XVII в., 1°, полуустав, ЖС л. 286—498⁺.

69) ГБЛ, Музейное собр. (ф. 178), № 4855, ЖС, середина XVII в., 4°, полуустав, переходящий в скоропись. «Сказание главам» ЖС л. 1—13 об., ЖС л. 14—337.

70) БАН, 33.17.7 (собр. Срезневского). ЖС и Мучение вмч. Прокопия, середина XVII в., 4°, полуустав, переходящий в скоропись. Ркп. составная. ЖС (начало утрачено) л. 1—237. В. И. Срезневский. Сведения о рукописях, печатных изданиях и других предметах, поступивших в Рукописное отделение Библиотеки имп. Академии Наук в 1904 г. СПб., 1907, с. 96⁺.

71) ГПБ, Q.I.364, сб. житий и служб, третья четв. XVII в., 4°, скоропись. «Сказание главам». ЖС л. 1—11 об., ЖС л. 12—269 об. (последний лист Жития утрачен). К. Ф. Калайдович и П. М. Строев. обстоятельное описание славяно-русских рукописей..., с. 496⁺.

72) ГБЛ, Рогожского кладбища (ф. 247), № 160, сборник житий, сказаний и поучений, вторая половина XVII в., 1°, полуустав, переходящий в скоропись. «Сказание главам» ЖС л. 2—5, ЖС (14 I) л. 5 об.—123. На л. 1 об. запись о принесении Жития старцем Исайей из монастыря Ватопеда (позднейшая)⁺.

73) ГБЛ, собр. Ундольского, № 365, ЖС с прибавлением (в начале книги) других статей, конец XVII в., 8°, полуустав. ЖС л. 11—280, без вступления, начало: «Сей сынъ бе жупана великаго немана...». В. М. Ундольский. Славяно-русские рукописи..., ст. 251⁺.

74) ГБЛ, собр. Овчинникова (ф. 209), № 350, ЖС, конец XVII — начало XVIII в., 8°, полуустав, л. 1—240⁺.

в) ЖС без ПСС, разделенное на 139 глав. 1 вариант текста.

75) ГБЛ, собр. Московской духовной академии, ф. 173/II (доп.), № 4, ЖС и Житие Андрея Юродивого, конец XVII — начало XVIII вв., 4°, беглый полуустав. «Житие святого савы сербскаго, сказание главам» л. 4—7. В «Сказание», кроме глав ЖС, входят заглавия статей, помещенных перед Житием: «Воспоминание отчасти святягы горы афонския»,

«Сие же о другом монастыре святогорскомъ еже есть ватопед», «Начало роду серпскихъ деспотъ». ЖС (14 I) л. 12—122 об. (конец утрачен). На л. 12 после заглавия запись о принесении Жития старцем Ибаной со Святой Горы.

г) ЖС, без ПСС, разделенное на 71 главу. II вариант текста.

76) Центральная библиотека Академии Наук Литовской ССР (Вильнюс), F—19—104, сборник житий и слов, первая половина XVI в., 1°, полуустав. ЖС («сказано преподобным доментганом, презвитером монастыря хиландаря нарицаемого, списано феоодосиемъ мнихом того ж монастыря») л. 109—208. Ф. Добрянский. Описание рукописей Виленской публичной библиотеки. Вильна, 1882, с. 219⁺.

д) ЖС, разделенное на 68 глав. II вариант текста.

77) БАН, собр. Тагильского скита, № 4, первая половина XVII в., 4°, скоропись, заглавие ЖС: «Житие и жизнь иже во святых отца нашего савы серпскаго чудотворца». Начало: «Молю убо вы, преподобство ваше, отцы блаженни воистинну и треблаженни, яко добре спожителствовавши, разума зане нищетою...», л. 1—319⁺.

78) ГБЛ, собр. Овчинникова (ф. 209), № 347, ЖС (14 I) вторая половина XVII в., 4°, полуустав, л. 1—392. Заглавие и начало ЖС соответствуют предыдущей рукописи⁺.[‡]

Краткая редакция

79) Одесская государственная научная библиотека им. А. М. Горького, № 20 (по каталогу ОГНБ). Сборник житий южнославянских святых. В его составе ЖС в краткой редакции, с записью о принесении Жития старцем Исайей со Святой Горы (л. 1). Ркп. не была нами изучена de visu. Описана В. Н. Мочульским: Описание рукописей В. И. Григоровича. Одесса, 1890, с. 9. Согласно этому автору и П. Шафарыку [10, с. 363] — ркп. XV в. Такая же датировка в обзоре «Славянорусские рукописи Одесской государственной научной библиотеки им. А. М. Горького» М. М. Копыленко и М. В. Раппопорт (ТОДРЛ, т. XVI. М.—Л., 1960, с. 550). Авторы статьи относят сборник к числу рукописей нерусского происхождения, сербской редакции. Данное заключение расходится с традиционной точкой зрения (см., например, статью Ст. Новаковича [11], в которой ЖС в одесском сборнике рассматривается как русская рукопись).

80) БАН, Архангельское собр., К № 31, сборник житий, служб и слов, первая треть XVI в., 4°, полуустав. ЖС (14 I) л. 4—73 об. На л. 4 после заглавия запись о принесении Жития старцем Ибаной из монастыря Хиландара⁺.

81) ГПБ, собр. Погодина, № 1934, сборник слов, житий и других статей, первая половина XVI в., 1°, полуустав, ЖС (14 I как глава 26) л. 276—306 об., ПСС (13 II) л. 306 об.—322 об. К. Иванова. Български, сръбски и молдо-влахийски кирилски ръкописи..., с. 491.

82) ГИМ, Синодальное собр., № 639, сборник поучений, житий и других статей, первая половина XVI в., 4°, полуустав. ЖС (14 I) л. 172 об.—244 об. На л. 172 об. внизу запись о принесении Жития старцем Ибаной из монастыря Хиландара. Т. Н. Протасьева. Описание рукописей Синодального собрания, ч. II, с. 62.

83) ГПБ, собр. ОЛДП, F — 488, минея-четья на янв. (жития и поучения на каждый день до 26 янв., затем на некоторые числа других месяцев, в основном февраля), середина XVI в., 1°, полуустав, переходящий в скоропись; ЖС и ПСС в оглавлении (л. 1 об., 12 I) как глава 12. ЖС л. 133—171 об., заглавие: «Месяца генуария в 12 день память иже во святых отца нашего савы прьваго архиепископа сербскаго», ПСС л. 172—193 об.⁺

84) ГПБ, собр. Погодина, № 1939, сборник смешанного содержания (жития, слова, апокрифы и другие статьи), XVI в., 4°, полуустав, ЖС (14 I) л. 157—205, ПСС (13 II) л. 205—225 об. (конец утрачен). К. Иванова. Български, сръбски и молдо-влахийски кирилски ръкописи..., с. 492.

85) ГИМ, Музейское собр., № 2447, ЖС (вторая четверть ?) XVII в., 8°, скоропись. Текст краткой редакции XVII в. в начале утрачен. На л. 3—4 об., вставленных позднее как замена, заглавие («Житие иже во святых отца нашего савы, архиепископа сербскаго») и текст — подражание проложному ЖС (полуустав). Краткая редакция ЖС л. 5—188 об. (конец утрачен).

86) ГПБ, Q.I.354, сборник житийно-учительного содержания, конец XVII — начало XVIII в., 4°, разных почерков (ЖС — полуустав). ЖС л. 167—198. На л. 198 внизу записи о принесении Жития старцем Исайей из монастыря Хиландара. Начало заглавия ЖС: «Месяца генваря в 14 день святого отца савы сербского, в пустыни со отцемъ...» К. Ф. Калайдович и П. М. Строев. обстоятельное описание славяно-русских рукописей, с. 384⁺.

Переработки Жития Саввы Сербского русскими книжниками

87) ГИМ, Синодальное собр., № 146, сборник келейный, конец XVII — начало XVIII в., 1°, южно-русская скоропись. Житие Саввы Сербского л. 260—279. Заглавие: «Месяца януаря, во 14 день, житие иже во святых отца нашего Савы, перваго учителя сербского, списанное преподобным Дометианом иеромонахомъ монастыря Хиландаря нарицаемаго, а з него писалъ отецъ Филофей Лещинский, сокращение, и не весьма разсмотрителне». Начало: «Бысть единъ самодержецъ сербския земли: муж храбръ, в той стране сия добротствомъ...» Л. Стоянович опубликовал отрывок Жития по этой рукописи [12, с. 79—81]. Т. Н. Протасьева. Описание рукописей Синодального собрания, ч. 1, с. 37.

88) ГИМ, собр. Барсова, № 1579, сборник служб, слов, житий, поучений, повестей, начало XIX в., 4°, разных почерков. О святомъ великомъ царе стефане сербскомъ деченскомъ л. 64 об.— 66 об. Канонъ святому саве архиепископу сербскому, в немъ же о чудотворении его (из службы Савве Сербскому Феодосия Хиландарца) л. 75—81. Житие Саввы Сербского л. 95—116 об. (Все упомянутые статьи писаны беглым полууставом). Заглавие ЖС — как в списках с феодосиевским Житием. После заглавия — запись о принесении Жития старцем Иваном со Святой Горы, затем: «Зде же и от того много сокращено». Начало: «Сей святыи и преблаженныи и многихъ похвалъ достойныи сава сынъ бе жупана великаго неманиа владыки сербскаго...»⁺

ЛИТЕРАТУРА

1. Живот Светога Симеуна и Светога Саве, написао Доментијан, на свијет издао Ђ. Даничић, у Биограду, у државној штампарији, 1865.
2. *Богдановић Д.* Каталог ћирилических рукописа манастира Хиландара. Београд, 1978.
3. *Вуловић Св.* По нешто о биографијама српским XIII века. Годишњица Николе Чуића, VII. Београд, 1885.
4. *Поповић П.* Старе српске биографије и њихова издања. Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор, V. Београд, 1925.
5. *Радјичић Ђ. Сп.* О старом српском књижевнику Теодосију. Историјски часопис, књ IV. Београд, 1954.
6. Живот Светога Саве, написао Доментијан, на свијет издао Друштво српске словесности, трудом Ђ. Даничића, у Биограду, у државној штампарији, 1860.
7. *Теодосије Хиландарац.* Живот светога Саве. Издање Ђуре Даничића, приредио и предговор написао Ђ. Трифуновић. Београд, 1973.
8. Старе српске биографије, I. Превео и објаснио Миливоје Башић. Српска књижевна задруга, коло XXVII, број 180. Београд, 1924.
9. *Богдановић Д.* Нека запажања о руској редакцији Теодосијевог житија светога Саве. Зборник Матице Српске за књижевност и језик, књ. XXIII/2. Нови Сад, 1975.
10. Живот деспота Стефана Лазаревића, великог кнеза српског. По одеском рукопису за штампу спремио др. I. Шафарик. Гласник Српског ученог друштва, књ. XI, св. XXVIII. Београд, 1870.

11. *Новаковић Ст.* Прилози к историји српске књижевности, VII. Трећа редакција доментијанова «Живота светог Саве». Гласник Српског ученог друштва, књ. XXXII. Београд, 1871.
12. *Стојановић Љ.* Стари српски хрисовуљи, акти, биографије... Српска Краљевска Академија. Споменик III. Београд, 1890.
13. *Смирнов С. Н.* Сербские святые в русских рукописях. Юбилейный сборник Русского археологического общества в Королевстве Югославии. Белград, 1936.
14. *Казакова Н. А.* Книгописная деятельность и общественно-политические взгляды Гурия Тушина.— ТОДРЛ, т. XVII. М.— Л., 1961.
15. *Творогов О. В.* Древнерусские хронографы. Л., 1975.
16. *Jagić V.* Ein Beitrag zur serbischen Annalistik mit literaturgeschichtlicher Einleitung. Archiv für slavische philologie, II. Berlin, 1877.
17. *Розанов С. П.* Источники, время составления и личность составителя Феодосиевской редакции Жития Саввы Сербского.— Известия ОРЯС имп. Академии Наук, т. XVI. СПб., 1912.

СЕДАКОВА И. А.

К ОПИСАНИЮ ЛЕКСИКИ И СИМВОЛИКИ СВЯТОЧНО-НОВОГОДНЕЙ ОБРЯДНОСТИ БОЛГАР (РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ОБРЯДОВЫЕ ХЛЕБЫ)

Святочно-новогодняя обрядность болгар является чрезвычайно сложной структурой, состоящей из множества компонентов (первое посещение дома, рождественское полено, обрядовые хлебы и трапезы, ритуальные обходы домов, ряженные, гадания и предсказания и др.). Поскольку в рамках статьи не представляется возможным рассмотреть в этнолингвистическом аспекте все элементы обрядности, мы останавливаемся на анализе одного из важнейших ритуальных предметов — каравай¹. Основное место в исследовании отводится рождественским обрядовым хлебам — самым разнообразным и многочисленным, связанным с наиболее интересной обрядовой лексикой и символикой в рамках святочно-новогодней обрядности.

Материалом для работы послужила коллекция Д. Маринова, отражающая состояние болгарской обрядности второй половины XIX — начала XX в., а также многочисленные этнографические описания ритуалов различных областей страны и диалектные словари.

В болгарской научной литературе обрядовые хлебы не были предметом комплексного анализа. В основном они исследовались с точки зрения символики и композиции украшений [1; 2].

Между тем, рождественские каравай представляют богатый материал для целостного этнолингвистического изучения. С ритуальными хлебами, выпекаемыми к рождеству, соотносится богатая обрядовая терминология и разнообразные словесные формулы, «благопожелания» и «благословия» колядовщиков. С караваем производится множество символических и магических действий, которые либо приурочены к ритуальной трапезе в сочельник, либо входят в состав колядованиям. Процесс приготовления караваев также сопровождается магическими действиями, в которых часто отсутствуют вербальные компоненты и главную роль играет акциональная часть обряда. В ритуалах с хлебами используются различные предметы, обладающие, согласно народным представлениям, магическими свойствами (сито, кочерга, гребень для чесания льна, веретено, свечи и др.). Таким образом, с рождественскими караваем связаны все виды ритуальных символов: вербальные (словесные), реальные (предметные, вещные) и акциональные (действенные) [3, с. 372].

Анализ терминологии рождественских хлебов с привлечением конкретного этнографического материала способствует раскрытию значения каравай как важнейшего символа и позволяет определить его место в рождественской обрядности. Для каравай как ритуального символа характерна полисемия. Рождественские обрядовые хлебы соотносятся с различными древними языческими культурами, верованиями и представлениями,

¹ Каравай в данной работе обозначает любой рождественский обрядовый хлеб.

соединившимися в святочной обрядности, которые позволяют рассматривать каравай как жертву богу, как атрибут культа предков, как элемент аграрной магии, приуроченной к моменту зимнего солнцеворота и началу года.

При этнолингвистическом анализе лексики и символики караваев необходимо учитывать широко распространенный у славян культ хлеба. Уже в XIX в. ученые отмечали, что сохранились многочисленные свидетельства о вере в святость хлеба [4, с. 39]. Так, у болгар известно множество бытовых запретов, рекомендаций и примет, отражавших религиозное почитание хлеба: нельзя наступать на хлеб [5, с. 216], нельзя месить и трогать хлеб грязными руками [6, с. 61]. Существовал запрет месить хлеб роженице в течение 40 дней после родов, поскольку в этот период она считается «нечистой» [7, с. 473; 8, с. 347]. Нельзя было бросать хлеб на помойку, что воспринималось как великий грех [5, с. 216]. Крошки, оставшиеся после еды, следовало тщательно собирать и стряхивать в огонь [6, с. 61] или давать домашней птице [9, с. 98] и скоту [10, с. 145]. Зафиксировано предписание обязательно убирать крошки хлеба со стола на ночь, иначе «приснятся змеи» [9, с. 98]. Сохранились свидетельства о том, что хлеб целовали — в том случае, если он падал на землю [5, с. 96; 10, с. 146], или перед тем, как давать кошке, как бы прося у него прощения — «за прошка» [6, с. 61]. Целование хлеба включается и в обряды (например, в «службу» [10, с. 212; 8, с. 348]).

Культ хлеба прослеживается и по данным болгарского языка. Так, лексема *хляб* используется в клятвах: *Да ме убие хлябът!* (Чтоб меня хлеб убил), *Тако ми хлябът, што го ручам!* (Клянусь хлебом, который ем), *Да ме хване хлябът очите!* (Чтоб у меня хлеб глаза вырвал) [11, т. V, с. 502]. Й. Захариев сообщает, что в Кюстендильском округе, когда божатся, используют не только выражение «Ей-богу», «клянусь богом» (*бога ми*), но и «клянусь хлебом» (*Леба ми*) [8, с. 348].

Проклятия также отражают почитание хлеба: *Дано та укъори хлябът, дету ядеш!* (Чтоб тебя ослепил тот хлеб, что ты ешь) [12, с. 456] или просто *Дано те ослепи леба* (Чтоб тебя хлеб ослепил) [9, с. 98].

В болгарских фразеологизмах хлеб выступает как метафора жизни и активности (ср. русские представления о «веке»): *Изял си хляба* — «отжил свой век» [11, т. V, с. 501]; *Из'адам си хл'аба* «отживать свой век» [13, с. 161]. И наоборот, *Има още хляб в някого* — о человеке работоспособном — «есть еще порох в пороховницах»; *Има още много хляб да ядеш* — «мал еще, мало каши ел» [14, с. 606].

Культ хлеба лежит и в основе употребления караваев как ритуального предмета в обрядах, где его бытовые функции отходят на задний план и полностью покрываются сакральным и символическим значением.

Уже технология выпечки обрядовых хлебов свидетельствует о ритуальной семантической нагрузке караваев. Все компоненты действий, их исполнители, орудия и материал отмечены свойствами сакральности.

Так, мука должна быть заготовлена с лета из пшеницы лучших сортов (*чернокласка* — пшеница, воспеваемая в болгарских колядках), в то время, как повседневной хлеб пекли из ржаной или кукурузной муки [15, с. 33 и др.]. Вода для теста должна быть *мълчана* и (или) *нечаната, цветна* [5, с. 373]. Здесь особенно важен аспект сакральности молчания как отсутствия речевых актов — «говорения». Молчание является непременным условием и в ряде других болгарских ритуалов: при добывании песка для обрядового ужина накануне рождества, для различных гаданий в зимние праздники, для свадебной и лазарской обрядности.

Тесту и предметам, относящимся к выпечке хлеба, приписывались магические свойства различного характера (продуцирующие, апотропеические и др.). Так, например, в Граово (ныне Перникский округ) хозяйка перед тем, как печь каравай, мазала тестом кресты на квашне, приговаривая: «Дай, боже, чтобы и в следующем году было так же полно и гладко» (*Дай боже, се така да е пълно и равно до годину*) [16, с. 719]. Кресты тестом мазали и на стенах в доме [17, с. 4].

Повсеместно в Болгарии распространены представления о лечебных свойствах теста. Так, в селе Бариево (Софийский округ) замешивали специальные маленькие хлебцы, которые, не выпекая в печи, сушили и хранили как лекарство [17, с. 4]. Лечебными свойствами обладали и другие предметы, относящиеся к выпечке хлеба. Например, отруби, оставшиеся после просеивания муки, хранили на случай болезни для окуривания [10, с. 188]. Даже угли из печи, в которой пекся каравай, приобретали магические свойства: в с. Радуил (ныне Софийский округ) после того, как рождественский хлеб был готов, доставали одну головню (*гламня*) и хранили для лечения от глаза [18, с. 207].

Чрезвычайно важен процесс украшения обрядового хлеба. Обычно рисунки на всех караваях выполнялись самыми старыми в доме женщинами и лишь на хлебах для колядовщиков — девушками-невестами [5, с. 394]. Сам рисунок, как отмечают болгарские исследователи, не является прямым воссозданием действительности, а сводится к ее знаковому (символическому) изображению [1, с. 119; 2, с. 303]. Украшение выполняет магическую функцию, которая всегда соответствует символическому значению конкретного караваея и его функциональной предназначенности.

Украшения караваев наряду с такими моментами, как место и функции рождественского хлеба в обряде, как приписываемое ему значение, играют основную роль в трактовке термина. Поэтому в нашей работе сначала дается классификация караваев, основанная на самих реалиях, с учетом их украшений, функциональной предназначенности и символики действий, производимых с ними. Затем следует краткий анализ наиболее характерных особенностей терминологии рождественских караваев. В конце статьи помещается словарь-индекс болгарских лексем, употребляющихся в качестве обозначений рождественских хлебов.

Как уже говорилось, к рождеству в Болгарии готовится значительное количество хлебов. По свидетельству Ст. Яневой, в некоторых селах Михайловградского и Видинского округов пекут до 13 различных караваев, посвященных всем областям хозяйственной деятельности. Такое множество хлебов само по себе является актом магическим, символизирующим будущий урожай (ср. мотивировку: *Да дава Господ берет и здраве* «Чтобы Господь давал плодородие и здоровье») [2, с. 284], что соответствует и обилию ритуальной трапезы, приуроченной к кануну рождества. Вообще в святочной обрядности болгар каравай и обрядовый стол часто выполняют одни и те же функции (это отражает и идентичность терминов, например, *наядка*, *вечерна* и др.). Каравай и ритуальная трапеза могут выступать как предметы-синонимы в локальных вариантах одного ритуала (приглашение божества на ужин с хлебом или со столом; поднятие их вверх — чтобы пшеница росла высокой и др.).

В болгарской этнографической литературе принято деление всех рождественских хлебов на три большие группы с учетом их общего значения, функций и украшений. Д. Маринов выделяет следующие категории караваев: 1) посвященные празднику, вид бескровной жертвы; 2) посвященные сельскому хозяйству; 3) предназначенные в дар колядовщикам [5, с. 393].

Наиболее четкие границы имеют вторая и третья группы хлебов. Определение же первой группы караваев вызывает у исследователей некоторые разногласия. Так, Хр. Вакарельский разбивает эту категорию на две группы, определяя хлеб первой группы как «объединяющий все хозяйственные отрасли», а второй как «хлеб с монетами или знаками» [19, с. 261]. В классификации Т. Колевой эти караваи входят в одну группу и тракуются как «посвященные самому празднику, с запеченной в тесте серебряной монетой для гаданий» [20, с. 277]. Расхождения исследователей, видимо, вызваны некоторыми отличиями в семантике и украшениях караваев различных областей Болгарии. Так, на большей территории страны распространен обрядовый хлеб *боговица* с крестообразным орнаментом. Этот каравай посвящен празднику и его можно рассматривать

как жертву богу² (наряду с другими аспектами семантики, такими, как поминовение: по сообщению Яневой, при украшении *боговицы* использовались просвиры «для умерших, которых мы не знаем» — за *умрелите, дето не ги знаем* [2, с. 296]). Для западных областей (особенно Софийский, Кюстендильский округа) и некоторых южных (Южная Фракия) характерны хлебы типа *бадняк (бъдник)*, *вечерник (вечерна)*, *божичник*, *наядка* с акцентированием хозяйственных мотивов, что отражено и в их украшениях (изображение картин всего двора, ремесла хозяина дома, различных областей сельского хозяйства). Именно эти хлебы нашли отражение в классификации Хр. Вакарельского, где они определяются как «объединяющие все хозяйственные отрасли».

Караваи с монетой или знаками представляют собой определенную подгруппу в рамках первой группы рождественских хлебов. На них обычно отсутствуют украшения, они не обозначаются специфической терминологией. Чаще всего названия этих караваев имеют общее значение «хлеб» или «обрядовый хлеб» (*пита*, *погача*, *колак*). Хлебы с монетами или особыми знаками использовались в основном для гаданий о счастье и удаче в новом году. Однако несмотря на ярко выраженную функциональную предназначенность этих караваев (для гаданий), некоторые действия, производимые с ними за ритуальной трапезой свидетельствуют о том, что они также посвящены празднику и воспринимаются как жертва богу.

Таким образом, хотя в семантике и украшениях всех разновидностей хлебов первой группы и существуют некоторые различия, их объединяет то, что они посвящены празднику и являются жертвой богу. Критерием для объединения их в одной группе служит и тот факт, что они предназначены для сходных магических и символических действий за ритуальной трапезой в канун рождества.

Каравай первой группы окуривают перед началом ужина, прежде других хлебов и угощений. Кроме того, с ними связан важнейший ритуал, распространенный на всей территории Болгарии — преломление каравая (*къришене*, *ломене*, *поделяне*, *преломяване*, *разгънване*, *разломване*, *разчупаване*, *чупене* и др.). Обрядовый хлеб обычно разламывал хозяин дома непосредственно после окуривания. Иногда каравай делился двумя лицами, например, свекровью и невесткой [22, с. 425], мужем и женой [23, с. 340]. Дележ каравая связан с несколькими моментами, имеющими мифологическое и сакральное значение. Первые куски хлеба повсеместно предназначались богу и богородице и помещались под иконой. Частями караваев наделялись также св. Иван, Коледа [24, с. 285], небо [25, с. 217]. Широко известно откладывание кусков хлеба «для дома». Во многих районах страны было распространено упоминание различных отраслей сельского хозяйства при преломлении караваев, либо в наиболее общем виде — «для поля», «скота», «птицы», либо с подробным перечислением видов зерновых культур или животных (включая даже кошку [10, с. 188]).

Обязательным считалось наделение всех членов семьи по возрасту кусками ритуального хлеба. Нередко отмечается, что куски хлеба оставлялись и для отсутствующих [26, с. 164; 27, с. 13; 18, с. 208 и др.]. При дележе караваев с изображениями двора или всего хозяйства каждый член семьи получал часть рисунка в соответствии с родом своих занятий [5, с. 411—412 и др.].

Преломление каравая связано с различными гаданиями. Кому доставался самый большой кусок — того ожидало большое счастье в новом году [5, с. 396]. Очевидно, эти же представления о соразмерности величины куска хлеба и удачи в будущем году лежат в основе действий, зафиксированных Й. Захариевым: рождественский каравай делят двое мужчин, и каждый старается отломить большую часть [8, с. 396]. Существовали гадания и о том, кто будет удачливим пахарем в новом году (если при преломлении нижняя корка хлеба оказывалась толще — женщина, если верхняя — мужчина [22, с. 425]).

² Ср. толкование *боговицы* как «дар богу» (*пита принос Богу*) [21, с. 28].

Элементы гадания особенно усиливались при дележе обрядовых хлебов с монетой. Части этих караваев, также, как и хлебов без знаков, предназначались разным божествам и отраслям сельского хозяйства. Согласно народным представлениям, монета в куске хлеба предвещала удачу (*късмет*, отсюда и названия самих знаков — *късмети*). В случае использования особых символов, обозначающих конкретные занятия (соломинка — полевые работы, щепочки от помещений для животных — животноводство и т. д.), загадывалось об удаче именно в этой деятельности. Дележ караваев сопровождался гаданиями о плодородии (если монету находили с прилипшим тестом — значит, год принесет богатый урожай, и наоборот, *гола пара* — монета без теста означала голодный год [22, с. 429]) и об общем благополучии дома (если монета оказывалась в куске, предназначенном богородице или «дому» — к добру [22, с. 426]). Если же монету не находили вовсе, считалось, что ожидаются большие беды в новом году, опустошение дома (*поразия*) [27, с. 13]. Сама монета являлась как бы воплощением счастья и удачи. Поэтому ее хранили из года в год или использовали для увеличения урожая (зарывали в поле [22, с. 426], расплачивались ею за клепку сохи [28, с. 230]).

Преломление караваев сопровождалось конкретными магическими действиями, направленными на повышение плодородия. Хозяин и хозяйка делили рождественский хлеб высоко над головой, приговаривая: «Чтобы пшеница была такой высокой» (*Толкос високо да стане житото*) [29, с. 1]. Хозяин разламывал хлеб и подпрыгивал со словами: «Чтобы такими стали хлеба» (*Ей такава да стане нивата*) [30, с. 452].

Последующие действия с остатками обрядового хлеба первой группы также свидетельствуют о том, что каравай ассоциировался с плодородием и был его важнейшим символом. Например, куски рождественских хлебов клали на высокое место, чтобы пшеница росла высокой [31, с. 124].

Существенным моментом является кормление скота ритуальным хлебом утром на рождество. Для животных обычно оставляют лепные украшения [30, с. 450; 32, с. 172]. В Пиринском крае рождественский хлеб делили на две половины: одна для семьи, другая — для пахаря и скота. Вторую часть обмакивали во все ритуальные блюда и наутро скармливали животным [22, с. 425]. Зафиксированы также свидетельства о том, что украшения (в виде небольших калачей) хранили до дня св. Георгия и давали в этот день скоту [30, с. 452].

Интереснейшим ритуалом, связанным с караваями первой группы, является приглашение божества или градоносной тучи на ужин. Этот ритуал распространен в отдельных областях западной и южной Болгарии (в основном Софийский, Кюстендилский округа, Пиринский край, некоторые села Перникского округа). Приглашение совершается с караваем типа *бозовица*, *бозова пита*, *колач*, *турта* (т. е. без акцентирования хозяйственных мотивов) или с хлебом с монетой (*погача*, *пита с пара*). Приглашение сопровождается поклонами [17, с. 6], выходом из дома во двор [16, с. 720] или к двери [8, с. 396], поднятием караваев над головой [22, с. 425]. Иногда этот ритуал совмещался с преломлением [17, с. 6] или следовал за ним (в этом случае приглашали с куском рождественского хлеба, предназначенным богу [8, с. 396]). На ритуальный ужин призывались бог [8, с. 396; 22, с. 425], богородица [17, с. 6], божик [5, с. 426; 19, с. 262], туча [33, с. 8; 17, с. 6], Джерман [16, с. 720]. Этот ритуал всегда содержит вербальные компоненты, обычно двух видов — словесную формулу или ритуальный диалог, в котором один из членов семьи отвечает на приглашение: «Ужинайте, сынок, на здоровье» (*Вечеряйте, синко, нека ви е наздраве*) [5, с. 426], как бы благославляя ритуальную трапезу.

Призыв божества на ужин в сочельник с хлебом, очевидно, является редуцированным вариантом приглашения со всем столиком, включающего большее число ритуальных действий: обход дома, вынос стола на гумно, крик и т. д. Набор вербальных компонентов в этом варианте ритуала также богаче: он содержит, например, запугивание тучи [26, с. 165].

Ритуал приглашения божества к совместной трапезе в святочной обряд-

ности следует рассматривать не только как задабривание природных сил и стихий, но и как реликт культа предков в контексте поминальных обрядов [34, с. 196]. Остатки такой семантики ритуала сохранились в приглашении божества через дымоход печи: «Иди к нам, боже, в гости на ужин» (*Дядо боже, ели ни на госте да вечеряме*) [5, с. 426].

Связь с поминальными обрядами наблюдается в использовании различных угощений, характерных для похоронной трапезы, например, меда: им мажут рождественский каравай *боговицу* при преломлении [24, с. 285], а также ритуальных предметов, в частности, свечей. Свечи зажигали и ставили на *боговицу* [35, с. 462; 5, с. 426], на *колач* [16, с. 720], на *бадняк* [25, с. 218]. Интересно, что эти свечи впоследствии используются в окказиональных обрядах при отгоне грозových туч.

Вторая группа хлебов выделяется конкретной специализацией своей семантики, что отражается в украшениях хлебов, в их обрядовой предназначенности и терминологии. Это караваи, используемые для аграрной магии во всех областях крестьянской жизни. Часть хлебов посвящена культивированию пшеницы и всем явлениям и предметам, связанным с этой деятельностью (*жътва, гумно, рало, кръстци, нива* и др.). Другие караваи посвящены животноводству и символизируют либо самих животных (*волове, кон, крава, овце, свиня*), либо помещения для них (*егрек, кошара овчарник* и др.). Украшения и форма хлебов данной группы обычно соответствует их предназначенности и тем действиям, которые с ними производятся. Так, обрядовый хлеб *гумно* дают волам (которые участвуют в пахоте), куски бросают на гумно, кладут в стог сена, в амбар с пшеницей [5, с. 396, 398]. Куски от караваев *орач* давали пахарю и закрепляли высоко над печью, чтобы пшеница росла высокой [36, с. 61]. Обрядовые хлебы, посвященные виноградарству (*бъчва, лозя*) бросали в виноградники. В караваев *бъчва* наливали немного вина, затем переливали его обратно в бочку, чтобы весь год имелось вино [2, с. 286]. С караваем *овчарник* обходили загон для овец [16, с. 720]. Таким образом, для караваев второй группы характерно полное соответствие наименования, украшения, семантики и функций в рамках рождественской обрядности.

Третья группа караваев также выделяется с точки зрения своей обрядовой предназначенности, украшений и терминологии. Эти хлебы выпекались для колядовщиков и были наиболее искусно украшены, как свадебные караваи (ср. отсутствие конкретных сельскохозяйственных мотивов, декоративный орнамент, использование дополнительных предметов — веточек самшита, базилика и др.). Неслучайно после исчезновения колядования некоторые обрядовые хлебы, предназначенные в дар колядовщикам, стали использоваться в свадебной обрядности [5, с. 408]. О связи колядования со свадебными обрядами свидетельствуют и некоторые моменты рождественского ритуального обхода домов: посещение колядовщиком дома, где живет его невеста; «торг» караваев (*наддаване краваи*) [37, с. 308], где каждый колядовщик стремился выкупить тот каравай, который испекла его невеста.

Каравай в колядовании играет значительную роль. Вручение дара и произнесение «благословии» особым обрядовым лицом (*благословник, мармарин, наречник* и др.) представляет собой центральный момент. Каравай здесь является специальной ритуальной пищей для умерших родственников (наряду с поминальной трапезой), а сами колядовщики — их посланцами [38, с. 62; 34, с. 147]. Кормление душ в болгарском колядовании не оставило таких значительных следов, как например, в ритуальной трапезе (часть угощений оставляли для умерших родственников, богородицы, отсутствующих и пр.). Колядовщики собирали караваи и съедали их на следующий день после «торга».

Терминология рождественских караваев представляет собой определенную систему, которая надстраивается над системой реалий. Описание терминологии очевидно целесообразно проводить также по трем вышеуказанным группам, поскольку термин отражает характерные признаки реалий: предназначенность, функции, внешний вид, семантику, связь с дру-

гими компонентами святочно-новогодней обрядности. В соответствии с тем, используется ли данный ритуальный предмет в одном обряде или он характерен для различных народных праздников, термин, обозначающий эту реалию можно назвать специфическим или межобрядовым.

В каждой группе терминов выделяется ряд семантических или словообразовательных подгрупп. Так, к первой группе терминов относится лексика, которая по существу не является чисто обрядовой терминологией. В качестве наименования рождественского хлеба могут использоваться лексемы, семантика которых сводится к обозначению обычного, неритуального хлеба (*погача, погаче, погаченце, турта, хляб*). Используются также и лексемы с двойным значением: а) обычный хлеб, б) ритуальный хлеб (*пита, питка*). Лексемы *кслак, колач, кравай* обозначают исключительно обрядовый хлеб, выпекаемый к различным праздникам, и представляют собой, таким образом, термины межобрядовые. Все эти наименования часто входят в словосочетания с прилагательными, обозначающими определенный праздник или его специфические черты, и конкретизируют значение термина, позволяя отнести его к системе терминологии данного обряда. Так, к рождеству в Южной Фракии пекут хлеб, посвященный празднику, *колеукиа кулак* (от *коледски* «рождественский»). В западных областях Болгарии известны термины *кадилска пита* (*пита за кадене*) и субстантивированное *кадилняк* для обозначения хлеба, предназначенного для окуривания на ритуальной трапезе (которая носит здесь название *кадилка*) [22, с. 424].

В первой группе выделяются термины, семантика которых отражает предназначенность обрядовых хлебов в дар богу (*боговица, богова пита, бсжи колач*). Здесь в самих названиях зафиксирована связь каравая с богом [39, с. 622]. Это термины межобрядовые, у Маринова *боговица* выступает как наименование любого ритуального хлеба [5, с. 372].

Другие термины первой группы отражают связь с различными аспектами рождественской и святочно-новогодней обрядности. Лексема *божичник* соотносится с распространенным на западе Болгарии названием рождества (*бсжич*). Термин *бадняк* (*бъдник*) также идентичен названию праздника — сочельника — или конкретнее — вечера сочельника и ритуальной трапезы. В данном случае проявляется тенденция обрядовой лексики к развитию полисемии, а также к широкому словопроизводству в пределах одного словообразовательного гнезда (ср. также *бъдник* — рождественское полено; *ксладник*, от *кследа* — рождество, в четырех значениях: а) колядовщик, б) хлеб для колядовщиков, в) рождественское полено, г) поросенок, откормленный к рождеству).

Лексемы *ечерник* (*вечерна*), *наядка* идентичны названиям ритуальной рождественской трапезы: *вечерна* как обозначение ритуального ужина в сочельник и специально для него приготовленного каравая [40, с. 72].

Вторая группа терминов характеризуется четкими семантическими границами. К ней относится исключительно сельскохозяйственная лексика, которая отражает обрядовую предназначенность каждого каравая. Сюда входят лексемы, обозначающие поля и угодья (*нива, ливада*), различные этапы выращивания и обработки пшеницы (жътва, гумно, ток, харман), орудия труда (*рало, плуг саялещица*), лица (*орач*). Ряд терминов заимствуется из животноводческой лексики и распадается на две подгруппы: одна обозначает самих животных (*волосе, коне, крави, овце, свинка*), а другая — помещения для их содержания (*кшара, егрек, овчарник*). Эти термины являются межобрядовыми. Хлебы с такими наименованиями выпекаются, например, ко дню св. Георгия (в соответствии с усилением скотоводческой направленности этого праздника у болгар).

Третья группа терминов наиболее специфична, хотя и здесь используется ряд лексем, которые входят в систему терминологии других обрядов, связанных с ритуальными обходами или посещениями домов (*кравай* для *пслазника, сурескаря* и др.).

Наиболее характерным обозначением хлеба для колядовщиков являются терминологические словосочетания *сит кравай, вит-превит кравай*,

которые фиксируют особенности украшений. Такие словосочетания стали своеобразными клише и используются в колядках и особенно в «благословиях» колядовщиков: ...*пудари дубра дарба, дубра дарба — вит-привит кравай* [41, с. 88].

Для третьей группы терминов караваев также характерно совпадение наименований разных компонентов ритуала. Особенно интересны случаи идентичности терминов, обозначающих колядовщика (или особого обрядового лица, произносящего «благословию») и хлеб, предназначенный в дар (*коледник, благословник, наречник*). В последних двух терминах фиксируется сакральное значение самого действия — произнесения, чтения «благословия». Так, глагол *наречам*, от которого образован термин *наречник*, обозначает ряд сакральных действий (иногда в контексте обрядов): «причитать по покойнику», «заговаривать» [11, т. III, с. 209], «предсказывать будущее» [42, с. 509]. В диалектах также сохранилось сакрально-символическое значение этого слова: «благославлять» — с примером *кул'едадите нъричът б'ер'ек'ет* [13, с. 100]. Имеются также и другие образования от этого глагола, например, *наречница* как обрядовое лицо — девушка; вынимающая кольца при гаданиях *ладуване* [43, с. 61] или женщина, которая благославляет ребенка при его первом купании [44, с. 217]. Эта же лексема используется для обозначения мифологического персонажа (*орисница*) [43, с. 61].

Терминология караваев третьей группы отражает также и связь со свадебными караваемы (дополняющую сходство самих реалий) — каравай *меденик* используется и в колядовании, и в свадьбе.

В третьей группе выделяется подгруппа терминов со значением «каравай для детей-колядовщиков». Обычно это те же лексемы, только с использованием уменьшительных суффиксов (*кравайче, колаче*, ср. обозначение самих детей-колядовщиков — *коледарчета*). Интересна лексема *ковриг* (*кофръг*), давшая целое словообразовательное гнездо: *кофръжалка* — палочка, с которой колядуют дети; *кофръженяк* — колядовщик, *кофръндаль* — свинина, предназначенная в дар «сурвакарям» [45, с. 76, 102]. По мнению Ст. Младенова, *ковриг* образовано от турецк. *кувгук* «витой, кудрявый» [46, с. 244]. Хотя у Фасмера этимология этого слова обозначается как «неясная», нам кажется вполне вероятным толкование Младенова. Термин обрядового хлеба часто фиксирует особенности его формы: *превитък* — каравай для ребенка-колядовщика (в связи с формой этого хлеба — в виде незамкнутой наверху восьмерки) [5, с. 389].

Как показывает анализ, обрядовая терминология отмечает наиболее существенные моменты ритуалов, отражает самые характерные особенности в плане значений и формы реалий, а также свидетельствует о межобрядовых связях в рамках как календарных, так и семейных и окказиональных обрядов. Соответствие наименования реалии ее функциям и семантике чрезвычайно важно в обрядности. Так, например, при изменении предназначения караваев и действий, производимых с ними (с исчезновением колядования), рождественские хлебы третьей группы получали другое наименование (*литургия, параклис, светец* — хлебы с такими терминами обычно выпекались в праздник святого — покровителя дома [5, с. 396]).

Анализ обрядовой терминологии, как это видно из вышеуказанного, возможен лишь при использовании конкретных этнографических описаний ритуалов и в свою очередь способствует раскрытию древнейшей языческой семантики обряда.

Словарь-индекс обозначений рождественских хлебов у болгар³ *Бадняк*: I. Кюст. окр. [47, с. 26; 25, с. 217; 8, с. 395]; *банн'ак*: I. Соф. окр. [48,

³ Сохраняется орфография источника. Римская цифра обозначает принадлежность к выделенной группе (соответственно I, II, III). Далее следует указание округа (в соответствии с современным административным делением НРБ) или области распространения, если такие данные имеются в самом источнике. Функции караваев в обряде или их предназначённость отмечаются лишь в том случае, когда о них не говорится в статье. Словарная статья заканчивается указанием источника.

с. 38]; *благословник*: III. Бург окр. [5, с. 415]; *боговица*: I. [5, с. 395—418]⁴; (с монетой). Пловд. окр. [49, с. 146]; *божичник*: I. Кюст. окр. [5, с. 411]; *бугувица*: I. Слив. окр. [50, с. 217]; *божичник*: I. Кюст. окр. [5, с. 411]; *бугувица*: I. Слив. окр. [50, с. 224]; Русен. окр. [15, с. 33]; III. Пловд. окр. [51, с. 106]; *бугувица*: I. В.-Тырн. окр. [13, с. 14]; *бугуйца*: I. Пловд. окр. [52, с. 208]; *булче*: III. (девочкам) Врач. окр. [36, с. 62]; *бъдник*: I. [19, с. 261]; *бъдняк*: I. Южная Фракия [30, с. 451]; *бъдняци* (обрядовые хлебы, некоторые из которых напоминают овцу, корову и т. д.). Соф. окр. [53, с. 72]; *бъчва*: III. Западная Болгария [5, с. 397, 398, 411]; Михайловгр. окр. (наливают и пьют из «бочки» вино) [2, с. 286]; Соф. окр. [54, с. 132]; *вечерна*: I. Южная Фракия [30, с. 451]; Странджа [40, с. 72]; *вечерник*: I. Соф. окр. (едят в течение трех дней рождества или оставляют до Нового года) [33, с. 7; 5, с. 410, 412, 413; 17, с. 4]; *вечерница*: I. Ловеч. окр. [5, с. 408]; *вечерня*: I. Южная Фракия [30, с. 452]; Родопы [44, с. 138]; *воденици*: II. [45, с. 75]; *волове*: II. [2, с. 284]; *гумно*: II. Михайловгр. окр. [5, с. 395]; *егрек*: II. [55, с. 44]; *жътва*: II. Видин. окр. [15, с. 31]; *кадилняк*: I. [2, с. 296]; *коериг*: III (детям). Сев.-Зап. Болгария [45, с. 76]; *кола*: II. Видин. окр. [5, с. 395; 2, с. 286]; *коладник*: III. [20, с. 271]; *колак*: I. Шумен., Варн. окр. [5, с. 404—406, 408]; I (с монетой). Пирин [22, с. 324]; III. Добруджа [37, с. 304]; *колецкиа кулак*: I. Южная Фракия [30, с. 452]; *колач*: I. Разгр. окр. [5, с. 402]; *божи колач*: I. Михайловгр., Видин. окр. (хозяин разрезает и поднимает меньшую часть с «благословией») [2, с. 296]; *колаче*: III (детям). [5, с. 389]; *коледник*: III. [7, с. 500]; Соф. окр. [33, с. 6]; *колежданска кукла*: III. Врач. окр. [36, с. 62]; *колисар*: III. (детям). Врач. окр. [36, с. 62]; *кон*: II. [45, с. 77]; *кофръг*: см. *коериг*; *кошери*: II. [2, с. 284]; *кошара*: II. *говезжда, овца кошара*. Плев. окр. [5, с. 398]. *кошнице*: III (девочкам). Врач. окр. [36, с. 62]. *крава, кравета*: II. Соф. окр. [17, с. 4; 18, с. 207]; *кравай: вит-превит кравай*: III. Плев. окр. [5, с. 400]; *коледен кравай*: III. [56, с. 113]; *колашки кравай*: III. Добруджа [37, с. 304]; *колешки кравай*: III. Там же; *навит кравай*: III. Там же; *плетен кравай*: III. [5, с. 401]; *прав кравай*: III. [5, с. 404]; *преплетен кравай*: [5, с. 401]; *кравайчета*: III (детям). Соф. окр. [57, с. 139]; *кравае*: I (с монетой). Кюст. окр. [26, с. 164; 25, с. 217]; *кръсташ*: I. Соф. окр. [5, с. 409]; *къща*: II. [2, с. 284]; *ливада*: II. [2, с. 284]; *литургия*: I. Михайловгр., Видин. окр. [5, с. 396]; *лозя*: II. [1, с. 119; 45, с. 75]; *меденик*: III. Ямб. окр. [5, с. 414]; *наречник*: III. [55, с. 44]; *наречняк*: III. Варн. окр. [5, с. 405]; *наядка*: I. Кюст. окр. [5, с. 411]; *нива*: II. [19, с. 261]; *овца*: II. [45, с. 77]; *овчарник*: II. Соф. окр. [17, с. 6]; *орач*: II. Врач. окр. [36, с. 62]; *обфърица*: II (для чабанов). Видин. окр. [58, с. 262]; *параклис*: I. Врач., Плев. окр. [5, с. 396, 397]; *парастас*: III. Русен. окр. [59, с. 4]; *пита*: I (со знаками). Соф. окр. [33, с. 6]; (с монетой). Кюст. окр., Добруджа [19, с. 262; 37, с. 305]; *богова пита*: I. Плев., Кырдж. окр., Добруджа [5, с. 400, 417, 418; 37, с. 305]; (с монетой). Пловд. окр. [27, с. 11]; *кадилска пита*: I. Пирин [22, с. 424]; *пита за кадене*: I. [2, с. 296]; *питка*: I (с монетой и знаками). Кюст. окр. [8, с. 395]; *плуз валявица*: II. [45, с. 77]; *погача*: I. Соф. окр. [33, с. 6]; (с монетой). Кюст. окр. [47, с. 25]; (со знаками). Соф. окр. [17, с. 4]; *шарена погача*: I. Пирин [22, с. 425]; *погаче*: I. (с монетой). Соф. окр. [54, с. 133]; *богородично погаче*: I (с монетой и знаками). Соф. окр. [18, с. 207]; *погаченце*: I (с монетой). Кюст. окр. [10, с. 188]; *превитък*: III (детям). Плев. окр. [5, с. 389]; *рало*: II. Соф., Ямб. окр. [5, с. 410, 414]; *свиня, свинка*: II. [2, с. 284]; *светец, светъц*: I. Видин. окр. [5, с. 393—396]; *славитарче*: III. [19, с. 263]; *тож*: II. Соф. окр. [5, с. 409]; *турта*: I. Соф. окр. [60, с. 1]; (X)*арман*: II. В.-Тырн., Варн. окр. и др. [5, с. 400—416]; (X)*ижа*: II. [45, с. 76]; *хляб: бсжичев хляб*: I. [56, с. 113]; *леп за орачо*: II. Соф. окр. [17, с. 4]; *черковник*: I. Соф. окр. [5, с. 410].

⁴ В связи с чрезвычайной распространенностью этого термина мы не даем перечисление районов, где он зафиксирован.

1. *Вакарелски Хр.* Пластиката по обредните хлябове у българите. — Известия на института за изобразително изкуство. София, 1960, № 3.
2. *Янева Ст.* Композицията в изображенията на обредните хлябове на Бъдни вечер. — В кн.: Обреди и обреден фолклор. София, 1981.
3. *Толстой Н. И., Толстая С. М.* К реконструкция ддревной духовной культуры (лингво-этнографический аспект). — В кн.: Славянское языкознание. VIII Международныи съезд славистов. Загреб — Люблина, сентябрь 1973. Доклады съездыской делегации. М., 1978.
4. *Потебня А. А.* О мифическом значении некоторых обрядов и поверий. М., 1865.
5. *Маринов Д.* Народна вяра и религиозни народни обичаи. — В кн.: Маринов Д. Избрани произведения. Т. I. София, 1981.
6. *Хаджийски Ив.* Бит и душевност на българския нарѣц. Т. I—II. Сѳрия, 1936.
7. *Вакарелски Хр.* Етнография на България. София, 1977.
8. *Захариев Й.* Кюстендилска котловина. София, 1933.
9. *Ташев Г.* Село Петково. София, 1933.
10. *Захариев Й.* Пиянец. — СБНУ, т. XLV, 1949.
11. *Герова Н.* Речник на българския език, Т. I—VI. Сѳрия, 1975—1978.
12. Народни клетви из Ахъ-Челебийско. Зап. Ст. Н. Шишков. — Славяневи гори, т. II. Пловдив, 1894.
13. *Петков П. Ив.* Еленски речник. — БД, т. VII, 1974.
14. Болгарско-русский фразеологический словарь. М., 1974.
15. *Петров П.* Принципи за събиране на обредни хлябове. — Музеи и паметници на културата. София, 1969, № 1.
16. *Мартинов А. П.* Народописни материали от Граово. — СБНУ. Т. XLIX. София, 1958.
17. *Спасов Ст. Д.* Обичаи периодически от с. Бариево (Софийско). — СБНУ. Т. XVI—XVII, ч. II, 1900.
18. *Ангелова Р.* Село Радуил, Самковско Народописи и говор. — ИССФ, т. VIII—IX, 1948.
19. *Вакарелски Хр.* Старинните елементи в българските народни обичаи. — В кн.: През вековете. София, 1938.
20. *Калева Т. А.* Болгары. — В кн.: Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Зимние праздники. М., 1973.
21. *Раковски Г.* Българска старина. Т. I. Букурещ, 1855.
22. Пирински край. Етнографски, фолклорни и езикови проучвания. София, 1980.
23. *Арнаудов М.* Фолклор от Еленско. — СБНУ, т. XXIII, 1913.
24. *Каравелов Л.* Памятники народного быта болгар. М., 1838.
25. Кюстендилските полчани и техният говор. — ИССФ, т. VII, 1931.
26. *Захариев Й.* Кюстендилско краище. — СБНУ, т. XXXII, 1916.
27. *Гълъбов С.* Коледни обичаи, песни и благословии от Пловдивско. — СБНУ, т. XII, 1895.
28. Трънски край. Ред. Р. Тодоров. Сѳрия, 1940.
29. *Атанасов П.* Коледни обичаи, песни и благословии от Добричко. — СБНУ, т. IX, 1893.
30. *Вакарелски Хр.* и др. Бит и език на тракийските и малоазийските българи. Ч. 1. Бит. София, 1935.
31. *Вакарелски Хр.* Българските празнични обичаи. София, 1943.
32. Народни обичаи из с. Пишман-кьой, Магарска кааза. Зап. Ст. Н. Шишков. — Родописи напредък. Т. VI. Пловдив, 1908.
33. *Вакарелски Хр.* Коледните празници в Софийско. — Сердика. София, т. III, 1939.
34. *Виноградова Л. Н.* Зимния календарна поезия западних и восточных славян. Генезис и типология колядования. М., 1932.
35. *Константинов Д.* Жеравна в миналото и до ден днешен. Жеравна, 1943.
36. *Ценкуловски Н.* Обредни хлябове от гр. Койнаре. — Български фолклор, 1978, № 3.
37. Добруджа. Етнографски, фолклорни и езикови проучвания. Сѳрия, 1974.
38. *Живков Т. Ив.* Българската коледарска благословия. — Известия на Етнографския институт с музей. Т. XV. София, 1974.
39. *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Каравай. — В кн.: Мифы народов мира. Т. I. М., 1980.
40. *Гораз Г.* Странджанският говор. — БД, т. I, 1932.
41. *Аранудов М.* Северна Добруджа. — СБНУ, т. XXXV, 1923.
42. Български гълъвовед речник. Сѳрия, 1974.
43. *Бояджиев Т.* Речник на говора с. Съчяли, Гюмюрджанско. — БД, т. VI, 1971.
44. *Стойчев Т.* Родописи речник. — БД, т. V, 1970.
45. *Маринов Д.* Жива старина. Т. I. Русе, 1891.
46. *Младенов Ст.* Етимологически и правописен речник на българския книжовен език. София, 1941.
47. *Ангелов Г.* Кюстендил. Кюстендил, 1900.
48. *Младенов М.* Лексиката на ихтиманския говор. — БД, т. III, 1968.
49. *Хайтов Н.* Село Яврово, Асеновградско. Сѳрия, 1953.
50. *Петров К.* Принос към говора на гр. Котел. — ИССФ, т. III, 1903—1910.
51. *Ралева Л.* Говорът на с. Войнягово, Карлѳско. — БД, т. VII, 1977.
52. *Попгеоргиев Ст.* Из лексиката на с. Чешдегирово, Пловдивско. — БД, т. I, 1962.

53. *Гълъбов Л.* Говорът на с. Доброславци, Софийско. — БД. т. II, 1965.
54. *Кеков Ив. П.* Народописни, животописни и езикови материали от с. Бобошево. — Дупнишко. — СБНУ, т. XLII, 1936.
55. *Колева Т. А.* Зимний цикл обычаев южных славян. (К вопросу о структурно-типологическом анализе обрядности). — Советская этнография, 1971, № 3.
56. *Вакарелски Хр.* Дохристиянски елементи в коледните на обичаи. — Българска реч, т. VII, 1932—1933, № 3.
57. Фолклор и народни обичаи от Ботевград. Ред. Цв. Романска. София, 1968.
58. *Младенов М.* Говорът на Ново село, Видинско. София, 1968.
59. Коледни обичаи, песни и благословии от Русе. Зап. Д. Г. Сокеров. — СБНУ, т. XIII, 1896.
60. Коледни обичаи, песни и благословии от Новоселска околия, Софийско. Зап. В. Иванов. — СБНУ, т. VIII, 1892.

СОКРАЩЕНИЯ

- БД — Българска диалектология. Проучвания и материали. София.
 ИССФ — Известия на семинара по славянска филология при Университета в София, София.
 СБНУ — Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. София.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В ГАБСБУРГСКОЙ МОНАРХИИ ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИЙ 1848 — 1849 ГОДОВ

Коллективная монография «Освободительные движения народов Австрийской империи (Период утверждения капитализма)» [1] является тематическим и хронологическим продолжением труда [2], доведенным вплоть до начала 70-х годов XIX в. Такой хронологический рубеж обусловлен тем, что преобразования буржуазно-демократической революции в Австрии, как указывал В. И. Ленин, закончились к 1867 г., т. е. к моменту австро-венгерского соглашения, причем вся перестройка государственной структуры габсбургской монархии и консолидация новой, дуалистической системы произошла в начале 70-х годов XIX в. (по времени совпадает и с провалом чешско-австрийского соглашения — попытки федерализации империи в 1871 г.) [1, с. 6—7, 53—55]. Понятно, что такой комплексный сравнительно-исторический труд был встречен с большим интересом советской и зарубежной научной общественностью (см. [3; 4; 5; 6] и др.), и поэтому ввиду наличия уже целого ряда специальных рецензий и откликов в обзорных и исследовательских статьях советских и зарубежных ученых (см. [7; 8; 9]), целесообразно здесь остановиться лишь на некоторых, на наш взгляд, принципиально важных положениях данного труда, высказать определенные пожелания, возникающие при чтении этой ценной работы.

Прежде всего необходимо подчеркнуть особую значимость и перспективность избранного авторским коллективом направления научного поиска, т. е. широкого историко-сопоставительного анализа; именно такой сравнительный анализ судеб национальных движений в австрийской монархии и итогов межнациональных отношений после перехода от неабсолютизма к австро-венгерскому дуализму дает возможность представить

по-новому политическую обстановку внутри многонационального государства в период утверждения капитализма, в начальную эпоху развития рабочего и социал-демократического движения, когда на австрийском горизонте уже были видны зори Парижской коммуны. Вместе с тем не только такой «горизонтальный» срез, т. е. показ всего сложного национального спектра освободительных движений в течение одного периода, важен в научном плане для более глубокого понимания развития народов крайне пестрой в экономическом и национальном отношении дунайской монархии. Весьма ценно и стремление авторов и редколлегии труда создать исследование многослойное, комплексное, сопрягающее анализ явлений и процессов экономической и политической истории, социальной и сословной, идеологической и этнодемографической. Такая многоплановость, естественно, придает новые краски сложной панораме исторического развития народов Австрийской империи, позволяет сделать интересные обобщения и новые выводы, несмотря на наличие обширной литературы о прошлом каждой из национальностей и составных частей державы Габсбургов, опубликованной в СССР и за рубежом (в каждой из стран данного региона: Чехословакии, Венгрии, Югославии и др.).

Хочется особенно отметить, что подробное рассмотрение идейно-политических принципов и программ национальных движений (итальянского, чешского, словенского, венгерского, хорватского, сербского, словацкого, румынского, польского, украинского), составляющее основу и принципиально важную часть книги, надежно подкреплено анализом развития разных земель империи, положения в промышленности и сельском хозяйстве, показом изменений социаль-

ной структуры общества и соответственно социальных основ всех этих национальных движений. Следует особо подчеркнуть, что здесь весьма наглядно охарактеризован социальный облик руководящих деятелей того или иного национального движения или партии, который, естественно, был взаимосвязан с экономическим развитием или отсталостью соответствующих районов монархии, более того — с положением этих земель в государственно-политической системе габсбургской империи. Мы имеем в виду и важность выводов о неравномерности развития капитализма в рамках этой лоскутной державы, о сохранении полуфеодальных отношений в сельском хозяйстве и засильи помещиков во многих областях, о наличии ступенчатой автономии (т. е. особом положении Галиции и Хорватии) и т. д.

В свою очередь подробное освещение в книге идеологических основ национальных движений, проблем буржуазного радикализма и буржуазной революционности, программ преобразования дунайской монархии закономерно приводит к важным обобщениям собранного разнообразного материала о деятельности революционной демократии, попытках межславянского сотрудничества, общих и специфических чертах, формах и международных связях общественно-политических движений и деятелей той поры. Понятно, что авторы книги, рассматривая проблему политической ориентации национальных партий, уделяют большое внимание взаимоотношениям славянских народов Австрийской империи с Россией, притом не только официальными кругами, но и другими слоями русского общества, прежде всего — русской революционной демократией. Не вызывает сомнений, что в этой книге, адресованной советским и зарубежным читателям, большой интерес представляет рассмотрение оценок, которые давали русские революционные демократы сложной обстановке в дунайской монархии и положению поработанных Габсбургами народов этого региона, анализ связей представителей русского общества с национальными движениями австрийских славян.

В то же время, касаясь данного, принципиально важного и весьма перспективного направления исследований, мы хотели бы коснуться и проблем композиции, построения труда и отдельных его глав, поскольку это имеет немалое значение для работ историко-сравнительного плана. Речь идет о больших трудностях освое-

ния, изложения, обобщения того необычайно многообразного фактического материала, который привлечен и проанализирован авторами труда. Здесь, разумеется, дело не только в значительном объеме информации, но и в наличии ряда смежных, порой переплетающихся аспектов разноплановой панорамы, в необходимости поэтому прибегать иногда к заметной дробности в структуре книги. С этой нелегкой задачей, по нашему мнению, авторы и редколлегия в целом справились удачно, хотя нельзя не согласиться с мнением одного из рецензентов о встречающихся повторах, о сложности системы ссылок на литературу и источники [3, с. 99]. Вместе с тем, оценивая композицию книги, хотим заметить, что было бы более целесообразно объединить все параграфы книги, посвященные широкой и необычайно актуальной теме «Россия и народы Австрии»; в настоящее время они разделены по трем главам в соответствии с принятой авторским коллективом структурой труда. Наше предложение обусловлено не только широким распространением и ныне в реакционной буржуазной историографии тенденциозных и антинаучных утверждений о политике России и панславизме в тот период, но и тем, что специальных монографий по этой теме не так уж много (см., например: 10 и др.); наконец, и тем, что выделение этой темы в виде специальной главы закономерно усилило бы значимость тех опровержений названных выше фальшивых тезисов буржуазной литературы, о чем уже говорится в рецензируемой работе.

При анализе форм и средств легальной политической борьбы было бы целесообразно раскрыть роль публицистики, газет и журналов не в одном небольшом абзаце (с. 285—286) и отдельных (хотя и весьма многочисленных) отсылках на органы национальной периодической печати, рассеянных по разным страницам книги, а в специальном и более обширном разделе. В этом случае, как нам представляется, можно было бы выявить любопытные различия и особенности в этой немаловажной сфере национального самосознания; так, например, в книге не говорится о наличии газет у трансильванских румын, добавим, что в северной Буковине, в частности, не было украинской прессы до 1885 г., и это представляет разительный контраст с Чехией, Воеводиной и др.

Нельзя не высказать пожеланий и в плане терминологии, поскольку неко-

торые наименования здесь либо вовсе не поясняются, либо разъяснение дается лишь в последующем изложении (см., например, о так называемой венгерской директории — с. 142 и 145, о «станьчихах» — на с. 110 и 200, причем, смысл этого прозвища остается неясным). В других разделах не объясняется соотношение похожих (или идентичных) названий вроде «львовских демократов» (с. 110 и др.) — «национально-демократического общества» (с. 287); не совсем удачен термин «Приднепровская Украина» (с. 204, 330), не пояснен термин «Львовская лава белых» (с. 279—280).

Другие замечания возникают при знакомстве с определенными положениями этнополитического характера, с оценками и характеристиками, которые даны некоторым деятелям и группировкам той поры. Например, весьма важна и интересна глава «О формировании наций в Австрийской империи»¹, однако изложенный здесь материал о развитии многих национальностей (в особенности — о чехах, венграх, сербах, поляках, украинцах) хронологически не вполне согласуется с основным текстом труда, поскольку в данных разделах речь идет преимущественно о процессах становления этих наций в XVIII — первой половине XIX в., но не после революций 1848—1849 гг. Редколлегии следовало бы специально оговорить (на с. 361 или во введении), что эта глава посвящена этносоциальным вопросам в хронологических рамках обеих книг по истории национальных движений в Австрии [1; 2].

В заключение хотелось бы высказать ряд соображений по поводу истории сербской нации и сербского национального движения в Воеводине. Совершенно справедливо здесь отмечено, что для развития национального самосознания у сербов (как и у других народов империи) имел особое значение фактор разделения единой этнической территории политической границей, в силу чего сербы Воеводины, Хорватии и Далмации представляли лишь часть формирующейся сербской нации и поэтому для понимания этнических процессов той поры нужно учитывать наличие оживленных общественных и экономических связей сербов (в рамках Австрии) с их братьями в Сербии (с. 363, 382—384). Но, вероятно, одновременно нужно иметь в виду и замет-

ную специфику, присущую именно Воеводине, но вовсе не Сербскому княжеству (см., например, на с. 382 — о главенствующей роли духовенства в Воеводине). Быть может, в известной мере вследствие переоценки некоторых аспектов этносоциального развития мы находим в книге и констатацию, что влияние революционной демократии в Австрийской империи было значительным лишь среди сербов (с. 216; иными словами — в Воеводине?). Между тем, как известно, Св. Маркович жил в Воеводине недолго, а социалистические газеты издавались и его сторонниками в Сербском княжестве, а не в пределах дунайской монархии (ср. с. 210—214; 11, т. 2, с. 208). Видимо, следовало бы дать и более подробную характеристику Вл. Йовановичу как идеологу сербского либерализма той поры (ср. с. 173, 321, 326), уточнить положение об едином сербском литературном языке накануне реформы В. Караджича, поскольку в действительности языковая ситуация была более сложной (с. 382; ср. [13, с. 272—273]). Программы сербского национального движения, на наш взгляд, сформулированы не совсем четко, что относится в особенности к упомянутому здесь лозунгу «Душанова царства» и стремление к освобождению и объединению всех сербов (с. 171, 173). Однако сербское государство Неманичей, как известно, не включало ни Боснии, ни южных областей средневекового Венгерского королевства (т. е. современной Воеводины), и поэтому в книге, видимо, надо было сказать подробнее о романтической и патриотической идеализации феодальной государственности как примечательной особенности некоторых национальных программ.

Вполне понятно, что все эти или подобные мелкие замечания не могут ни в коей мере снизить общего весьма благоприятного впечатления от данного труда, который стал чрезвычайно ценным вкладом советской науки в исследование положения народов габсбургской державы. Напротив, даже те соображения, которые возникают по конкретным вопросам, вновь подчеркивают научную значимость достигнутых результатов как для дальнейшего анализа политической и социальной обстановки внутри этого многонационального государства, так и для дальнейшего изучения закономерно появляющихся при этом проблем связей австрийских славян с соседними народами (прежде всего — с Россией), как и с другими частями соответствующих

¹ См. подробнее [12].

наций (т. е. сербской, украинской, польской и др.).

Наумов Е. П.

ЛИТЕРАТУРА

1. Освободительные движения народов Австрийской империи. Период утверждения капитализма. М., 1981, 464 с. Отв. ред. В. И. Фрейдзон.
2. Освободительное движение народов Австрийской империи. Возникновение и развитие. Конец XVIII в.—1849 г. М., 1980.
3. Удальцов И. И. Проблемы освободительного движения народов Австрийской империи.— Советское славяноведение, 1980, № 4, с. 94—100.
4. Павленко Г. В., Русин И. И. Рец. на кн.: Освободительные движения народов Австрийской империи. Возникновение и развитие.— Новая и новейшая история, 1981, № 2, с. 180—182.
5. Павленко Г. В., Русин И. И. Рец. на кн.: Освободительные движения народов Австрийской империи (период утверждения капитализма).— Новая и новейшая история, 1982, № 1, с. 189—192.
6. Sestak M. Významný přínos sovětske

historické vědy. Slovanský přehled, 1982, № 2, s. 126—129.

7. Манусевич А. Я. Новая и новейшая история стран Центральной и Юго-Восточной Европы в трудах советских историков в период между XXV и XXVI съездами КПСС.— Новая и новейшая история, 1980, № 6, с. 31.
8. Марков Д. Ф. За дальнейшую интеграцию исследований в общественных науках.— Вопросы философии, 1982, № 1, с. 86—87.
9. Matula V. Prechod od feudalizmu ku kapitalizmu a formovanie slovenského národa.— Historickí časopis, 1982, № 1, s. 45.
10. Чуркина И. В. Словенское национально-освободительное движение в XIX в. и Россия. М., 1978.
11. Историја српског народа у шест књига. Књ. 5. Од Првог устанка до Берлинског конгреса, 1804—1878. Т. 1—2. Београд, 1981.
12. Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Исторический и историко-культурный аспекты. М., 1981.
13. Толстой Н. И. К историко-культурной характеристике «славяносербского» литературного языка.— В кн.: Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977.

Вопросы истории славян. Ред. Мананчикова Н. П. Воронеж, 1982, 115 с.

С 1963 г. кафедра истории средних веков и зарубежных славянских народов Воронежского университета издает сборники «Вопросы истории славян». Всего вышло семь выпусков. Последний в основном посвящен актуальным, малоизученным вопросам русско-болгарских и русско-сербских революционных и общественных связей в 60—70-е годы XIX в.; кроме того, в него вошли работы, затрагивающие проблемы новейшей и средневековой истории. Помимо преподавателей воронежских вузов в сборнике участвуют ученые из Москвы, Харькова, Перми, Чимкента.

Открывается выпуск статьей С. П. Бобровой «К вопросу об освещении Г. Бакаловым русско-болгарских революционных связей 60—70-х годов XIX в.». Несмотря на то, что о выдающемся болгарском ученом и общественном деятеле существует обширная литература, С. П. Боброва нашла свое направление исследования. Она подчеркнула, что Г. Бакалов, изучая болгарское Возрождение, не случайно взялся за указанную тему — она диктовалась идеологической борьбой ме-

жду марксистами и представителями буржуазных и правосоциалистических партий, в которой коммунисты отстаивали революционное интернационалистическое наследство от всевозможных спекулятивных притязаний. Учила Боброва и научную значимость вопроса межславянских отношений, поднятого болгарским патриотом. В ее статье проанализированы все наиболее известные произведения Бакалова. В результате аргументированно звучит вывод о том, что проблема революционных связей между болгарскими и русскими с 20-х годов нынешнего века занимает одно из ведущих мест в тематике его исследований.

По публицистическим сербским материалам и историческим работам известного русского слависта Н. А. Попова написана статья Е. П. Наумова «Политическая борьба и общественное развитие Сербии в начале 70-х годов XIX в.». В то время в стране наблюдалась сложная, напряженная обстановка, характеризующаяся борьбой различных социальных сил. Автор показал, как сербские демократы и левые либералы, стремясь

укрепить свое влияние на массы, использовали переводы трудов Попова «для отпора консервативным силам» (с. 22). Исследуя содержание примечаний, сделанных переводчиками, Наумов установил, что их целью было разоблачение злобных нападок реакционных сербских политиков на Россию. Все издание служило делу расширения русско-сербских связей. Статья интересна и тем, что позволяет уточнить оценку работ Н. А. Попова, о котором историками высказываются противоречивые суждения.

С. П. Боброва и Т. В. Козберг написали статью «Отношение русской периодической печати к болгарскому национально-освободительному движению 60—70-х годов XIX в. в оценке советской историографии». Соавторы подытожили результаты многолетних исследований ряда ученых, прежде всего обратив внимание на то, какие критерии и принципы подхода выработали советские исследователи, изучавшие прессу в качестве исторического источника. Проблема рассматривается и в источниковедческом и в историографическом планах.

Л. Г. Драйзер в статье «Русская пресса 70-х годов XIX в. об откликах европейской общественности на Боснийско-герцеговинское восстание» рассмотрела печать различных политических течений и показала, как в зависимости от классово направленной того или иного издания менялась оценка событий.

В статье А. З. Нюркаевой «К вопросу о социальной структуре Сербии в начале XX в.» использованы различные статистические справочники первого десятилетия нынешнего столетия для подтверждения того, что в Сербии в то время капиталистические отношения отличались слаборазвитостью. Нюркаева прослеживает, как уровень капиталистического развития страны отразился на соотношении классовых сил и на структуре пролетариата в стране. Она делает вывод, что под воздействием международного рабочего движения, особенно русского, процесс созревания политического сознания рабочих развивался в Сербии «более высокими темпами, нежели это позволяли социально-экономические условия страны» (с. 88). Вывод автора позволяет понять и некоторые процессы классовой борьбы в ряде регионов современного нам мира.

И. Г. Яну опубликовал статью «Боевое содружество болгарских и греческих патриотов в годы второй мировой войны». На русском языке о сотрудничестве этих

борцов против фашизма в минувшей войне написано мало, и потому работа, в которой приведены яркие факты, читается с интересом. В ней подчеркнуто, что руководителями и вдохновителями действий патриотов были Коммунистическая партия Греции и Болгарская рабочая партия.

Узкие рамки проблематики статьи Н. Т. Сапроновой «Реформа народного образования 1921 г. в Болгарии (Историография и источники)» лишили по существу работу самостоятельного значения. Создается впечатление, что это фрагмент более крупного труда о политике правительства Земледельческого союза в области культуры.

В статье Г. И. Чернявского «Возникновение болгарской марксистско-ленинской археологии в области новейшей национальной истории» сделан обзор болгарских публикаций документов, вышедших за период 1944—1956 гг. Причем автор указывает и рецензии, в которых отмечены археологические ошибки и промахи этих изданий, что делает работу удобным справочным пособием.

Используя чешские и польские хроники, В. К. Ронин написал статью «Славянская политика Карла Великого в средневековой традиции западнославянских земель». Автор объявляет мифом представление о Карле как завоевателе славянских народов. По его мнению, дело обстояло иным образом. Политическим устремлениям франкского императора «объективно соответствовали союзы со славянами против общего противника (саксов и аваров) или — в иных случаях — попытки Карла установить ненадолго контроль над восточными соседями, дабы предотвратить их нападение на территорию Империи...» (с. 98—99). Рассуждения В. К. Ронина заслуживают самого внимательного изучения. Следует лишь заметить, что поскольку историки для освещения восточной политики Карла I пользуются «Жизнью Карла Великого», написанной Эйнгардом, данный источник необходимо подвергнуть тщательному анализу и непременно проследить его соотношение с «Королевскими анналами», откуда биограф императора почерпнул много сведений. Пока же В. К. Ронин ограничился заявлением: «Мы не имеем здесь возможности подробно разбираться в данных Королевских анналов о франко-славянских связях VIII — начала IX в.» (с. 98). Убедительность доказательств возрастет, если автор в дальнейшем сочте

нужным проследить, в силу каких обстоятельств историки нового времени (Ф. Палацкий, М. К. Любавский и др.) слепо, некритично подошли к средневековой традиции освещения отношений между франками и славянами.

Завершает сборник работа В. В. Захарова «К вопросу о коммунальном (государственном) землевладении в системе аграрного строя Далмации XIII—XV вв.». В ней рассматривается процесс эволюции земельных владений отдельных городских коммун, приводивший к укреплению в далматинских городах типично

феодальных отношений. Тем самым дается лишний аргумент тем медиевистам, которые считают средневековый город феодальным явлением.

Все вошедшие в сборник материалы в той или иной мере найдут применение в преподавательской практике и в научной работе, как это уже имело место с предыдущими выпусками. В связи с этим заметим, что редколлегия неоправданно отказалась от указания порядкового номера издания, как практиковалось ранее.

Иванов Ю. Ф.

J. NOVÁK. Rodové erby na Slovensku. 1. Kubínyiho zbierka pečati. Martin, 1980, 373 s.

И. НОВАК. Словацкие родовые гербы

Рецензируемая книга известного чехословацкого геральдиста Йозефа Новака посвящена геральдико-генеалогическому исследованию коллекции печатей, собранных М. Кубини. Во введении автор отмечает важность изучения гербов как для воссоздания истории формирования класса феодалов в Словакии, так и для разработки проблем социально-политической истории вообще. Здесь же обосновывается переход не к последовательному геральдико-генеалогическому исследованию словацких дворянских родов, а к «исследованию отдельных замкнутых геральдических целых», что, по мнению автора, «предохраняет исследователя от самовольного отбора материала» (с. 8—9).

Коллекция печатей Микулаша Кубини хранится ныне в музее Оравского замка. В книге рассказывается о происхождении этого уникального геральдического комплекса. М. Кубини (1840—1937) по образованию был юристом. В 1864 г. он заканчивает курс Будапештского университета и становится адвокатом, однако, много времени отдает изучению древней и новой истории, археологии Оравского края. Основу коллекции, которую он закончил собирать к 1879 г., составили печати с писем из архива семьи Турзо, относящиеся к концу XVI — началу XVII в. 298 печатей с фамильными гербами трансильванских князей, высших светских и духовных чиновников, князей церкви, представителей венгерской, польской, словацкой аристократии, собранные

М. Кубини, представлены в фотоальбоме, составляющем 32 таблицы приложения.

Отдельная глава посвящена общим вопросам фамильной геральдики (с. 11—27). Отмечая ее возникновение как одного из институтов феодальной иерархии и регламентации, автор подробно рассматривает вопросы функционирования герба, его назначения. Заканчивается глава изложением основных особенностей европейской (в том числе словацкой) геральдики.

Геральдико-генеалогическое описание печатей дано в алфавитном порядке родовых прозваний. Автор старался дать сведения по каждой печати по единой схеме: родовое прозвание владельца, его варианты; резюме сведений предшествующих генеалогических источников, их научная критика; биография владельца печати; анализ герба, по возможности, с привлечением других вариантов.

Много места в книге занимают иллюстрации: представлены цветные изображения гербов, если цвета подтверждены соответствующими источниками, или черно-белые рисунки, если нет точных указаний.

Сведения, приводимые в книге, несмотря на их фрагментарность (ограниченность одной коллекцией, период — рубеж XVI и XVII столетий), собранные воедино представляют, на наш взгляд, неплохой пример (или прообраз) для будущих обобщающих историко-биографических

энциклопедий. Проведенный разбор печатей коллекции М. Кубини имеет большое значение и для характеристики словацкого служилого сословия, как части общеевропейского класса феодалов, освещенной на территории Словакии и сроднившейся с группой коренных землевладельцев.

Исследование снабжено добротным научным аппаратом: примечаниями, списком литературы (301 позиция) и резюме на русском, немецком, английском и французском языках. К сожалению, в русском резюме имеются отдельные шероховатости: «старшая литература» вместо «древ-

няя», «гербы словацкой аристократии» (с. 341) вместо «аристократии» и т. п.

В целом рецензируемая книга отличается хорошо продуманной структурой, тщательно собранными сведениями и безукоризненным научным аппаратом. Венчающий книгу именной указатель делает ее в справочном отношении еще совершеннее. Надеемся, что исследование Й. Новака по достоинству оценено историками как Словакии, так и соседних стран, и, конечно, работниками архивов и музеев.

Олучин А. Н.

HOŘEVÍZ. Jaroslav Hašek novinář. Praha, 1983, 280 s.

З. ГОРЖЕНИ. Ярослав Гашек-журналист.

Книга Зденека Горжени, изданная к столетию со дня рождения великого чешского писателя, привлекает прежде всего очень четким освещением его жизненного пути и идейного развития. Известно, что жизнеописания Гашека и воспоминания о нем нередко грешат недостоверностью. Это объясняется и неполнотой сведений о некоторых периодах жизни писателя, чрезвычайно к тому же богатой событиями, и тем, что в империи Габсбургов, находясь под наблюдением тайной полиции, Гашек сам нередко прибегал ко всякого рода остроумным мистификациям. В результате об отдельных эпизодах его жизни известно как бы несколько версий. Некоторые мемуаристы и биографы ради занимательности вообще отдавали предпочтение не реальным фактам, а анекдотам, которых немало скопилось вокруг имени знаменитого сатирика наряду с подлинными комическими историями, автором которых был Гашек, часто дававший выход своей энергии юмориста не только в литературе, но и в жизни. Наконец, не было недостатка и в попытках попросту исказить образ писателя, отвлечь внимание от социально-политической критики и сатиры, составляющей сердцевину всего его творчества, от его участия в борьбе за победу Советской власти в России, от его самоотверженной работы на посту политкомиссара Красной Армии. Словацкий поэт и критик-марксист Лацо Новомеский очень точно заметил, что «открытия» Гашека чешской буржуазной критикой были

подчас не лучше замалчивания и выполняли тот же социальный заказ.

В книге З. Горжени подкупает высокая требовательность в обращении с материалом. Его утверждения, как правило, основаны на строго выверенных и критически взвешенных сведениях. Отсюда — стройная и убедительная концепция духовного развития писателя: от его неприятия социально-политической действительности Австро-Венгерской империи к вступлению в добровольческие чехословацкие воинские части в России, боровшиеся против монархии Габсбургов, и наконец — к коммунистическим убеждениям и сознательной борьбе за дело социалистической революции.

Тему «Гашек-журналист» еще никто не освещал. А между тем почти все его рассказы, юморески, фельетоны, памфлеты (их более тысячи двухсот) появились первоначально на страницах периодической печати. В журналах впервые увидели свет и рассказы, давшие жизнь образу Швейка, который получил потом всемирную известность и вошел в галерею наиболее популярных комических персонажей мировой литературы. Гашек работал во многих редакциях, редактировал ряд газет и журналов. В Пятой Красной Армии, вместе с которой он проделал боевой поход в несколько тысяч километров от Волги до Ангары, он руководил изданием газет и журналов не только на русском и чешском, но и немецком, венгерском, сербском и даже бурятском языках. У него было незаменимое для

журналиста качество — мгновенная реакция на происходящее вокруг и блестящий талант публициста и сатирика, мастера фельетона и памфлета. «Он обладал врожденным даром быстро составлять мнение и занимать позицию по отношению к самым актуальным событиям, к злобе дня. Писал он быстро и просто, народным языком, так что каждый понимал его, он точно формулировал мысль, рукописи сдавал почти без правки... Для него не существовало „черной“ редакционной работы. Если было нужно, он с одинаковой готовностью мог написать и несколько строк, и короткую информацию, и очерк, фельетон, статью, передовицу. Журналистика спонтанно стала стихией его жизни» (s. 78—79). Горжени находит у Гашека немало общего с Яном Нерудой и Юлиусом Фучиком, художественное творчество которых также было тесно связано с журналистской работой, способствовавшей накоплению жизненного и литературного опыта.

Отмечая наиболее важные вехи жизни писателя и освещая его наиболее значительные выступления в печати, группируя их по тематике и по типу произведений (при этом некоторые статьи и фельетоны частично или полностью воспроизводятся в книге), Горжени словно воссоздает гашековский путь познания жизни, исканий и обретений. Надо заметить, что такого рода систематизация газетно-журнальных выступлений писателя производится впервые, и в целом ряде случаев можно говорить об определенных открытиях. При ближайшем рассмотрении оказалось, например, что несмотря на все расхождения с чешскими социал-демократами сотрудничество Гашека с социал-демократической газетой «Право лиду» («Право народа») в канун первой мировой войны было и более длительным и более активным, чем с любыми другими периодическими изданиями. Именно здесь он печатал многие наиболее острые в социально-обличительном и политическом смысле сатирические вещи (после того как разошелся с движением анархистов, поняв его бесперспективность и бесплодность). Горжени приходит к выводу, что в предвоенные годы по своим политическим убеждениям Гашек ближе всего стоял к социал-демократам. Это, однако, не мешало ему нередко весьма критически относиться к тем или иным сторонам деятельности этой партии и особенно к ее парламентским иллюзиям.

В предвоенной публицистике и сатире Гашека автор книги особенно выделяет

его постоянную наступательную обличительно-пародийную полемику с реакционной печатью, его антиклерикальную и антивоенную сатиру. В атмосфере борьбы против милитаризма возникли в 1911 г. и рассказы о Швейке, предвещавшие гениальную антивоенную сатирическую эпопею. Горжени называет целую серию антивоенных статей Гашека, написанных в канун мировой войны. Еще в 1913 г. он с тревогой предостерегал об опасности «войны в воздухе» (так называлась и статья), т. е. использования в военных целях авиации. Гашек возмущался учебниками истории, которые нередко превращались в прославление кровавых завоевателей, чей путь «был усеян трупами», «отмечен потоками крови», кто оставлял за собой горизонты, «пылавшие в красном половодье пожаров» и «растоптанную, опустошенную землю». Писатель мечтал о времени, когда «человечество наконец достигнет такого уровня развития, что навсегда умолкнет звон мечей» (s. 71—72). Все это помогает лучше понять, насколько органичным был для писателя и его антивоенный роман о Швейке. Горжени обращает внимание, что общей особенностью творчества трех крупнейших и наиболее читаемых в мире чешских писателей — Гашека, Чапека и Фучика — является «высоко гуманный и актуальный в наши дни антивоенный, антимилитаристский направленность» (s. 10).

Во время мировой войны, не желая говорить за интересы ненавистной Австро-Венгерской империи, Гашек, как известно, сдался в плен и спустя несколько месяцев вступил в чехословацкие добровольческие части, формировавшиеся в России. В книге последовательно прослеживается деятельность Гашека в добровольческих частях и анализируется его публицистика, фельетоны, сатирические выступления и корреспонденции с фронта, печатавшиеся в журнале «Чехослован», который издавался в Киеве на чешском языке. Показан горячий патриотизм писателя и вместе с тем раскрыты противоречия его политических взглядов этого времени, а затем и те изменения в сознании писателя, которые были вызваны падением русского самодержавия и особенно Великой Октябрьской социалистической революцией. Поняв правоту большевиков, поняв, что в России рождается «новый лучший мир» (s. 101), Гашек вступает в 1918 г. в коммунистическую партию и все силы отдает служению революции, ведет огромную политическую ра-

боту в Красной Армии. В одном из воззваний к соотечественникам, воюющим в Пятой армии, Гашек писал: «Каждый чешский рабочий, пролетарий, по-настоящему солидарный с русской революцией, давно уже понял, что единственно русские коммунисты сумели устранить бесправие, чинимое классом богачей, свергли власть буржуазии и указали трудящимся классам всех стран тот единственно правильный путь, по которому должны идти и они, чтобы добиться ликвидации существующего общественного строя» (s. 191).

Большой интерес представляют главы, посвященные публицистической деятельности Гашека после возвращения его на родину и в частности, его выступлениям в газете коммунистической партии «Руде право». Материалы, собранные Горжени, их систематизация и анализ существенно обогащают представления о политической позиции Гашека в это время и еще раз убедительно опровергают домыслы о мнимом отходе Гашека от борьбы, о его «флегматическом» отношении к историческим событиям и процессам этого времени и т. д. Автор книги приводит, в частности, ценное воспоминание о встрече с Гашеком одного из первых редакторов газеты «Руде право» Яна Скалы: «Через два года после того, как кончилась первая мировая война, в редакции однажды появился Гашек; это было вскоре после декабрьской стачки (1920 г.— С. Н.), мы тогда выпускали „Руде право“ в подвальном помещении типографии на Мысликовой улице. Мы приветствовали Гашека как героя пролетарской революции, но он отвел похвалы. „Иначе я и не мог поступить,— произнес он,— я считал это своим долгом. Другие сделали больше и принесли более крупные жертвы, а Красная Армия и советские люди и дальше продолжают героический бой“» (s. 212—213). Как подчеркивает Горжени, на протяжении двух последних лет своей жизни, Гашек пятнадцать раз выступал в газете «Руде право» и за единственным

исключением (когда он опубликовал юмореску) это были острые выступления на важные политические и международные темы. В памфлете «Заседание конференции по разоружению» он жестоко высмеял вапшингтонскую конференцию империалистических держав (ноябрь 1921 г.), названную конференцией по ограничению вооружений, но превратившуюся в поощрение их роста. Особое место среди сатирических статей Гашека в газете «Руде право» занимают его острые, достигающие памфлетного звучания фельетоны и статьи, направленные на разоблачение клеветы о Советской России. Этой теме было посвящено и последнее его выступление в этой газете. Все это дает возможность почувствовать и яснее понять, в какой атмосфере создавалось и главное произведение Гашека — «Похождения бравого солдата Швейка». Огромная сила отрицания мира войн и насилия, заключенная в комической эпопее Гашека, коренится в его революционных убеждениях.

Книга Горжени — существенное пополнение литературы о Гашеке. Она удовлетворяет запросы широкого читателя и одновременно обладает научной ценностью, вносит вклад в исследование его жизни и творчества, позволяет глубже понять их глубокий смысл. «Огромная, широкая, всесторонняя журналистская деятельность этого великана нашей и мировой литературы,— заключает Горжени,— является для сегодняшней прогрессивной, революционной социалистической журналистики живым и актуальным примером. Примером постоянного активного участия в общественной борьбе своего времени, в служении общественному прогрессу... Нейтралистом Гашек никогда не был. Таким же он остается и сейчас. Его творчество — литературное и журналистское — все время сражается на нашей стороне баррикады» (s. 249—250).

Никольский С.

З. УРБАН. Чехи и болгары. Культурные взаимоотношения

Процесс взаимообогащения национальных культур приобретает в наше время особенно интенсивный характер и находит свое выражение в многочисленных взаимных переводах, в изучении культурных и литературных взаимосвязей.

Несомненный интерес представляет в этой связи рецензируемый сборник статей чехословацкого литературоведа З. Урбана, в котором не только исследуются факты культурных и литературных связей и взаимоотношений между Чехией и Болгарией, но и ставятся важные вопросы теоретического характера (например, вопросы периодизации литературных связей).

К изучению болгарской литературы, ее связей и типологических схождений с чешской литературой З. Урбан обратился в середине 40-х годов, когда появились его первые статьи, посвященные литературам южных славян. Это обстоятельство подчеркивает во вступительной статье к книге З. Урбана болгарский литературовед проф. И. Конев, который высоко оценил болгаристические труды чехословацкого ученого, создавшего достаточно широкую панораму болгаро-чешских культурных взаимосвязей XIX—XX вв., обнаружившего новые факты творческих биографий крупнейших представителей болгарской литературы (П. Бероп, Г. Раковский, Х. Ботев, И. Вазов, Н. Вапцаров и др.). В книге З. Урбана произведения этих писателей часто сопоставляются с наследием Б. Немцовой, Я. Неруды, И. Волькера и многих других чешских писателей. Ценность работам З. Урбана придает богатый архивный и другой малоизвестный материал, который ученый впервые вводит в научный оборот.

В сборнике опубликовано 12 различных по жанру работ, посвященных болгаро-чешским литературным и культурным связям. В обстоятельных статьях чешский ученый изучает отклики на литературную и общественную деятельность Г. Раковского в Чехии, судьбу творчества Б. Немцовой в Болгарии, а Х. Ботева — в Чехии, влияние прозы Я. Неруды на творчество некоторых болгарских писателей и т. д. Особый интерес представляет работа, посвященная революционной поэзии И. Волькера и

Н. Вапцарова. Есть в сборнике и небольшие по объему, но интересные исследования частных вопросов болгаро-чешских культурных связей.

Книга открывается обзором «Следами дружбы», который как бы предваряет все остальные статьи о болгаро-чешских литературных отношениях. В обзоре кратко раскрывается богатая фактами и событиями традиция литературных связей Болгарии и Чехии. Здесь рассмотрены истоки болгаро-чешских связей, их развитие в XIX в. в период освобождения Болгарии от османского ига и после освобождения страны. Отдельные разделы обзора посвящены болгаро-чешским литературным связям XX в. и их современному состоянию, здесь намечены темы и вопросы, находящие свое развитие в отдельных статьях сборника.

Добросовестность исследователя, глубокое проникновение в специфику литературно-культурных явлений, оказавшихся в поле его зрения, сочетаются в работах З. Урбана с тонким историко-литературным анализом важнейших проблем болгаро-чешских культурных и литературных взаимосвязей. Рассматривая целый ряд важных литературоведческих вопросов, связанных с творчеством классиков болгарской и чешской литературы, З. Урбан стремится к их всестороннему изучению. В исследовании З. Урбана чувствуется глубокое и всестороннее знание истории болгарской литературы, ее специфики и национального колорита, ее связей с другими литературами. Об этом свидетельствуют такие статьи, как «Божена Немцова и Болгария», «Ботев в Чехии», «Сентябрь 1923 и чешская литература», «Никола Вапцаров и Иржи Волькер» и др.

Большое место в книге З. Урбана отведено периоду активной борьбы болгарского народа за свое национальное освобождение (Апрельское восстание 1876 г. и последующие годы). Автор приводит факты, свидетельствующие об интересе чешской общественности к событиям в Болгарии, к судьбе ее народа, к духовным ценностям болгар.

В сборник включены статьи о восприятии отдельных произведений болгарской литературы в Чехии (например, «Показалец» Г. Раковского и его отзвук в Че-

хии», «Освобождение Болгарии и чешская литература» и др.). В этих и других работах З. Урбан настойчиво проводит мысль о том, что интерес чехов к истории и культуре болгар был одним из составных элементов демократизации чешской культуры. Особенно ярко это иллюстрируется на примере реценции Х. Ботева в Чехии и др. Интересно, что первые чешские переводы этого болгарского поэта-революционера были вообще первыми переводами его произведений за рубежом. Дело Х. Ботева, его поэтические и социальные идеалы, восприятие его в Чехии, установление подлинности воспоминаний Я. Тужимского о нем — все эти вопросы впервые исследовались в работах З. Урбана.

В статьях, посвященных Апрельскому восстанию 1876 г., во время которого погиб Х. Ботев, и в ряде других статей чешский ученый рассматривает связь творчества Х. Ботева с другими славянскими литературами. З. Урбан включает в свои статьи интересную научную информацию, иллюстрирует их фольклорными материалами, фактами из различных периодов истории болгарской литературы, что обогащает исследования, дает возможность рассматривать конкретные темы на широком историко-литературном фоне.

Значительное внимание З. Урбан уделит проблемам восприятия чешской литературы в Болгарии. В статье «Отношение Ивана Вазова к Чехии и чешской культуре» автор подчеркивает интерес классика болгарской литературы к чешской культуре и к чешскому народу. Автор убедительно показывает, что этот интерес не был случайным у И. Вазова и у ряда других болгарских писателей, но являлся прямым следствием активного развития болгаро-чешских связей в 80—90-е годы прошлого века.

Значительный интерес представляет статья «Никола Вапцаров и Иржи Волькер», в которой исследуются мотивы интереса болгарского поэта-антифашиста к творчеству И. Волькера.

Стиль статей З. Урбана привлекает своей простотой и естественностью изложения материала, эмоциональностью, убедительностью. Статьи читаются легко, с неослабевающим интересом. Книга З. Урбана о болгаро-чешских литературных связях привлечет внимание всех, кто интересуется межславянскими литературными связями и вопросами развития литератур социалистических стран.

Грибовская А. И., Мсторный В. А.

НОВЫЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ «СЛАВЯНСКОЙ БИБЛИОТЕКИ»

В журнале «Советское славяноведение» уже не раз сообщалось об издаваемых в Праге Славянской библиотекой, входящей в состав Государственной библиотеки ЧСР¹, славянистических библиографиях, объединенных общим серийным названием «Библиография Славянской библиотеки» [1]. Выпуск этой серии был начат в послевоенные годы по инициативе бывшего директора библиотеки д-ра Йозефа Стрнадела, с 1978 г. его успешно продолжает нынешний руководитель Славянской библиотеки д-р Иржи Вацек.

Насколько последовательно и интенсивно ведется библиографическая работа в Славянской библиотеке позволяют судить факты. Напомним в этой связи лишь некоторые ее библиографические издания,

вышедшие в минувшем десятилетии: Чешско-русские и словацко-русские литературные связи (сост. А. Я. Огнева, 1973); Сергей Есенин в чешской литературе (сост. Б. Флорианова, 1974); М. Е. Салтыков-Щедрин в чешской литературе (сост. В. Влашинова, 1976); В. А. Францев. Библиография (сост. Т. Силлаба, 1977); Россия 16—18 столетий в замковых и дворцовых библиотеках Чехии и Моравии (сост. Й. Сладек, 1977); Кирил Христов в Чехии (сост. З. Урбан, 1978); Библиография работ Л. С. Кишкина (сост. А. Я. Огнева, 1978); Ян Гебауэр. Библиография опубликованных работ (сост. Т. Силлаба, 1979)².

¹ Истории Славянской библиотеки посвящена специальная публикация [1, 1978, № 2, с. 117—119].

² Описание большей части названных публикаций содержится в заметке «Славянская библиотека и славистика» [1, 1981, № 4, с. 122].

В настоящей заметке содержится короткая информация о новых библиографических изданиях Славянской библиотеки, появившихся в последние годы. В 1980 г. библиотекой была издана библиографическая работа «Чешско-польские литературные отношения» (сост. М. Поглеиова) [2], включающая в себя всю литературу по данной тематике за период с 1945 по 1979 г. Она как бы продолжает ту библиографическую линию, в начале которой стоит библиографический справочник А. Я. Огневой «Чешско-русские и словацко-русские литературные связи». Библиография М. Поглеиовой опирается на материалы, имеющиеся в Славянской библиотеке, и, в отличие от упомянутой библиографии А. Я. Огневой, учитывает публикации обеих взаимодействующих сторон, т. е. польской и чешской. В указателе входит 895 библиографических позиций. Выборочному библиографическому перечню предшествует вводная статья составителя, а также «Краткий обзор чешско-польских литературных отношений и их участников». Издание сопровождается перечнями диссертаций и дипломных работ по данной теме, использованных периодических изданий из фондов Славянской библиотеки и указателем имен.

Две библиографические публикации подготовила Славянская библиотека в 1981 г. Первая из них — «Радегаст Паролек. Библиография опубликованных работ» (сост. Т. Силлаба и М. Кржепинска) [3]. В ней учтены 391 публикация профессора Карлова университета Р. Паролека, которому в 1980 г. исполнилось 60 лет. В большинстве случаев это работы по истории русской классической и советской литературы, литературы народов Советской Прибалтики и других народов СССР. Некоторые работы Р. Паролека посвящены русско-чешским литературным связям.

Особого внимания славистов заслуживает вторая публикация 1971 г. — «VIII Международный съезд славистов. Библиография» (сост. Э. Велинска) [4]. Здесь содержится 1490 библиографических позиций относящихся к VIII съезду, которые распределены по рубрикам следующим образом: Доклады — I. Языкознание; II. Литературоведение; III. Литературно-лингвистическая проблематика; IV. Народная словесность; V. Общая славянская историко-филологическая проблематика; Самостоятельные публикации и журналы, посвященные съезду; Статьи. К основному библиогра-

фическому перечню приданы «Список использованных сборников и журналов...» и «Указатель имен». Исчерпывающий охват посвященной VIII съезду славистов литературы очевиден уже из ее рубрикации. Насколько ценно и полезно славистам разных профилей располагать такого рода библиографией, говорить излишне. Заслугой ее составителя Э. Велинской является та огромная, очень трудоемкая и кропотливая работа, которую провела она ранее по составлению и подготовке изданий библиографий II, III, VI и VII съездов славистов, соответственно вышедших в 1969, 1972, 1976 и 1978 гг. Посвященные славистическим съездам библиографии, изданные Славянской библиотекой, уже оказали, оказывают и будут оказывать свое содействии развитию славяноведения.

Еще одна славистическая библиография — «Кириллическая печать» вышла в 1982 г. и по своему типу несколько отлична от предыдущих. Ее публикация была приурочена к Выставке кириллических печатных изданий в Клементинуме (ноябрь 1982 г.), которая была подготовлена Славянской библиотекой к 400-летию со дня кончины Ивана Федорова (1583). В значительной степени эта выставка иллюстрирует результаты работы сотрудников Славянской библиотеки по выявлению кириллических и глаголических книг в Чехии для сводного каталога, издаваемого Государственной библиотекой СССР им. В. И. Ленина. Помимо книг, имеющихся в фондах Государственной библиотеки ЧСР (Университетская библиотека, Славянская библиотека), в библиографии «Кириллическая печать» отражены также кириллические издания, находящиеся в других книгохранилищах (Библиотека Национального музея, Главная библиотека ЧСАН в Праге и Государственные научные библиотеки Брно и Оломоуца). Издание знакомит читателей с историей кириллической печати в разных странах, содержит краткую характеристику кириллических типографий, а также список выявленных в Чехии старых глаголических изданий.

Все четыре рассмотренные библиографические издания вышли под редакцией директора Славянской библиотеки д-ра И. Вацка. В заключение информации о последних библиографических изданиях, подготовленных Славянской библиотекой, давно уже зарекомендовавшей себя как единственный в своем роде центр славистской библиографии, хочется пожелать коллективу и руководству библио-

теки дальнейших успехов на этом очень полезном и нужном для славистов всех стран поприще.

Л. К.

ЛИТЕРАТУРА

1. Советское славяноведение, 1968, № 5, с. 85—88; 1970, № 6, с. 104—105;

1978, № 2, с. 117—119; 1979, № 1, с. 116—117; 1981, № 4, с. 121.

2. Česko-polské literární vztahy. Sest. Pohleiová M. Praha, 1980.

3. Radegast Parolek. Bibliografický soupis publikovaných prací. Sest. Syllaba T., Křepinská M. Praha, 1981.

4. VIII Mezinárodní sjezd slavistů. Zagreb — Ljubljana, 1978. Bibliografie. Sest. Velinská E. Praha, 1981.

5. Cyrilské tisky. Praha, 1982.

О РАБОТЕ СЕКТОРА ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ И ИСТОРИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ АН СССР

В настоящем обзоре кратко характеризуются главные направления и результаты работы сектора древней истории и истории средних веков¹.

Сектор разрабатывает важнейшие проблемы социально-экономической, политической, этнической и культурной истории зарубежных славянских и восточно-романских народов, венгров (приблизительно с первых веков нашей эры, т. е. с появления свидетельств античных авторов о них, по XVII в.), относящиеся к данной тематике вопросы истории Византийской империи, а также некоторые стороны связей России со странами Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. В нынешней пятилетке центральное место в работе сотрудников сектора занимает подготовка коллективных трудов. Г. Г. Литаврин, Е. П. Наумов, Л. Е. Семенова, В. П. Шушарин пишут ряд разделов в одном томе по истории Болгарии, Югославии, Румынии и Венгрии. Г. Г. Литаврин, Е. П. Наумов, Б. Н. Флоря, А. И. Рогов, Г. П. Мельников участвуют в качестве авторов и членов редколлегии во II и III томах «Истории Европы».

Тематически и хронологически ведущими направлениями в работе сектора, как и ранее, были три крупные научные проблемы. Первая — этногенез и этническая история народов изучаемого региона, формирование раннесредневековых народностей Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. В разработке этой темы сектором намечены четыре важнейшие черты: комплексный, междисциплинарный подход как основной метод; особое внимание к проблеме формирова-

ния и развития этнического самосознания, ключевому вопросу возникновения и эволюции средневековых народностей; параллельная публикация главных источников; стремление к координации соответствующих исследований, что обеспечивается широким привлечением институтских, а также и внеинститутских авторов разных специальностей. По указанной проблематике сектор выпустил сборник статей «Формирование раннефеодальных славянских народностей» (М., 1981) с участием историков и лингвистов Института славяноведения и балканистики АН СССР, историков Института общественных наук АН УССР и Курганского педагогического института, а также археолога из Государственного Эрмитажа. Следующим шагом в разработке этой проблематики был коллективный труд «Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья» (М., 1982), в приложении к которому дан перевод сочинения Константина Багрянородного «Об управлении империей», выполненный Г. Г. Литавриным. Одновременно завершается подготовка к печати (совместно с Институтом истории СССР) комментированного русского издания этого ценнейшего источника по истории славянских и балканских народов раннесредневекового периода (ответственный — Г. Г. Литаврин, подготовивший также вступительную статью, комментарии к ряду глав и перевод некоторых из них). От сектора в комментировании также участвовали: Е. П. Наумов, Б. Н. Флоря, В. П. Шушарин, О. В. Иванова. Подготовлен к изданию сборник статей В. Д. Королюка «Славяне и восточные романцы в эпоху раннего средневековья (политическая и этническая история)».

¹ Научная деятельность сектора за десятилетие его существования (по 1980 г.) уже освещалась. См. [1].

В центре внимания сектора находятся две крупные работы: это, во-первых, коллективный труд «Очерки развития этнического самосознания народов Центральной и Юго-Восточной Европы в XII—XIV вв. (по памятникам исторической мысли и литературы)» (отв. редакторы — Г. Г. Литаврин, В. В. Иванов). Он задуман как комплексное исследование с участием историков и лингвистов Института славяноведения и балканистики АН СССР, а также сотрудников Института общественных наук АН УССР, Института научной информации по общественным наукам АН СССР, Минского государственного университета. Коллектив авторов предполагает охарактеризовать главные черты эволюции этнического самосознания славянских народов избранного региона в переходную эпоху феодальной раздробленности и последующего оформления сословных монархий.

Во-вторых, публикация «Древние славяне в письменных памятниках I—VI вв.». В подготовке свода источников участвуют историки и филологи как Института славяноведения и балканистики АН СССР, так и других академических научных учреждений. Редколлегия: Л. А. Гиндин, А. А. Зализняк, С. А. Иванов, Г. Г. Литаврин, Э. В. Удальцова, И. С. Чичуров. Намечено издать отрывки из текстов, относящихся к славянам, с вводными статьями и историко-филологическим комментарием.

Планируются и индивидуальные монографические исследования отдельных сотрудников сектора по этнической истории и развитию народностного самосознания в период развитого феодализма.

Вторым важнейшим направлением в работе сектора традиционно является тема «Генезис феодализма и образование феодальных государств в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы». По этой проблематике в 1981 г. вышла в свет публикация «Сказания о начале славянской письменности» (подготовлена Б. Н. Флорей). В соответствии с планом двустороннего сотрудничества Института славяноведения и балканистики АН СССР с Институтом чехословацкой и всеобщей истории ЧСАН и Институтом истории САН завершена подготовка к печати совместного сборника статей «Великая Моравия, ее международное и культурное значение».

В 1984 г. будет сдан в издательство коллективный труд «Становление и развитие раннефеодальных государств на Балканах в VII—XII вв.» (отв. редак-

тор Г. Г. Литаврин). Кроме сотрудников сектора в авторском коллективе участвуют медиевисты Калининского государственного университета и ИНИОН. Перед исследователями стоит задача, используя сравнительно-исторический метод, проследить связи между типологическими признаками социально-экономических институтов и особенностями структуры первых государственных образований в изучаемом регионе.

На стыке между первым и вторым направлениями научной деятельности сектора находится целевой проект по проблеме «Образование и развитие славянских раннефеодальных государств и народностей в Центральной и Юго-Восточной Европе» (ответственным за него с советской стороны является Г. Г. Литаврин). В 1983—1986 гг. предусматривается совместная разработка этой темы силами сотрудников Института славяноведения и балканистики АН СССР и некоторых других академических учреждений СССР, а также Болгарской АН, Чехословацкой АН и Словацкой АН с целью установления общего и особенного в упомянутых исторических и историко-культурных процессах. Планируется проведение нескольких симпозиумов по указанной теме. Первый намечается провести в Москве в начале 1984 г.

Третье основное направление в работе сектора связано с исследованием истории международных отношений и культурных связей в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе в средние века и в начале нового времени. В 1983 г. вышел в свет подготовленный сотрудниками сектора (при участии представителей Археологической комиссии, Института востоковедения АН СССР, Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР) коллективный труд «Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV—XVI вв.». Редколлегия: И. Б. Греков, Л. В. Заборовский, С. Ф. Орешкова, Л. Е. Семенова. В труде исследуются важные проблемы развития феодализма в Османской империи, внутренней эволюции государств региона перед началом и во время османских завоеваний, международных отношений в ту эпоху, а также отражение борьбы против экспансии Османской империи в произведениях литературы и публицистики народов этой части континента.

По названной проблематике в свет вышли монография Л. В. Заборовского «Россия, Речь Посполитая и Швеция

в середине XVII в. (Из истории международных отношений в Восточной и Юго-Восточной Европе) и сборник статей «Русско-балканские культурные связи в эпоху средневековьях» (София, 1982), подготовленный по плану двустороннего сотрудничества между Институтом славяноведения и балканистики АН СССР и Институтом балканистики БАН. В 1983 г. Б. Н. Флоря завершил работу над монографией «Россия и чешское восстание против Габсбургов (1618—1624 гг.)», а Г. П. Мельников и А. И. Виноградова подготовили публикацию «Хроники Сикста из Оттерсдорфа, важного памятника политической истории Чехии середины XVI в.

По указанным трем направлениям и по более широкому кругу тем сотрудники сектора опубликовали в 1981—1983 гг. немалое число статей, рецензий и других материалов в советских и зарубежных периодических изданиях и сборниках:

«Советское славяноведение», «Вопросы истории», «История СССР», «Византийский временник», «Средние века», «Балканские исследования», «Летопис на дружба» (София) и т. д.

Сотрудники сектора активно участвовали в различных международных и внутрисоюзных научных форумах, где они выступали с докладами и сообщениями.

Большим не только личным, но и секторским успехом стало присуждение А. И. Рогову Государственной премии 1982 г. в области науки за участие в подготовке «Очерков по истории русской культуры».

Заборский Л. В., Иванова О. В.

ЛИТЕРАТУРА

1. Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981, с. 279—285.

КОНФЕРЕНЦИЯ «ПОЛЕСЬЕ И ЭТНОГЕНЕЗ СЛАВЯН»

17—20 мая 1983 г. в Москве состоялась конференция «Полесье и этногенез славян», организованная Институтом славяноведения и балканистики АН СССР совместно с филологическим факультетом Московского университета. Она явилась итогом двадцатилетней систематической экспедиционной работы в Полесье, начатой по инициативе Ин-та славяноведения и балканистики в 1962 г. С 1974 г. в эту работу активно включились студенты, аспиранты и преподаватели филологического факультета МГУ, группирующиеся вокруг этнолингвистического семинара проф. Н. И. Толстого. Первоначальный этап полесских исследований, результатом которого явились сборники «Полесье» (1968), «Лексика Полесья» (1968), «Лексика Полесья ў прасторы і часе» (1971), был связан с проблематикой народной терминологии материальной культуры. В дальнейшем объектом изучения становится область духовной культуры и относящаяся сюда лексика. Совместно с МГУ было проведено 16 экспедиций в разные районы Полесья и обследовано 40 населенных пунктов. К началу конференции вышел из печати «Полесский этнолингвистический сборник» — первая книга полесской серии, отражающая новое направление работы; в нем, в частности, опубликована программа этнолингвистического атласа Полесья, по которой ведется сбор материала последние три года. Вошедшие в сборник материалы и исследования образуют неразрывное целое с материалами самой конференции («Полесье и этногенез

славян. Предварительные материалы и тезисы конференции». М., 1983, 156 с.).

Конференция посвящалась памяти покойного В. Д. Королюка, бывшего одним из ее инициаторов, и проводилась в соответствии с решением Второго (Звенигородского) координационного совещания по комплексным проблемам истории и культуры славянских и балканских народов, где была выдвинута проблема этнолингвистического изучения архаичных славянских зон в языковом и этнокультурном отношении и намечено проведение серии конференций по этой проблематике. Первая из них («Вопросы комплексного изучения древней славянской культуры. Этнолингвистический аспект») состоялась в 1981 г. в Ленинграде. Московская конференция — вторая из намеченных Звенигородским совещанием — стала важной вехой в развитии славянской этнолингвистики.

В редакционном предисловии к сборнику тезисов говорится: «При всем многообразии подходов и задач, специфике материала и научных традиций, представители разных дисциплин, работающие в Полесье или с полесскими данными, стремятся совместными усилиями подойти к решению общих вопросов этнокультурной и языковой истории и предистории Полесья, выработать приемлемые для всех дисциплин критерии и методы реконструкции древнейших форм материальной и духовной культуры и их языковой и этнической атрибуции. ...Наиболее универсальным и объединяющим все дисципли-

ны оказывается на современном этапе ареальное представление соответствующих диалектных, этнографических, антропологических и т. д. фактов, выявляющее определенное множество границ и ареалов внутри Полесья или связывающее Полесье с другими зонами славянского мира. Именно ареальная проекция, картографическое представление служат единым для разных дисциплин способом формулирования результатов и основой их дальнейшей этнической и хронологической интерпретации. Эта установка определяла общую направленность конференции.

В конференции приняли участие представители 30 научных учреждений и высших учебных заведений 16 городов, в том числе 11 институтов Академии наук (Москва, Ленинград, Киев, Минск, Гомель, Днепрпетровск, Иваново), 8 пединститутов (Минск, Житомир, Мозырь, Луцк, Глухов, Сумы, Нежин, Курск) и других институтов (Ровенский ин-т культуры, Московский музыкально-педагогический ин-т им. Гнесиных), а также этнографических музеев (Львов, Киев) и других учреждений. Среди участников конференции — 18 докторов наук, из них 13 профессоров, более 30 кандидатов наук, 4 аспиранта и 7 студентов. Проведено 8 заседаний, на которых заслушан и обсужден 64 доклад по археологии, антропологии, исторической географии, этнографии, этнолингвистике, диалектологии и фольклору Полесья.

Заседания проходили сначала в здании Института славяноведения и балканистики, где была устроена выставка фотографий из Полесского фотоархива, а затем в аудиториях филологического факультета МГУ. Отсутствие деления на секции облегчало общение специалистов разных областей и способствовало возникновению атмосферы взаимной заинтересованности, отличавшей конференцию.

Конференция открылась вступительным словом заместителя директора Института славяноведения и балканистики Ю. В. Богданова, которое было продолжено ведущей кафедрой русского языка МГУ проф. К. В. Горшковой. Затем с докладами, касающимися общих моментов полесской проблематики и методики этногенетического исследования выступили Н. И. Толстой («Полесье и его значение для славянской ареалогии»), Г. А. Хабургаев («Об условиях междисциплинарного подхода к решению проблем славянского этногенеза»), В. В. Седов («Припятское Полесье в славянском этногенезе по археологическим данным»), В. Д. Дяченко («Антропологическая характеристика полесского компонента сравнительно с другими компонентами»). В выступлении Ю. И. Смирнова, посвященном собранию общеславянских и сходных с ними фольклорных текстов в Полесье, подчеркивалось, что «записанные в Полесье тексты, как правило, могут считаться общеславянскими». Более глубокой архайки касался доклад В. В. Иванова «Отражение в обычаях Полесья индоевропейских обрядов почитания и ритуального сожжения коня (его головы) и колеса».

Дальнейшие заседания были организо-

ваны тематически. Первое из них посвящалось истории, археологии, антропологии и этногеографии. С докладами выступили В. Ф. Исаенко («Полесье в первобытную эпоху»), Л. Д. Поболь («К проблеме этногенеза славян: анализ археологических культур железного века Белорусского Полесья»), С. П. Сегада («Дерматоглифические особенности населения Украинского Полесья»), О. А. Купчинский («Древнейшие славянские топонимы и некоторые вопросы географии края»), Ф. Д. Климчук («Следы исторических границ в современном диалектном ландшафте Полесья»), С. Е. Никитина («Русские в Полесье. К проблеме этнолингвистических контактов»).

Во второй день конференции обсуждалась диалектологическая проблематика. Были заслушаны доклады Ф. Т. Жилко («Вокализм полесских говоров украинского языка»), Н. В. Никончука («К интерпретации балто-славянских лексических параллелей»), Т. М. Судник («К синонимии „быть“ и „жить“ в полесских говорах Белоруссии»), В. В. Шура («Иноязычные элементы в полесской животноводческой лексике»), А. С. Герда («Еще раз к вопросу об объекте этногенетических исследований»), Ф. Д. Климчука («Этногеографические представления полещуков»), В. М. Куриленко («К диалектной специфике Волынского Полесья. На материале животноводческой лексики»), В. М. Мокиенко (о семантике дней недели в связи со структурой пантеона), А. Е. Супруна («Из полесско-южнославянских изолексов»), Н. А. Старостенко («Полесско-славянское *коза* 'последний сноп или горсть колосьев' и *коза* 'огрех при полевых работах'»), Е. А. Левковской и А. Н. Никончука («*Волк* в лесной терминологии Полесья»), Т. Б. Лукиной (об отголосках культа предков в лексике славянских языков: *дед, баба, упырь*), П. А. Михайлова («О принципах составления регионально-ономастического словаря»), Е. А. Черепановой («Структурно-семантические типы составных микротопонимов Черниговско-Сумского Полесья»), Р. М. Козловой («К проблеме происхождения некоторых гидронимов бассейна Днепра»).

Третий день конференции начался с заседания, посвященного ареалогии. С докладами выступили А. С. Соколовская («Соотношение языковых, этнографических и археологических границ на территории Припятского Полесья»), Н. К. Гаврилюк («Об этнографическом районировании Украинского Полесья и полесско-карпатских параллелях» — на материале родинного обряда), Ю. Ф. Лащук («Районирование Украинского Полесья по данным народного искусства»), А. Т. Нестер («Региональные особенности народного ткачества Правобережного Украинского Полесья»), И. Я. Яшкин («О географии некоторых полесских трудовых приемов»), Г. А. Цыхун («Два полесско-южнославянских соответствия»: 1. *ламкание*; 2. *Железный человек*»), Ф. Бадаланова («*Орезовая ламанка*. К интерпретации поверий, связанных с орехом и молнией»), С. М. Толстая («К ареальной характеристике полесского традиционного календа-

ря)). Второе заседание касалось этнолингвистики и состояло из докладов П. Е. Гриценко («Этнолингвистический аспект реконструкции праславянской диалектной лексики»), О. А. Седаковой («Полесское брод 'агонии' и связанные с ним обрядовые представления»), Ф. Бадалановой и О. А. Терновской («О символике совы и курицы у славян»), П. Ф. Романюка («Обрядовое дерево в правобережнополесской свадьбе»), Г. И. Трубицкой («Нить и ее обрядовые функции»), Е. А. Охомуш и А. Т. Сизько («Из наблюдений над архаическими элементами народной духовной культуры степной Украины»), А. Т. Хроленко, И. С. Климас и Т. М. Малыхиной («С полесской программой в курское село»).

Первое заседание четвертого дня носило название «Верования, обряды, фольклор». Были заслушаны доклады А. Б. Страхова («Ритуально-бытовое обращение с хлебом и печью и его связь с представлением о Доле и загробном мире»), Л. Н. Виноградовой («Архаические формы полесских магических приемов и оберегов, связанных с уходом за ребенком»), Ю. И. Марченко, который прочитал доклад В. Е. Гусева «Вождение и похороны *стрелы* в Восточном Полесье», акцентируя внимание на музыкальной стороне обряда, Т. А. Агапкиной («О специфике полесского обряда встречи весны»), С. А. Китовой («*Вождение куста* в Волинском Полесье»), А. В. Гуры («Об одном малом фольклорном жанре. Словесная передача птичьих голосов»), Ф. Т. Евсеева («Русальные обряды и песни российско-украинско-белорусского пограничья»). Второе заседание посвящалось фольклору и включало доклады К. П. Кабашникова («О некоторых региональных особенностях фольклора Гомельской области»), В. И. Харитоновой («О традиции причитания в Полесье»), О. А. Пашиной («Живые песни Восточнобелорусского Полесья» — с точки зрения их музыкальной структуры), О. В. Беловой («Мотив *грешной ивы* в одной локальной традиции»), Ю. И. Смирнова («Баллада „Плененная татарами девушка губит себя“»).

С сообщениями выступили также не участвовавшие в сборнике тезисов С. В. Верговский («Строительные традиции украинского Полесья»), Р. А. Свирида («Строительные обряды украинского Полесья»), Л. И. Худаш («Из украинской демонологии») и В. И. Смирнов («Белорусский фольклор в Ивановской области»).

20 мая, после окончания конференции, было проведено заседание круглого стола, посвященное проблемами глоттогенеза восточных славян. На заседании выступили В. А. Дыбо, В. М. Живов, Ф. Д. Климчук, О. А. Купчинский, А. Е. Супрун, Н. И. Толстой, Б. А. Успенский, Г. А. Хабургаев. Обсуждался вопрос о соотношении дивергентных и конвергентных процессов в формировании древнерусского языка. В выступлениях подчеркивалось, что недооценка роли конвергентных процессов в восточнославянском глоттогенезе схематизирует картину формирования древнерусского язы-

ка, вступая в противоречие с данными типологии глоттогенетических процессов.

В решении, подводящем итоги конференции, говорится: «Конференция считает состоявшийся обмен мнениями и материалами по комплексному изучению полесских древностей плодотворным и своевременным, способствующим сотрудничеству исследователей разных специальностей и взаимному согласованию результатов и выводов разных научных дисциплин. В докладах и выступлениях подчеркивалось особое значение ареального, картографического представления фактов, относящихся к ведению каждой отдельной дисциплины, и дальнейшего сопоставления и исторической интерпретации полученных изоглосс, изопрагм, изодокс и ареалов.

Участники конференции единодушны в том, что Полесье представляет собой уникальную в славянском мире этнокультурную зону, сохраняющую до настоящего времени многочисленные архаические формы языка, фольклора, материальной и особенно духовной культуры, что ставит перед современной наукой задачу систематического всестороннего изучения Полесья.

Конференция считает необходимым всемерно поддерживать ведущиеся в настоящее время разными учреждениями Москвы, Белоруссии и Украины полевые экспедиционные исследования в Полесье и способствовать их расширению. В этих целях конференция рекомендует высшим учебным заведениям Полесья включать в программу диалектологической и фольклорной практики студентов сбор материала по традиционной духовной культуре Полесья по вопросам, разработанным и опубликованным Институтом славяноведения и балканистики АН СССР (...).

Конференция считает, что существующие периодические и серийные издания Академии наук СССР и высших учебных заведений недостаточно освещают ведущую полевую работу в Полесье и других восточнославянских зонах и исследования, посвященные данной проблематике. В связи с этим конференция предлагает поставить вопрос о возможности организации ряда специальных изданий, посвященных Полесью, в Академии наук УССР и Академии наук БССР.

Конференция считает необходимым продолжить комплексные этнолингвистические экспедиции Института славяноведения и балканистики АН СССР и Филологического факультета Московского университета в Полесье и организовать ряд других экспедиций в тот же регион силами Академии наук УССР, БССР, Киева, Минска, Львова, пединститутами и другими учреждениями, организовать обмен информацией о результатах экспедиций и материалах (...).

Конференция «Полесье и этногенез славян» считает целесообразным и актуальным подготовку и проведение очередной конференции по данной тематике и рекомендует провести ее в 1985 г. в Гомеле.

CONTENTS

Murashko G. P. On the position of the CPCz concerning the nationalization of the basic means of production under conditions of the development of the national democratic revolution into the socialist one. *Vyazemskaya Ye. K.* Russian diplomacy and the question of autonomy of Bosnia-Herzegovina in 1876. *Ronin V. K.* On Charles the Great's «power» over Slavs. *Musiyenko S. F.* Grodno period of Zofia Nalkowska's work. *Muryanov M. F.* A fragment of the cultural history of ancient Slavs. *Gavryushina L. K.* Russian manuscript tradition of the Life of Savva the Serb. *Sedakova I. A.* Description of the vocabulary and symbolism of the Christmas and New Year rites of Bulgarians (Christmas ritual loaves) . . . 3

REVIEW ARTICLES AND REVIEWS

Naumov Ye. P. National movements in Habsburg empire after the 1848—1849 revolutions. *Ivanov Yu. F.* Вопросы истории славян. *Onuchin A. N.* J. Novák Rodovčerby na Slovensku. 1. Kubínyiho zbierka pečati. *Nikolski S.* Horení Z. Jaroslav Hasek novinár. *Gribovskaya A. I., Motorny V. A.* 3. Урбан. Чехи и българи. Културни взаимоотношения. *L. K.* New bibliographic publications of the Slavonic Library 94

SCIENTIFIC LIFE

Zaborovski L. V., Ivanova O. V. Activities of the ancient and medieval history department of the Institute for Slavonic and Balkan studies, Academy of Sciences of the USSR. *Ternovskaya O. A.* Conference «Polesye and Slavic ethnogenesis». 107

Технический редактор *Е. В. Синицына*

Сдано в набор 11.10.83	Подписано к печати 16.12.83	Т-21732	Формат бумаги 70×108 ^{1/16}
Высокая печать	Усл. печ. л. 9,8	Усл. кр.-отт. 11,9 тыс.	Уч.-изд. л. 11,2
	Тираж 1171 экз.	Зак. 3256	Бум. л. 3,5

Издательство «Наука». 103717, ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 10

В-17

В ОРУДИКА 34/38-40

ТОЛСТОМУ И И

70891

Цена 1 р. 20 к.
Индекс 70891